

Раздел IV

Избирательный процесс 1917 г. в оценках современников

КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ АРСЕНЬЕВ

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ПЕТРОГРАДСКИЕ РАЙОННЫЕ ВЫБОРЫ. ДВЕ СТОРОНЫ МЕДАЛИ

25 мая [1917 г.] начались работы Совецания, призванного к составлению законопроекта об Учредительном собрании. Колоссальная важность этой задачи для всех очевидна. Недостаточно провозгласить принцип всеобщего в самом широком смысле, прямого, равного и тайного голосования; необходимо определить неизбежные и при всеобщей подаче голосов границы избирательного права, приискать наиболее рациональный способ разделения страны на избирательные округа, остановиться на той или другой системе выборов. У нас к этим вопросам присоединяется, ввиду обстоятельств военного времени, еще один: организация выборов в армии и флоте, обнимающих собою в данную минуту большинство работоспособных мужчин в возрасте от 18 до 45 лет. Совецание, не колеблясь, признало активное избирательное право за всеми, призванными под знамена, независимо от их возраста, фактический минимум которого 18 лет. Явною несправедливостью было бы, в самом деле, создание какого-либо неравенства между людьми, несущими одинаково ответственную службу, одинаково рискующими здоровьем и жизнью для защиты родины. Затем естественно должна была зайти речь о том, следует ли устанавливать различный возрастной ценз для военных чинов и для остальных граждан. Отрицательное отношение к такому различию явилось одним из аргументов в пользу общего для всех понижения возрастного ценза до 18 лет. Большинством Совецания (34 голосами против 12) это понижение отвергнуто. Главным доводом за принятие для всех избирателей возрастного ценза в 18 лет служило указание на связанную с этим возрастом (для мужчин) брачную правоспособность. «Если, – спрашивал один из членов Совецания, – деревенский парень, достигший 18 лет, может избрать себе подругу на всю жизнь, то неужели он менее зрел для участия в выборах лица, которое будет ведать менее существенные для него интересы?». Но ведь если интересы, затрагиваемые политическими выборами, «менее существенны» для избирателя, то менее активным может быть и напряжение его воли, менее обдуманной – его решимость подать голос за то или другое лицо, менее устойчивым – противодействие всяким посторонним влияниям. Свою невесту жених видит перед собою, знает более или менее близко ее семью, ее обстановку, ее прошлое; он чувствует, что ошибка в выборе может тяжело

отозваться на его судьбе. Несравненно менее ясен для многих юношей возможный результат выборов, неясно иной раз самое различие между кандидатами. Важность предстоящего шага умалывается для избирателя мыслью, что он только один из многих, очень многих, что его голос – ничтожная единица в крупной сумме. Да и всегда ли очень молодой человек, особенно в деревенском быту, сам избирает себе «подругу жизни»? Разве он не подчиняется сплошь и рядом совету родителей или старших родственников – совету, иной раз мало отличающемуся от требования? Не является ли ранний брачный возраст пережитком другого, патриархального строя? Не уменьшается ли с каждым годом число очень ранних браков? Во всяком случае, их заключается меньше в городах (особенно в больших городах), чем в деревнях, хотя умственная зрелость достигается в первых, говоря вообще, раньше, чем в последних. Если считать достижение брачного возраста условием избирательного права для мужчин, то почему же не признавать за ним того же значения и для женщин? А ведь для них брачный возраст наступает в шестнадцать лет! Не указывает ли это различие на физиологические соображения, служащие основой законодательства о брачном возрасте? По выражению одного из членов Совещания, предложение понизить возрастной ценз до 18 лет вызвано «политической арифметикой», т. е. предположением о выгодности этой меры для некоторых политических партий. Симпатичным расчет на незрелость, на незрелость ни в каком случае признан быть не может, но более чем сомнительна и его основательность. В какую сторону повернет неустойчивый, недозрелый избиратель, этого заранее предугадать нельзя. При одних условиях его будет легче направить влево, при других – вправо. Наиболее нормальным было бы приурочение избирательного права к общему гражданскому совершеннолетию, т. е. к 21 году¹, но большинство Совещания, отвергнув понижение возрастного ценза до 18 лет, все же приняло сравнительно невысокую норму – двадцать лет. Большого значения эта уступка не имеет: два года в период ранней молодости – такой срок, в продолжение которого можно значительно увеличить свои знания и свой политический опыт. Конечно, может показаться странным, что способность заведывать собственными делами признается наступающей позже, чем способность участвовать в общегосударственном деле, но эта несообразность будет устранена, если при предстоящем – нужно надеяться, в близком будущем – издании гражданского уложения гражданское совершеннолетие будет приурочено не к 21 году, а в двадцати годам. При новом политическом строе умственное развитие русских граждан несомненно пойдет ускоренным темпом, и более раннее освобождение от правоограничений, обусловленных возрастом, никаких неудобств представлять не будет.

Менее важен, чем вопрос о возрастном цензе, вопрос об изъятиях из избирательного права. Совещание поступило совершенно правильно, сведя эти ограничения к минимуму. Считать основанием к устранению от участия в выборах занятие той или другой предосудительной профессией, значило бы открыть путь к расследованиям, сопряженным с опасностью неосторожных или даже созна-

¹ Из справки, сообщенной одним из членов Совещания, видно, что в программах с[оциал-]д[емократов], с[оциалистов-]р[еволюционеров] и Крестьянского союза условием участия в политических выборах предполагалось считать возраст не моложе 20 лет (прим. К. Арсеньева).

тельно ложных обвинений. Возникало, между прочим, предположение, что избирательного права должны быть лишены сутенеры; но нелегко было бы установить признаки этой «профессии», еще труднее – доказать их наличие в каждом данном случае. Ничем не лучше содержателей домов терпимости хозяева тайных домов свиданий, но явное по отношению к первым не всегда могло бы быть обнаружено по отношению к последним... Не только несправедливостью, но и политической ошибкой было бы отвергнутое Совещением устранение из числа избирателей членов бывшего императорского дома. Огульные проскрипции никогда не приносили пользы тому делу, в интересах которого они предпринимались. Опасаться появления на выборах нескольких частных лиц, всецело утративших свое прежнее привилегированное положение, значило бы искусственно выделять их из толпы, среди которой, предоставленные самим себе, они, по всей вероятности, бесследно бы затерялись. Сохранение избирательного права за членами бывшего императорского дома один из ораторов Совещения назвал провокацией, вызовом, брошенным революционному народу. Но разве революция, отрицая и отменяя незаслуженные, явно несправедливые права, стремится заменить их справедливыми? Разве образование в среде правоспособных граждан группы лиц, бесправных исключительно в силу их происхождения, не может быть истолковано как доказательство присущей им силы, требующей особых мер предосторожности? Разве одной из форм провокации, задающей целью восстановление старый порядок, не могли бы стать вариации на тему «не прочна, должная, новая власть, если она боится выступления на выборах нескольких родственников бывшего императора?». Разве присутствие герцога Омальского и принца Жуанвильского во французском национальном собрании 1871–[18]75 гг. увеличило хоть сколько-нибудь шансы монархической реставрации? Опасным может быть при известных условиях участие в выборах такого лица, которое считает себя претендентом на престол, в особенности, если оно уже раньше открыто выступало в этом качестве. Не без основания ставили в вину французскому Учредительному собранию 1848 года отсутствие противодействия кандидатуре Людовика-Наполеона¹ в члены Собрания, но почему? Не потому, что он принадлежал по рождению к наполеоновскому «императорскому дому», а потому, что он два раза – в Страсбурге и в Булони – мотивировал эту принадлежность попыткой насильственного захвата верховной власти. Совершенно последовательно поступает современное французское республиканское правительство, принимая меры предосторожности только против одного из орлеанских принцев и одного из наполеонидов – именно против тех, которые считают и провозглашают себя имеющими право на французский престол.

Серьезное ограничение избирательного права проектируется по отношению к дезертирам. Значительным большинством голосов Совещение поручило ко-

¹ Нельзя не заметить, впрочем, что участие Людовика-Наполеона в Учредительном собрании само по себе, ввиду его скудных ораторских и дебатерских способностей, большой опасности не представляло. Дорогу к престолу проложила для него ошибка Учредительного собрания, предоставившего избрание президента республики не парламенту, а непосредственно народу (прим. К. Арсеньева). Луи-Наполеон Бонапарт (1808–1873) – президент Второй республики (1848–1851) и французский император (1852–1870).

миссии о выборах в армии и флоте выработать правила по этому предмету, причем дезертирами должны быть признаваемы лица, самовольно оставившие свои части с целью уклониться вовсе от военной службы, или от службы в действующей армии, или только от участия, хотя бы временно, в военных действиях.

Особенно оживленный спор происходил в среде Сопровождающих по вопросу о системе выборов. Защитники мажоритарной системы – т.е. выборов старого типа абсолютным большинством голосов – не отрицали, что пропорциональная система является наиболее совершенным политическим аппаратом; но этот аппарат, по их мнению, пригоден только в небольших странах, население которых достигло довольно высокой степени развития. Они опасаются, что у нас выборы по пропорциональной системе будут всецело отданы в руки партий. Над Россией воцарится партийная гегемония. «Мы будем спрашивать, – сказал В.А. Мякотин, – кто ты такой: с[оциал-]д[емократ], к[онституционный] д[емократ], с[оциалист-]р[еволюционер], н[ародный] с[оциалист] или прогрессист или кто-нибудь еще; и на эти вопросы нам должны будут ответить десятки миллионов избирателей, которые ни с[оциал-]д[емократы], ни к[онституционные] д[емократы], ни с[оциалисты-]р[еволюционеры], ни н[ародные] с[оциалисты]». Недостаток пропорциональной системы – непонятность для избирателей результата выборов. Не одна только пропорциональная система даст притом представительство меньшинству. Нет такого парламента, выбранного по мажоритарной системе, в котором не было бы меньшинства... По словам В.М. Гессена, пропорциональная система отнюдь не ведет к пропорциональному представительству всех или большинства или хотя бы господствующих течений общественной мысли: она дает лишь пропорциональное представительство крупных и организованных политических партий. В государстве, только что вступающем на путь свободной политической жизни, в государстве, где население не успело еще распределиться между партиями, пропорциональная система является невозможной. В России она создаст вместо сословной аристократии старого режима аристократию-партийных комитетов. В.В. Водовозов считает необходимым, чтобы каждый избирательный округ был знаком со своим депутатом, каждый депутат знал своих избирателей, каждый кандидат мог сказать своим избирателям, чего он хочет и что им обещает. Выборы по пропорциональной системе вновь создадут у нас искусственное представительство. Можно опасаться, что избранное по этой системе Учредительное собрание не будет пользоваться авторитетом; между тем непропорциональность, обуславливаемая мажоритарной системой, такую опасность, как показывает столетний опыт, не угрожает. М.С. Аджемов полагает, что и при действии пропорциональной системы избиратели на самом деле будут голосовать не за партию, а за лицо, и, таким образом, цель введения этой системы достигнута не будет. Внутри России должна господствовать мажоритарная система; на окраинах возможно установление системы пропорциональной. Необходимость различий между местностями признает и один из принципиальных защитников пропорциональной системы – С.А. Котляревский. Кроме него из числа юристов-государственников за пропорциональную систему говорил Н.И. Лазаревский. Другими сторонниками ее являются представители Совета рабочих

и солдатских депутатов и Партии социалистов-революционеров, а также представитель армии. Совещание большинством 27 голосов против 9 высказалось за пропорциональную систему, с оговоркой, что этим не исключается возможность местных отступлений.

Ввиду громадности и новизны опыта, предстоящего России, нелегко стать решительно и всецело на сторону одной из двух противоположных избирательных систем. Малоубедительными, во всяком случае, кажутся мне доводы защитников мажоритарной системы. Прежде всего необходимо помнить, что существуют два главных способа ее применения: выборы по округам (иначе – единомысленные выборы) и выборы по спискам. Выборы по спискам (*scrutin de liste*) имеют то общее с пропорциональной системой, что они предполагают существование обширных избирательных округов и способствуют влиянию партий, не исключая, однако, возможность избрания в одном и том же округе представителей весьма различных, иногда даже противоположных направлений. Так, например, при общих выборах в французское Учредительное собрание 1848 г. Париж избрал с одной стороны Ламартина¹ и других умеренных членов Временного правительства, с другой – Ледрю-Роллена², вождя республиканцев якобинского типа, и Луи Блана³, руководителя социалистической люксембургской комиссии. На дополнительных выборах (в июне того же года) в Париже прошли – с одной стороны – Прудон⁴, Пьер Леру⁵, Коссидьер⁶, с другой – Тьер⁷ и Людовик-Наполеон. На общих выборах в национальное собрание 1871 г. в Марселе избраны одновременно легитимист Шаретт и крайний республиканец Эскпрос, ультраосторожный генерал Трошко и неудержимо смелый Гамбетта⁸; в департаменте Изеры прошли представители всех состязавшихся между собою партий. На дополнительных выборах (в июле того же года) депутатами от Парижа избраны пять испытанных республиканцев, пять последовательных монархистов и одиннадцать умеренных консерваторов, готовых стать на сторону республики. Отсюда, однако, отнюдь не следует, чтобы при выборах по спискам можно было рассчитывать на более или менее правильное распределение депутатских мест между представителями различных партий; при условиях, не благоприятствующих компромис-

¹ Ламартин Альфонс (1790–1869) – французский поэт, историк и политический деятель, в 1848 г. министр иностранных дел и фактический глава правительства.

² Ледрю-Роллен Александр Огюст (1807–1874) – французский публицист и политический деятель, в 1848 г. член Временного правительства.

³ Блан Луи (1811–1882) – французский историк, член Временного правительства во время революции 1848 г.

⁴ Прудон Пьер Жозеф (1809–1865) – французский публицист, экономист, один из родоначальников анархизма.

⁵ Леру Пьер (1797–1871) – французский философ и публицист, один из основателей христианского социализма.

⁶ Коссидьер Марк (1808–1861) – французский революционер, организатор тайных обществ, после февральской революции 1848 г. префект полиции в Париже.

⁷ Тьер Адольф (1797–1877) – французский историк и государственный деятель, премьер-министр (1836, 1840), президент республики (1871–1873).

⁸ Гамбетта Леон (1838–1882) – французский государственный деятель, член правительства (1870–1871), председатель Совета министров и министр иностранных дел (1881–1882).

сам, при значительном численном преобладании одной партии, ей легко может достаться победа, ничего не дающая всем остальным или оставляющая для них очень и очень мало. Чем обширнее избирательный округ (а у нас при выборах по спискам округа, несомненно, были бы очень велики), тем менее возможно осуществление тех условий, которые намечались в Совещании защитниками мажоритарной системы. Избиратели и кандидаты редко знали бы друг друга, редко вступали бы в непосредственные сношения, редко давали бы и выслушивали бы личные обещания; внимание избирателей было бы обращено, главным образом, не на личные свойства кандидатов, а на принадлежность их к той или другой партии; списки кандидатов изготовлялись бы партиями, самостоятельная их проверка избирателями была бы тем труднее, чем больше число избираемых округом депутатов и, следовательно, число претендентов на избрание.

Иное значение имеют аргументы сторонников мажоритарной системы, раз они сводятся к защите единоличных выборов¹, приуроченных к небольшим избирательным округам (во Франции, например, выборы происходят не по департаментам, а по *arrondissements*, т.е. подпрефектурам). Здесь, в самом деле, возможно и даже вероятно непосредственное соприкосновение избирателей с кандидатами, возможна роль личности, перевешивающая значение партийной окраски. Но разве это не представляет значительных неудобств, открывая широкое поле для личных влияний – часто более опасных, чем партийные, – выдвигая на первый план «интересы колокольной» и вместе с ними так называемые *célébrités de clocher*², затрудняя избрание людей, широко известных в стране, но ни с какою определенной местностью непосредственно не связанных, понижая, следовательно, умственный уровень парламента? Недаром Гамбетта боролся так упорно за восстановление *scrutin de liste*, отмененного в 1875 г. Ему не удалось достигнуть этой цели; выборы по спискам были вновь введены лишь после его смерти, но вскоре (1889) вновь отменены, чтобы предупредить создаваемую ими возможность избрания одного и того же лица сразу во многих департаментах³. В господстве системы единоличных выборов многие расположены видеть одну из причин сравнительно мало выдающегося в течение последних десятилетий состава французской палаты депутатов. Не вдаваясь в подробный разбор этого мнения, достаточно заметить, что на почве единоличных выборов легко утрачивается личная независимость депутатов и растет настойчивость не всегда бескорыстных требований, предъявляемых к ним влиятельными туземцами. А между тем партийное воздействие имеется налицо и при этой системе: и в небольшом округе кандидаты выступают большею частью при поддержке партии, ею рекомендуются и проводятся, перед нею принимают на себя те

¹ Это название нельзя понимать буквально: при выборах по округам возможно предоставление тому или другому округу, особенно крупному и многолюдному, права избрания двух депутатов или деление округа на две части, из которых каждая избирает своего депутата (*прим. К. Арсеньева*).

² Местные знаменитости (*франц.*).

³ Этим путем генерал Буланже хотел, по-видимому, подготовить свою диктатуру. Против опасности, сопряженной с множественными выборами – опасности более воображаемой, чем реальной, существует, однако, другое, менее радикальное средство, к которому и прибегло наше Совещание: признание действительными выборами одного и того же лица не более, как в пяти округах (*прим. К. Арсеньева*). Буланже Жорж (1837–1891) – французский генерал, военный министр (1886–1887).

или другие, прямо выраженные или разумеющиеся сами собою обязательства. Почему, наконец, исход единоличных выборов всегда следует считать понятным, а исход пропорциональных выборов – всегда непонятным или малопонятным для избирателей? Нелегко, быть может, усвоить себе все детали расчета, требуемого тою или другою разновидностью пропорциональной системы; но разве трудно уразуметь, что большему числу поданных голосов должно соответствовать и большее число депутатских мест? Что странного, например, в том, что социалисты разных оттенков, собрав на районных выборах в Петрограде 27, 28 и 29 мая [1917 г.] почти в пять раз больше голосов, чем конституционалисты-демократы, получили приблизительно во столько же раз большее число голосов в районных думах? Конечно, введение пропорциональной системы выборов будет способствовать распределению большинства русских граждан между политическими партиями: но ведь в свободной стране этот процесс совершенно неизбежен, и ускоренный темп его – если в нем отсутствует элемент насилия – никакой опасностью не угрожает. Можно, притом, не быть членом партии, не подчиняться ее дисциплине, но сочувствовать, в общем, ее программе и идти вместе с нею на выборах. При мажоритарной системе и выборах по округам избиратель сплошь и рядом бывает вынужден подать голос не за того, чьим мнениям он всего больше сочувствует, а за того, кто ему сравнительно менее антипатичен, чем другой или другие. Особенно часто это случается при перебаллотировках, когда дело решается относительным большинством голосов. Пропорциональная система в такое неудобное положение избирателя не ставит; его голос во всяком случае идет в пользу тех, чью сторону он держит, и пропадает даром только в таком случае, если их слишком уже немного. Конечно, людей малоэнергичных или мало озабоченных общественным делом слабость партии, которой они сочувствуют, может расположить к индифферентизму, к уклонению от участия в выборах; но других, наоборот, та же причина может побудить к напряжению всех сил, с целью увеличить численность и, следовательно, избирательные шансы партии.

Огромное, высокоценное преимущество пропорциональной системы – сравнительно благоприятное положение, создаваемое ею для меньшинства. Не умаляет этого преимущества тот факт, что и в парламентах, выбранных по мажоритарной системе, всегда есть представители меньшинства. Да, есть, но в какое положение они часто бывают поставлены? Что могла сделать, например, та горсть либералов, которая составляла всю оппозицию во французской палате депутатов времен Виллеля? Что могли сделать знаменитые пять в наполеоновском законодательном корпусе 1857–[18]63 гг.? Конечно, в первом случае слабость оппозиции объясняется вопиющими недостатками избирательного закона, во втором – вопиющими злоупотреблениями при его применении; но при пропорциональной системе аннулирование парламентской самостоятельности не могло бы быть столь полным, потому что и в тех округах, где торжествовали правительственные любимцы, подавались же голоса за оппозиционных кандидатов... На чем основывается, далее, предположение, что настоящим авторитетом может пользоваться только Учредительное собрание, избранное

по мажоритарной системе? Исторический опыт этого предположения не подтверждает. Велик ли был авторитет французского Учредительного собрания 1848 года, против которого, десять дней спустя после его созыва, пошла походом невооруженная, а несколькими неделями позже – вооруженная толпа? Велик ли был в том же году авторитет франкфуртского парламента, берлинского национального собрания, венского учредительного рейхстага? Велик ли, наконец, был авторитет французского национального собрания 1871–[18]75 гг., не называвшегося учредительным, но бывшего им на самом деле? Авторитет собрания обуславливается не избранием его по старым, привычным нормам, а обстоятельствами, при которых оно избрано, целями, которые оно преследует, и средствами, которыми старается их достигнуть. Система избрания важна лишь настолько, насколько она содействует соединению в собрании лучших народных сил и направлению их на пути, ведущие к общему благу. Дать голос по возможности всем течениям, существующим в стране, упрочить за ними такую роль, которая соответствовала бы, приблизительно, их распространенности и углубленности в среде народа – такова задача избирательной системы; обеспечить свободу предвыборной агитации и выборной процедуры, оградить избирателей в одинаковой мере от давления сверху и от насилия сбоку или снизу – такова задача правительственной власти. Как бы близок к совершенству ни был избирательный закон, он не достигнет цели, если избирательный период будет омрачен безвластием или многовластием, анархией или насиланием чужой воли. С какими бы неудобствами ни было сопряжено одновременное действие двух избирательных систем, у нас совершенно обойтись без него, по всей вероятности, не окажется возможным. Едва ли, однако, можно согласиться с формулой, предложенной одним из членов Совещания: «Пропорциональная система на окраинах, мажоритарная – внутри России». Мне кажется, что мажоритарная система целесообразна именно на окраинах – конечно, не западных, а восточных, где много инородцев, вовсе или почти вовсе еще не затронутых партийной жизнью. В центральных областях России введение пропорциональной системы едва ли может встретить серьезные затруднения.

В газетных отчетах о Совещании тяжелое впечатление производят следующие слова, сказанные одним из сторонников понижения возрастного ценза до 18 лет: «Боюсь я, чтобы с нашим проектом со всеми этими ограничениями не случилось того же, что случилось с приговором относительно лачуги (?) несчастной (?) Кшесинской». Если смысл этих слов заключается в том, что в выборах фактически, «явочным порядком», могут принять участие устраненные от них законом, то целесообразно ли вносить в обсуждение одного из важнейших законопроектов сомнение в его исполнимости, в восприятии им той силы, которая должна быть присуща закону? Не похоже ли это на попытку убедить сторонников известной меры в тщете их усилий, в неотвратимости сопротивления, о которое она должна разбиться? Что ожидает Россию, если выборы в Учредительное собрание будут происходить не на основании строго продуманного, тщательно взвешенного закона, а под воздействием стихийных сил, случайных, произвольных решений? Неужели нашей родине предстоит это испытание, еще

более тяжкое, чем все, перенесенные и переносимые ею в последнее время?

<...>

О результате петроградских выборов в районные думы можно судить весьма различно, но едва ли можно обращать его в аргумент против пропорциональной избирательной системы. Выше уже было замечено, что «непонятого» в нем нет ничего: данные предпосылки необходимо должны были привести к данному исходу. Едва ли можно сомневаться в том, что при мажоритарной системе во всех районах (кроме Выборгского) победа осталась бы всецело за с[оциал]-д[емократами] меньшевиками и соц[иалистами]-революционерами с полным устранением Партии народной свободы и, тем более, всех остальных... Само собою разумеется, что обстановка, при которой происходили петроградские районные выборы, нормально названа быть не может. Не только при районных, но и при общегородских или общеземских выборах на первом плане должны стоять местные интересы; партийным политическим вопросам может быть отведена только второстепенная роль; решающее значение должно принадлежать хозяйственным задачам и практическим приемам их осуществления. Технические навыки и знания важнее в этой области, чем партийный символ веры. К районным думам все это тем более применимо, что они не имеют права устанавливать налоги и определять порядок их взимания. И все-таки нельзя удивляться тому, что первые районные выборы оказались насквозь пропитанными политикой. Это была политическая «проба пера», первая попытка определить взаимоотношение сил и вывести заключение о шансах, представляемых ближайшим будущим. Способствовала этому и многочисленность в Петрограде в данную минуту военного элемента, очень мало заинтересованного в преуспевании той или другой части города, но насквозь проникнутого политической страстью. Всем этим результат выборов был в значительной степени предрешен, и против него нельзя было бы сказать ни слова, если бы можно было быть уверенным, что ничем и никем не была нарушена правильность голосования и избирательная свобода. К несчастью, не о том свидетельствует действительность. Достаточно припомнить один из печальных эпизодов избирательной кампании – задержание солдатами на улице в Литейном районе 28 мая представителей Партии народной свободы, доставка их в полковой комитет Волынского полка, будто бы запретивший (!) агитацию этой партии, затем нашествие на бюро партии и уничтожение партийной литературы. При первом разборе во временном суде возникшего по этому поводу дела один из двух обвиняемых прерывал свидетелей, грозил обвинителю. Ко второму, окончательному разбору явился только другой обвиняемый; первый должен был до суда выехать из Петрограда по требованию своего начальства. Временный суд признал явившегося обвиняемого виновным в нарушении свободы выборов и в самоуправстве и присудил его к аресту на один месяц. Когда по объявлении приговора обвинитель заявил суду просьбу о неприведении его в исполнение, судья, посоветовавшись с членами суда от солдат и от рабочих, обратился

к осужденному со следующими словами: «Потерпевшие освободили вас от наказания. Временный суд поручил мне разъяснить вам, что в свободной России всякий гражданин и всякая партия могут свободно вести свою агитацию. Тот, кто препятствует этому, является первым нарушителем свободы. Все граждане должны объединиться для защиты свободы совести, слова, печати, неприкосновенности личности, жилища, добытых с таким трудом. Эти свободы должны охраняться всеми гражданами. Идите и помните об этом». Прекрасные слова, но как печально, что их пришлось произносить в столице свободного государства! И сколько случаев подобного или еще худшего насилия остались неизвестными, не встретив ни реального, ни идейного противодействия! Какая громадная работа предстоит власти, обществу, народу, чтобы распространить и укрепить в широких массах трезвое понимание свободы, создаваемых ею прав и налагаемых ею обязанностей!

<...>

Кто помнит первые дни пробуждения русского общества после Крымской войны, первые порывы, первые остановки, первые шаги назад; кто пережил вторую, бледную зарю реформ и последовавшую за нею бесконечную политическую ночь 80-х и 90-х годов; кто был свидетелем мгновенной победы и длительного подавления первой русской революции – тот не может не сознавать с особенною ясностью всю громадность результатов, уже достигнутых великим февральским переворотом. В течение немногих недель сделано то, для чего при других, даже не слишком неблагоприятных условиях, потребовались бы долгие годы. Один за другим разрубаются гордые узлы, распутывание которых или вовсе не ставилось на очередь, или едва подвигалось вперед – то отрицаемое в принципе, то всячески задерживаемое в действительности. Каким далеким казалось еще недавно уравнение перед законом всех национальностей, населяющих Россию – и, тем более, проведение равенства их в жизнь, устранение не только юридических, но и фактических преград, расставленных на пути к реальному пользованию номинально признанными правами! Можно ли было думать, что евреи, столь тщательно устраненные от участия в государственной и общественной деятельности, сразу получают доступ в высшие ее сферы? Можно ли было ожидать справедливого отношения к местным, в большей или меньшей степени опальным языкам? Какое противодействие не только со стороны старой, ничего не забывшей и ничему не научившейся власти, но и со стороны законодательных учреждений старого типа встретила бы мысль об автономии тех или других областей России? Легко ли было бы добиться уничтожения всех пут, которыми, после мимолетной свободы, была связана Финляндия?.. В течение целых десятилетий неисправленными оставались самые вопиющие недостатки, непополненными – самые очевидные пробелы местного самоуправления. Над городами и земствами тяготели законы, изданные со специальною целью их порабощения. В проекты преобразований, едва двигавшиеся с места, заботливо переносились черты, выгодные только для небольшого меньшинства. Упорно

отстаивались курии как необходимая принадлежность искусственной до уродливости избирательной системы. Только на бумаге, и то не вполне, проведено было уравнение крестьянства с другими сословиями. Прошло полвека со времени крестьянской реформы, а логически вытекавшая из нее всесословная волость все еще оставалась в области благих пожеланий. Отвергнутая за несколько недель до Великой войны верхней палатой, она была вновь проектирована Думой в крайне неудачной форме – и все-таки легко могла подвергнуться новому крушению. Незыблемой казалась полицейская твердыня, немислимой – передача полицейских функций в руки местной выборной власти. А между тем все эти ларчики открывались очень просто – и они все незамедлительно были открыты Временным правительством... Еще крепче, чем за остановленные в своем развитии, оторванные от почвы органы местного самоуправления, старый порядок держался за учреждение, никогда никакой почвы под собой не имевшее, как острый клин врезавшееся в народный быт и тщетно старавшееся привить к нему чуждые ему начала. Не скоро при обычном ходе событий можно было бы дожидаться упразднения земских начальников: как администраторы, они несомненно уцелели бы и после повсеместного введения мирового суда, да и введение его не из-за них ли, отчасти, шло вперед таким черепашиным шагом?

Несколько больше, чем местному самоуправлению, посчастливилось в последние годы старого строя местному суду. Закон 1912 года восстановил одну из главных основ великой судебной реформы, грубо уничтоженную во время ломки восьмидесятых годов: отделение судебной власти от административной. Не без существенного искажения, но все же вновь был призван к жизни мировой суд, с сохранением, однако, подле него по-прежнему крайне несовершенного специального крестьянского суда. Об удалении других болезненных новообразований, привитых в годы реакции к судебному организму, тем более, об устранении всего того, что с самого начала не соответствовало в нем истинным требованиям правосудия, не было и не могло быть речи, пока царил режим, проникнутый преданиями и привычками произвола. В лучшем случае попытки пересмотра судебных уставов затягивались на долгие годы и не приводили ни к чему, в худшем – обостряли расхождение закона с новыми условиями жизни. При новом режиме тотчас же началась и быстро идет работа, не только возвращающая все ценное, потерянное в течение полувека, но и поднимающая судебный строй и судебные порядки на ту высоту, на которую они не могли, по причинам политического характера, стать сразу. Не менее ясно, чем в области судостроительства и судопроизводства, основной порок самодержавного режима чувствовался и в области материального права. В продолжение четырнадцати лет новое уголовное уложение, успевшее за это время стать старым – старым не только по времени, но, отчасти и по содержанию, – оставалось висящим на воздухе, ненормально сочетаясь с совсем уже одряхлевшим уложением 1845 года. Применялись на практике только наименее удовлетворительные, но именно потому наиболее удовлетворявшие старую власть отделы нового кодекса. О необходимости положить конец «двухзаконию» говорилось немало, но не делалось для этого почти ничего. Теперь работа кипит – и первым, почти

немедленно после революции достигнутым ею результатом была полная отмена смертной казни. Можно надеяться, что в скором времени у нас будет действовать одно уголовное уложение, пересмотренное и приспособленное к свободному государственному строю. На основе продиктованных доконституционными взглядами постановлений уголовного уложения подчинявшиеся закулисным влияниям суды постановили длинный ряд решений, последствием которых являлось – не говоря уже о тяжких карах – политическое бесправие осужденных. Напрасно в течение многих лет ожидалась амнистия или, по меньшей мере, отмена закона, в силу которого наказание, не сопряженное с поражением прав, влекло за собою целый ряд правоограничений; напрасным это ожидание, по всей вероятности, продолжало бы быть и при частичной перемене к лучшему в политической обстановке. Но не прошло и нескольких дней после переворота – и в среду свободных и полноправных граждан сразу были возвращены тысячи узников и изгнанников, сотни лиц, искусственно оторванных от активной политической жизни.

Слишком долго было бы перечислять все области законодательства, в которых повеяло новым духом и сделалось возможным стремление к давно намеченным, но лишь выдвигавшимся целям. Не подлежит никакому сомнению, что при старом порядке не скоро сдвинулся бы с мертвой точки такой громадный законодательный труд, как давно законченное и затем точно забытое гражданское уложение. Только теперь мыслимо обновление его содержания, мыслим пересмотр его не только для редакционных, технических поправок; только теперь в нем могут найти место действительно жизненные постановления о супружеском союзе, о разводе, о личном найме, о многих институтах имущественного права. Не говорю уже о радикальных переменах, которые должно внести в него разрешение векового земельного вопроса... Насколько должно и может развиваться вширь и вглубь рабочее законодательство – это не требует пояснений. Всестороннее изменение отношений между гражданами и властью влечет за собою совершенно новую постановку вопроса об административной юстиции. Затруднений на всех этих дорогах предстоит, без сомнения, немало; но они будут иметь совершенно другой характер, чем встречавшиеся до сих пор, потому что будут исходить не из узко понятых и упорно защищаемых интересов одного или немногих.

Преобразование финансовой системы, тяжело удручавшей массу, слишком легко затрагивавшей состоятельное меньшинство, целые десятилетия не выходило из круга робких, слабых начинаний. Единственным серьезным шагом вперед было состоявшееся в прошлом году под давлением военных обстоятельств введение прогрессивного подоходного налога. Теперь дорога вперед открыта, препятствия устранены; старая нерешительность, за которою сплошь и рядом скрывалась боязнь конфликта с влиятельными сферами, должна и может уступить место смелой предприимчивости. То же самое следует сказать и о народном образовании. В глазах павшей власти опасным был численный рост училищ и учащихся, еще опаснее – свобода преподавания. Для новой власти подобных опасений не существует.

Главными своими устоями старый режим считал войско и духовенство. Армия была его мирским, православная церковь – его духовным орудием. Для пользования как тем, так и другим необходима была покорность воле начальства. Размышлять ни там, ни тут не полагалось. Важное значение признавалось за техническими усовершенствованиями, отчасти – за улучшением материального быта, но отнюдь не за подъемом духа, невозможным без некоторой свободы. Новый строй увидел в солдате человека; дисциплину, основанную на строе, он решился заменить дисциплиной, основанной на убеждении. С церкви он снял веками лежавшие на ней узы – и этого было достаточно, чтобы в короткое время сделаны были первые шаги к избранию священников прихожанами, епископов – не только священниками, но и мирянами. В ближайшем будущем можно ожидать реформы прихода, о которой до сих пор только говорили, и созыва Собора, который был поставлен на очередь двенадцать лет тому назад, но к осуществлению которого не было сделано ни одного серьезного шага. В короткое время вершины церкви были очищены от гнилых элементов, долго служивших источниками соблазна. Исчезли последние следы стеснений, коренившихся в различии вероисповеданий; немислимым стало повторение таких явлений, как практиковавшееся еще недавно преследование баптистов. И не одна только религиозная свобода нашла признание в актах Временного правительства. В первые же дни своего существования оно провозгласило неприкосновенность жилища, свободу слова, печати, обществ и собраний. Само собою перестало действовать «временное» положение об усиленной и чрезвычайной охране, более тридцати пяти лет тяготевшее над Россией. Все провозглашенные свободы получили широкое применение в действительности. Собrania происходят не только в закрытых помещениях, но и на улицах и площадях; число обществ и союзов постоянно растет; значительно увеличилось число периодических изданий, в особенности – изданий той окраски, которая при старом режиме была фактически запретной. До половины июня не было возбуждено ни одного преследования за преступление печати.

<...>

Такова одна, ослепительно блестящая сторона медали. Есть, к несчастью, и другая.

Как ни быстро, сравнительно, совершалось обновление административного строя, вызванное переворотом, общее возбуждение нарастало еще быстрее. То там, то тут появлялись, не ожидая полномочий сверху, самочинные организации, бравшие на себя, в тех или других формах и размерах, с соблюдением тех или других условий, функции фактически или юридически упраздненных учреждений и должностных лиц. Само по себе это было бы небольшою бедою, иногда – даже услугой, оказанной порядку, – если бы самопроизвольно создавшиеся власти тотчас же, без противодействия, уступили место своим правомочным преемникам. Но это происходило не везде; в одних случаях наступало более или менее продолжительное многовластие, в других дело

доходило до прямого неповиновения центральному правительству. В разных местах России слагались своеобразные «республики», до крайности затруднявшие без того уже тяжелое положение страны. Слишком хорошо известна роль, которую сыграл и продолжает играть Кронштадт как своего рода государство в государстве. Почти нигде еще не действуют правильно избранные на основе новых законов новые городские, земские, волостные учреждения. Единственное исключение составляют петроградские районные думы, к которым на днях должны присоединиться петроградская и московская временные центральные городские думы. Общий характер картины этим к лучшему не изменяется: ненормально совершились выборы в районные думы, ненормально произошел роспуск прежней центральной петроградской думы. Не соответствует пока своему назначению вновь образованная милиция, унаследовавшая права и обязанности полицейских властей, но недостаточно возвысившаяся над их уровнем. Сложный и трудный вопрос об областных автономиях, входящий всецело в круг действий Учредительного собрания, предрешается для значительной части государства «универсалом» украинской «рады» Финляндия не удовлетворяется, по-видимому, возвращением ей всего отнятого у нее старым режимом. Кое-где появляются признаки настроения, в былые годы становившегося источником еврейских погромов.

Самый идеальный судебный строй, самый образцовый судебный процесс, самое совершенное материальное право ценны лишь настолько, насколько никто не может быть привлечен к суду иначе, как компетентною властью, в установленном для того порядке, не может быть подвергнут ответственности или лишен принадлежащего ему права иначе, как компетентным судом, на основании применимого к данному случаю закона. Далеко не везде эти простейшие начала сознаются и применяются у нас в настоящее время. Обвинительные, следственные и судебные функции присваиваются лицами или учреждениями, законом к тому не призванными; декретируемое ими лишение свободы длится целые месяцы, иногда вопреки прямо заявленному законному требованию законной власти; нарушаются бесспорные права частных лиц, не восстанавливаемые даже после состоявшегося и вступившего в силу судебного о том решения. С другой стороны, распространяется самосуд толпы, не только заканчивающийся фактически смертью виновного (или невиновного, как в известном случае с техником Андреевым), но иногда выливающийся – как недавно в Кронштадте – в форму сознательно произнесенного и сознательно исполненного смертного приговора. Реальным благом улучшение нашего законодательства, как бы далеко оно ни шло на бумаге, станет только тогда, когда произвол везде и во всем уступит место праву и охрана права не будет встречать труднопреодолимых препятствий.

В финансовой области повышение прежних и введение новых налогов парализуется в значительной степени слабым их поступлением и непомерным ростом расходов. Что мешало и отчасти мешает до сих пор водворению в рядах армии новой дисциплины, что уменьшило ее боеспособность и замедлило тем самым окончание войны – это слишком хорошо известно. В пустой звук

обращается слишком часто свобода слова под влиянием угроз, легко переходящих в действие, свобода печати – вследствие захвата типографий или отказа в наборе рукописей, свобода собраний – вследствие нашествия враждебно настроенной толпы, свобода партийных агитаторов – вследствие вторжения в избирательное бюро, неприкосновенность жилища – вследствие легко совершаемого и нелегко прекращаемого занятия чужих помещений. И здесь за чрезмерным вытягиванием струны в одном направлении следует иногда резкое движение ее в другом, противоположном. Не применяемые более властью меры усиленной или чрезвычайной охраны пускаются в ход помимо нее, доходя иной раз (например, в Томске) до провозглашения осадного положения... А между тем в будущем, теперь уже близком, предстоит созыв Учредительного собрания. Что ему, и только ему одному, принадлежит решение судеб России – это признается с самых различных сторон. Столь же несомненно и то, что все, сделанное и делаемое Временным правительством, укрепляет почву, на которой будет строиться здание новой, свободной России. Логический вывод отсюда – устранение всего того, что, тормозя работу власти, созданной революцией и поддерживаемой организованными силами русской демократии, грозит успеху великого дела. Не всегда, однако, торжествует логика, и с надеждой невольно смешивается опасение за будущее. Как бы ни были утомлены глаза долголетнего наблюдателя русской жизни, не такое теперь время, чтобы они могли закрыться спокойно.

P.S. К мрачным сторонам картины, набросанной в конце настоящей статьи, присоединились другие, еще более мрачные. За печальными событиями предпоследней июньской недели последовали ужасные события 3 и 4 июля. Возникает зато надежда, что самый избыток зла откроет путь к его устранению.

*Публикуется по изданию:
Арсеньев К.К. Учредительное собрание
и петроградские районные выборы.
Две стороны медали // Вестник Европы. 1917.
Апрель–май–июнь. С. 660–678.*

АЛЕКСЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ БЕЛОРУССОВ

ПЕРЕСМОТР ИДЕОЛОГИИ

Здание революции увенчано крушением России и иностранной опекой над теми областями, которые от нее остались. Совершили это дело руки большевиков, но было бы неправильно возложить всю ответственность на них, так как их личные и идейные связи со всеми социалистическими партиями очень многообразны и тесны, выражением чего и служило признание большевиков со стороны всевозможных «умеренных социалистов» идейным течением, с отдельными проявлениями которого хотя и можно бороться в порядке идей, но с которым следует поддерживать «единый фронт» против буржуазии.

Было бы, однако, ошибочно и безответственно в действительности мыслить идеологию социалистов совершенно отдельной и обособленной от идеологии той части русского общества, которую теперь для краткости любят называть буржуазной, мелкобуржуазной, буржуазно-демократической и т.д. В действительности вся русская интеллигентная мысль, за исключением реакционного правого крыла, проникнута народолюбивым чувством и демократическими идеями, то близкими к социализму, то сливающимися с ним рядом малозаметных переходов. Русская прогрессивная и демократическая мысль и революционный социализм – как две ветви одного общего ствола – питались в значительной степени общими соками. Если поэтому революционный социализм расцвел ядовитым красным цветком, то какова в этом ответственность нашей несоциалистической, общеинтеллигентской мысли, всей нашей духовной и умственной культуры, над которой мы трудились последние десятилетия? Ответить на этот вопрос исчерпывающе я не претендую. Но я считаю очередной задачей пересмотр нашей идеологии, так как не подлежит сомнению, что вся русская интеллигенция десятки лет готовила почву для растения и ухаживала за ростом и развитием его, – ростом и развитием, который и увенчался расцветом красного цветка позора, унижения и разорения. На некоторых элементах этой идеологии я позволю себе остановиться.

I. Учредительное собрание

Мы о нем мечтали десятки лет, и мечту эту создала вся наша народническая мысль, выработавшая формулу, очень близкую русскому демократическому сердцу: «Все для народа и все через народ». И так как весь наш общественно-политический и экономический строй и представлялся нам, и отчасти был дей-

ствительно – во-первых, созданным без прямого участия масс, во-вторых, враждебным их интересам, в-третьих, не отвечающим требованиям разума и справедливости, то глубокая перестройка его в согласии с мыслью и волею народа казалась нам естественной и необходимой.

История знает много способов перестройки отживших форм жизни и учреждения новых, но мы, следуя нашим народолюбивым и демократическим принципам, допускали только одну – именно апелляцию к «гению народа» в его совокупности, то есть допускали одну лишь форму Учредительного собрания как всенародного представительства. Когда поэтому в ноябре 1905 г. съезд Партии народной свободы, учитывая невозможность благодаря политическим условиям созвать Учредительное собрание, предложил снабдить первую Государственную думу учредительными функциями, – этот ход мысли был воспринят российской демократией как явно реакционный, ибо учредительные функции должны принадлежать всему народу, а не избранным ограниченному, хотя бы и в малой степени, голосования.

За время, отделяющее 1905 год от 1917 года, понятие *всего* народа уточнилось и углубилось. Поэтому мы получили самую совершенную из существующих в мире избирательных систем, по которой в Учредительном собрании должны быть представлены все граждане, как не носящие оружия, так и носящие его, начиная с 18 лет, включая и женщин. Исключены были только дети и сумасшедшие.

Но, тем не менее, Учредительного собрания мы не получили. Часть его собралась, но пришел матрос, положил на плечо председательствовавшего г. Чернова свою руку и скомандовал:

– Надоели... Расходись!

– Товарищ, – лепетал в ответ г. Чернов, – товарищ... Учредительное собрание... Мы еще не кончили...

Но «товарищ» не был прельщен товариществом с господином Черновым и остался непреклонен. И Учредительное собрание разошлось. С тех пор дробные его части – человек в 20 – собираются в подполье, ищут места, где бы приклонить свою голову, и не находят. В пользу его произошло несколько манифестаций, разогнанных большевистскими пулеметами, в защиту его пишут статьи, и некоторые партии продолжают настаивать: «Вся власть Учредительному собранию!». Но как мало убеждения и воли стоит за этим старым лозунгом, можно судить на основании следующего. Недавно имело место собрание группы социалистических вождей. Они постановили необходимым образовать социалистическую коалиционную власть (с исключением большевиков). Учредительное собрание (т.е. осколок его) должно собраться хотя бы на полчаса; должно утвердить эту власть, им не избранную, и затем разойтись окончательно, оставив новую власть действовать на просторе. Можно ли говорить о большей деградации идеи «хозяина земли русской»?

Деградация эта с общей точки зрения, однако, совершенно разумна и имеет за себя достаточное основание. Только что закончившаяся трагикомедия с Учредительным собранием выявила и показала, что идея его, выношенная народолюбивой интеллигенцией, совершенно чужда народной массе и не дорога ей. Любой матрос может упразднить учредителей при полном безразличии массы из-

бирателей – если не считать нескольких манифестаций, митингов и резолюций. За разгоняющим же матросом стоит.. Кто стоит за ним? Ленин? Нет, самая «сознательная» часть революционного народа «рабочие, солдаты, крестьяне» (пускай беднейшие, но все-таки крестьяне), составляющие опору правительства народных комиссаров, которые во имя народа ведут борьбу с капиталом, буржуазией и всякого рода «соглашателями», то есть с умеренными социалистами и всей многомиллионной массой народа, не имеющей определенно большевистских идей.

Если Учредительное собрание было, во-первых, разогнано «народом», а во-вторых, и не защищалось достаточно этим же «народом», то, быть может, хотя в дело выборов народ вложил свою душу, свое убеждение, свой «гений»? Но – увы! – теперь для всякого видно, что народ шел к урнам слепо, как темное стадо, не понимая всей важности дела, руководимого партиями, иногда запутывавшими его, иногда возбуждавшими в нем путем демагогической агитации минутные страсти, варварские вожделения. «Не было преступления, не совершенного на этих выборах», – такова привычная, но верная характеристика. Но не было и глупости, не совершенной там же. Летом люди шли табуном за третьим списком¹. Почему?

– Как, значит, для черлянди... Говорят люди, для черлянди польза от его...

А осенью, стоя в хвосте перед урной, те же избиратели толковали:

– Уж какие это слободы! Такие слободы, что и жить невозможно. Нет, уж видно без хозяина не обойтись...

– А вы с каким списком?

– А с пятым²... Говорят, поспособней черному-то народу будет...

Что же разрушено этими слепыми, переменчивыми выборами, этим равнодушием масс к его непосредственному и неограниченному народоправству? Разрушено и пущено насмарку не только избранное осенью прошлого года Учредительное собрание, а самая идея его, порождение народолюбивой интеллигентской мысли. Мы создали себе вневременный, беспространственный, абстрактный идеал неограниченного народоправства и как с писаной торбой разлетелись с ним к народу, не подготовленному к его восприятию: вот тебе неограниченные полномочия, учреждай! Он и учредил! Но вместе с тем он наступил то лаптем, то рабоче-солдатским сапогом на народные же элементы, способные мыслить государственно и национально, и властно устранил их от общественно-политической роли – в этом и выразилось его неограниченное народоправство. За льстецами же и демагогами он пошел как послушное теля на веревочке. И когда благодаря этому от России остались одни осколки, – что же? Мы будем вновь повторять зады о народном самодержавии и о его выражении – Учредительном собрании?

II. Всеобщее, прямое, равное...

Всеобщее, прямое, равное и тайное право голоса, свободное от всякого ценза, явилось в свое время выводом, сделанным революцией из идеи народного су-

¹ Имеются в виду выборы в Московскую городскую думу, проходившие по новой, демократической избирательной системе в июне 1917 г.

² № 5 – список большевиков на выборах в Учредительное собрание в Московском столичном избирательном округе.

веренитета. В происхождении этой последней идеи сыграли свою роль и доктрины естественного права, и общественного договора, и сентиментальная идеализация «народа», и революционный протест против суверенитета королевской власти, скомпрометированной злоупотреблениями. И когда королевская власть была в конце XVIII века опрокинута во Франции, то встал вопрос: чем заменить ее? Какой принцип провозгласить на замену всевластия монарха? Всевластие нации. Но разве может быть нация едина, разве существует самое понятие о нации без равенства политических прав граждан? Логическая мысль ответила отрицательно на этот вопрос, и потому деление граждан, установленное Учредительным собранием на *активных* и *пассивных*, было очень скоро сметено революцией, и Конвент установил всеобщее, прямое, равное и тайное право голоса, ставшее с тех пор революционным лозунгом демократии, целью ее стремлений всюду, где право это было ограничено или отсутствовало вовсе.

«Все люди, – говорил Робеспьер в Учредительном собрании в защиту всеобщего избирательного права, – рожденные и проживающие во Франции, являются членами политического общества, называемого французской нацией, иначе – французскими гражданами. Они являются таковыми по природе вещей и в силу основных принципов человеческого права. Народ, в защиту которого я выступаю, – это масса людей, обладающих правами, происхождение которых то же, что и происхождение ваших прав. Кто же дал вам право отнять их у него? Общая польза – говорите вы. Но полезно лишь то, что справедливо и честно... Народ требует лишь необходимого, он желает только справедливости и спокойствия; богатые же хотят всем завладеть, над всем господствовать... И, наконец, для того ли народ сверг иго феодальной аристократии, чтобы подпасть под иго аристократии богачей?».

К этой аргументации с тех пор мало что прибавилось, если не считать сознательного требования равных прав, предъявляемого широкими народными массами в тех странах, где они их лишены и где уровень политической культуры настолько высок, что вне политического самоопределения народные массы жить не желают. Но этот последний аргумент есть аргумент силы; я же хочу рассматривать вопрос в другой плоскости, установленной еще Робеспьером, т.е. в плоскости разума, справедливости и национального интереса.

И прежде всего отмечу, что демократическое требование всеобщего, прямого, равного и т.д. права голоса абстрактно и абсолютно и обладает всеми достоинствами и недостатками политических *догматов*. Его легко и красиво защищать, опираясь на столь же отвлеченные и безусловные идеи народного самодержавия, политической морали и политической справедливости; еще легче выставлять его повсюду, не стесняясь условиями времени, места и степени культуры народа – разве справедливость не одна и та же для всех времен и народов и разве бесправие и подчиненность не являются безусловным злом повсеместно? И потому во имя вечных принципов дадим «самую совершенную и самую демократическую избирательную систему» наиболее отсталому и в политическом, и в культурном отношении народу! Таким-то образом и получили мы в России всеобщее, равное, прямое, тайное, пропорциональное, списочное и обополое избирательное право, на основании которого происходили все выборы в течение марта-октября

1917 года, т.е. выборы в комитеты – земельные, продовольственные и др., в органы земского и городского самоуправления и, наконец, в Учредительное собрание. Что же, оправдал ли себя этими выборами демократический избирательный догмат? Имеем ли мы право сказать, что применение его дало положительные результаты? Да и оказались ли эти положительные результаты налицо?

Оставим в стороне неправильности и нарушения требований закона в течение выборов; оставим точно так же резко выраженный классовый их характер. Остановим преимущественное внимание на их изменчивом характере. Сначала избирательная масса шла за Партией социалистов-революционеров; через три месяца она разочаровалась в них, а равно и в других умеренных социалистических партиях, и начала передвигаться к большевикам. В деревнях этот процесс замедлился, но с возвращением солдат с фронта наметилось ускорение. Теперь, через пять месяцев, намечается обратный ход: большевики теряют популярность, и никто не поручится, что на смену им не придут монархисты. О чем же говорят эти колебания народной мысли и народных вотумов, как не о политической неподготовленности народа к государственному строительству?

В этом же нас убедит и анализ мотивов, склонявших избирательную массу в пользу той или другой партии. За социалистами-революционерами шли потому, что они обещали «землю и волю». Земля – предмет давних желаний; воля соблазнительна – и этого было довольно. За большевиками пошли оттого, что они обещали немедленный мир и расширили понятие воли до пределов своевластия. Уставшему от долгой войны народу мир казался желанным, господство над «буржуазом» – очаровательным, и потому пошли за большевиками. Но кто из голосовавших за тех и других думал об общих государственных и экономических последствиях всей их системы действий, всей их политики? Кто был в состоянии отнестись к ней критически? Теперь начинают прозревать. Когда испытают на собственной шкуре плоды анархии, оккупации, иностранной опеки и хозяйственного развала, созданных этой системой, тогда так же слепо бросятся в объятия любой реакции, как слепо шли за социалистами и коммунистами. Но и этим перебросом не исправят причиненного России зла, так как для восстановления ее у этой темной массы долго еще не будет ни достаточного понимания, ни достаточных сил и средств.

Величайшее из мыслимых преступлений – именно разрушение, чтобы не сказать убийство, русского государственного организма – совершено при деятельной поддержке самодержавной народной массы, не умеющей и не способной на данной ступени культуры думать государственно, национально воспитанной и оценивающей явления длительного государственного и мирового значения с точки зрения местной колокольни и интересов данного момента. Именно эта политическая и государственная малограмотность народных масс и позволила интернационалистам, враждебным или равнодушным к интересам того целого, которое мы называем Россией, – живого воплощения бывших, настоящих и будущих поколений русского народа, позволила интернационалистам приманкой неосуществимых обещаний сбить народ до такой степени с толку, что он сам, своими руками разрушил свой собственный дом и отдал и себя, и детей своих в долгую кабалу!

Этот опыт с убедительностью доказал, что в нашем случае применение принципа неограниченного народного суверенитета имело последствием нарушение самых важных, самых общих интересов народа и страны. Отсюда вывод: в народном суверенитете и вытекающем из него всеобщем и т.д. голосовании нельзя видеть всеобщего и безусловного принципа, применение которого при всех условиях несет с собой благо. Хорошая вещь народовластие, но и его надо применять во благовремя и с разумением.

Избирательное право, т.е. право непосредственно влиять на политику страны, – ответственное право и опасное, когда оно попадает в несоответствующие руки. Опасно и нецелесообразно давать взрывчатую гранату в руки несмышляньиша, и столь же опасно и нецелесообразно вручать судьбу государства и ряда будущих поколений ребятам, которым впору играть в бабки. Одно ограничение всеобщности избирательного права кажется мне поэтому вполне неизбежным и необходимым – ограничение возрастное: возрастной ценз. Нужны ли иные виды ценза – зависит от роли тех учреждений, члены которых пополняются выборным порядком. Ценз тем менее необходим, чем уже круг ведения учреждения. Отбор избирателей должен происходить тем тщательнее, чем более серьезные государственные вопросы зависят от решения «представителей народа». Ибо бессмысленно и преступно вручать судьбы народов и человеческой культуры троглодитам, каннибалам, готтентотам...

Отбор способных стать у «государственного дела» совершенно необходим; он может происходить путем установления не только возрастного, образовательного или иного ценза, но и другими способами: многостепенностью выборов, множественностью вотумов и т.д. И нет оснований смущаться тем, что все эти ограничения по существу своему упраздняют тот или иной член пресловутой демократической четыреххвостки или – в наших условиях – семихвостки. Тем более, что семихвостка эта сыграла в нашей жизни роль более жестокую, чем семихвостка кошки в жизни старого флота.

Не во имя классовых интересов «господствующих» слоев общества, а во имя высочайших государственных и национальных интересов – интересов, от охраны которых зависит жизнь и благополучие и самая возможность прогресса в жизни ряда поколений, – должно критически отнестись ко всевластию данного поколения, должно поставить пределы его суверенитета, препоны его слепым и безумным увлечениям.

Нельзя служить одновременно Богу и мамоне. Нельзя одновременно служить божественному принципу отечества и культуры и мамоне демократических доктрин и лозунгов. Доктрины демократизма можно поэтому принимать и осуществлять его лозунги можно лишь при наличии гарантий, что они не ведут к разрушению самого общежития в его культурно-исторических формах.

*Публикуется по изданию:
Русские ведомости. № 44.
24 (11) и 27 (14) марта 1918 г.*

ПАВЕЛ ГАВРИЛОВИЧ ВИНОГРАДОВ

ПУБЛИЦИСТИКА

РОССИЯ НА РАСПУТЬЕ¹

Грустно быть вынужденным рассматривать народ с патологической точки зрения, но полезно взглянуть правде в глаза и посмотреть на нацию так, как доктор осматривает пациента, страдающего от серьезной болезни. Чем больше наша привязанность, тем неприятнее должен быть диагноз, тем более настойчивым лечение. Россия находится в настоящий момент в болезненном, ненормальном состоянии, и остается единственная надежда на то, что организм так силен, что переживет потерю крови и лихорадку. В истории всех великих наций бывают времена упадка: во Франции – во время столетней войны, в Англии – между 1640 и 1650 годами, в Германии – в тридцатилетнюю войну и в начале XIX века, в Италии – в течение долгих столетий. Все эти страны пережили несчастье разложения, чтобы затем снова добиться силы и единства. Крупный немецкий философ Фихте выразил, что просвещенный патриот чувствует в такие смутные времена. В 1807 году после унижения под Йеной и Тильзитом он смог заметить движение к лучшему будущему и обратиться к моральной силе побежденной нации.

Если мы возьмем историю России, то обнаружим аналогию нынешнему состоянию в Смутном времени – периоде анархии, последовавшем за пресечением рода Ивана Грозного. Тогда, как и сейчас, в Москве правил лжецарь, исконный враг попирает землю, владел крепостями, беспощадно опустошал провинции, уничтожал цвет нации и стремился вырвать с корнем многовековую веру страны. Тем не менее, 15 лет (1598–1613) Смутного времени оказались преддверием времени возрождения и процветания. Давайте надеяться, что восстановленные силы окажутся здоровее сейчас, когда общение легче, а возможности политиков шире. Хотя мы должны помнить, что не дни и недели отмеряют жизнь наций, а годы и десятилетия. Французской резолюции уделено всего несколько страниц в учебнике истории, но в действительности Франции потребовалось около 11 лет, чтобы преодолеть ее последствия.

Чтобы лучше понять нынешнее состояние России и найти правильную точку зрения для его оценки, нужно прежде всего отметить, что оно подготовлено

---

¹ Впервые опубликовано на норвежском языке: Vinogradoff P. Rusland ved korsveien // Atlantis. Kristiania. 1919. 2 Aargang. Nr. 2. S. 67–76.

сложной и долгой социальной дисгармонией. Ни одного из событий последних лет не достаточно для того, чтобы объяснить страшную ожесточенность борьбы и полное безразличие к тому, чего требуют здравый смысл и инстинкт самосохранения. Конечно, нельзя недооценивать влияние военных событий. Несомненно, ужасные обстоятельства, истощившие и людские, и материальные ресурсы страны, вызвали жесточайшую реакцию против всех лидеров, которых можно было заподозрить в империалистических склонностях.

Россия потеряла больше людей в этой войне, чем какая-либо другая страна, и хотя в отношении к численности населения эти потери идут после французских (в России 1 млн. 700 тыс. убитых и 7 млн. раненых и пропавших без вести; во Франции – 1 млн. убитых), страны Антанты должны признать, что российский вклад «пушечным мясом» в общее дело был более чем полновесным, не говоря уже о стратегическом значении участия России в войне в первые три года. Не только битва на Марне обратила ветер против немцев, но и давление с Востока. Лорд Френч признал, что в конце 1914 года все на Западе смотрели на Россию как на спасителя от грядущей катастрофы, и разделение сил Центральных держав, что было следствием борьбы против России в 1915 году, несомненно, способствовало успешному исходу войны в большей степени, чем какое-либо другое событие. Но использование народа в качестве пушечного мяса – обоюдоострый меч. Люди, невежественные и покорные, начинают испытывать вполне понятное отвращение к тому, чтобы быть раздавленными колесницей Джагернаута¹ по приказу некомпетентного правительства, чья безответственность обесценивает самые героические жертвы.

Также нельзя заставить их полюбить союзников, которые не хотят помнить о дружеской услуге, когда наконец одержана победа. Нежелание народа нести тяготы войны, без сомнения, было использовано Лениным и его немецкими сообщниками в полной мере.

Но усталость от войны и разочарование ее исходом не достаточны, чтобы объяснить, почему началась новая, более страшная война. Война, где русский режет горло русскому, ищет союзников среди иностранцев, призывает латышей, китайцев, венгров и немцев разрушать русские города, убивать родственников и бывших друзей, уничтожать порядок, благосостояние, само свое существование в бесконечной битве. Большевики и их друзья в Западной Европе утверждают, что эта жестокая борьба вызвана социальным противостоянием между классами. Радикальные лидеры марксистского интернационала рассчитывают, что мировая революция вызовет последнюю битву в войне. В своей резолюции, принятой на второй конференции в Циммервальде в 1915 году, они заявляют: «Мы... стоим не на почве национальной солидарности с эксплуататорским классом, а на почве международной солидарности рабочих и классовой борьбы... Эта борьба является также борьбой за свободу, за братство наций, за социализм».

До известной степени это предсказание исполнилось. Всюду можно увидеть ужасный образ Калибана², который готов разрушить общественный поря-

¹ Джагернаут – в древнеиндийской мифологии одно из олицетворений бога Вишну.

² Калибан – персонаж пьесы У. Шекспира «Буря», дикий и уродливый раб.

док и цивилизацию. Немецкие радикалы выбрали Спартака, восставшего раба, символом своего движения. Венгерские максималисты захватили власть в надежде, что с помощью русских большевиков они зажгут пожар в Центральной и Западной Европе. Революционеры, провозглашающие насилие, – итальянские и французские социалисты – пытались поднять всеобщее вооруженное восстание против ненавистой буржуазии. Даже в Англии бесцеремонные возмутители общества – Э.Д. Морел¹, Понсонби², Филипп Сноуден³ – хотя и используют страсти толпы и подготовить почву для революции. Печатный орган так называемого «Союза демократического контроля» кратко излагает «идею», которую он требует воплотить в реальность в России, в следующих словах: «Раскалывают человечество не случайные расовые отличия, не национальные и политические границы. Такое разделение искусственно и условно. Истинное различие – классовое. Человечество разделено на два класса – собственников и неимущих. Массы лишенного собственности класса, пролетариата, более или менее апатичные, удовлетворены существующим положением по большей части потому, что культивирующим дух национализма собственникам удалось заставить пролетариат враждовать между собой. Класс собственников следует лишить власти, которая должна целиком и полностью перейти к пролетариату до тех пор, пока не придет то время, когда собственники не склонятся перед неизбежным. И тогда классовые различия исчезнут».

Но эти фантазии – чистой воды ребячество по сравнению с триумфальным зверством русского коммунизма. И в Москве, и в Петрограде сумасшедшие педанты, вроде Ленина, и преступники, наподобие Петра – «красного маляра», нашли лучшую почву для своей деятельности. Чрезвычайка (чрезвычайные комиссии) намного превзошла свой образец – старую «охранку» (охранное отделение). Чувственные демоны режут и истязают ближних под звуки мандолин и пианино. Юные девушки из среднего класса (буржуа) принуждаются к удовлетворению сексуальных потребностей комиссаров и матросов. Китайские наемники демонстрируют искусство восточных пыток на русских «заложниках». Все классы общества поработаны диктаторами, которые прикрываются именем пролетариата. «Хитров рынок» или площадь, где собирается московское «дно», занял место буржуазной Думы. И хор нетерпеливых западных радикалов выражает свою симпатию и восхищение: «Manchester guardian», «The Nation», «The Daily news», «The Westminster gazette» и другие газеты, защищая большевиков, показали, как просто для так называемых радикалов превратиться в поклонников деспотии. Указывают на Робеспьера⁴ как на идеального вождя революции, близкого по духу Ленину и Троцкому. И такие высказывания исходят из уст людей, которые настаивают, что они верят в «демократию», в «свободу мысли», «равенство перед законом», «свободу вероисповедания» и т.д. Они, очевидно, забыли, что Робеспьер под-

¹ Морел Эдмунд Дэне (1873–1924) – английский журналист и политический деятель.

² Понсонби Артур (1871–1946) – английский политический деятель: либерал, затем лейборист.

³ Сноуден Филипп (1864–1937) – английский политический деятель.

⁴ Робеспьер Максимилиан (1758–1794) – французский государственный деятель, философ. Способствовал массовым казням и репрессиям, в 1793–1794 гг. в его руках сосредоточилась неограниченная власть.

готовил почву для Наполеона. Но русским либералам не так легко забыть тех, кто считает встречу в Принкипо и эвакуацию Одессы разумной мерой и сковал усилия британского правительства по оказанию помощи патриотам, которые сражаются за единство и свободу России против наиболее беспощадной и гнусной тирании, когда-либо виденной миром. По существу, альянс, который хотят установить между западными социалистами и русскими коммунистами, является не только лицемерным, но и бессмысленным. Положим, что им удастся сделать усилия русских патриотов напрасными и добиться признания правительства Ленина. Возможно ли, что Советы согласятся с западными демократами и будут действовать в одном направлении с ними? Разве они не видят, что Германия открыто расставляет сети в Восточной Европе, готовя реванш? Или как опаснейший враг России Пауль Рорбах выразил это: «Россия – для большевиков, а большевики – для нас!». Не должны ли западные демократы понять, что если только они склонятся в пользу красной диктатуры, всякий договор с ними будет уважаться большевиками лишь до тех пор, пока это им выгодно. Положим далее, что патриотическое движение преодолело интриги и клевету и победило, а Деникин¹, Колчак² и Юденич³ освободили страну после стольких лет кровопролития и голода. Будет ли тогда Россия смотреть с благодарностью и надеждой на западных либералов? Их политика ни честна, ни умна. Она показывает только одно, что западный либерализм обанкротился. С каждым днем он оттесняется на задний план из-за своего неопределенного положения между воинственной силой консерваторов, которые защищают изжившую себя европейскую культуру, и социализмом, который, несмотря на разрушения и замешательство, угрожает и расчищает место для нового общественного порядка. Большая партия Гладстона⁴ не имеет лидеров и программы. Ее сторонники ищут убежища в арьергарде обеих противоборствующих сторон. Для русских патриотов, однако, немислимо отказаться от борьбы за цивилизацию и свободу. Они не могут позволить уничтожить редкие остатки образованных классов ради идеи коммунизма или уступить империалистической реставрации в битве за права человека.

Есть люди, которые не верят в жестокость большевиков из-за противоречивых свидетельств, как будто может быть хоть малейшее сомнение в том, что они [большевики] вообще не обращают внимания на элементарные требования гуманизма и справедливости. Бессчетными свидетельствами британских, скандинавских, французских, бельгийских беженцев из России пренебрегают, потому

¹ Деникин Антон Иванович (1872–1947) – военный деятель, генерал-лейтенант (1916). В 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, главнокомандующий Западным и Юго-Западным фронтами. Один из руководителей Белого движения. С апреля 1920 г. – в эмиграции.

² Колчак Александр Васильевич (1873–1920) – военачальник, полярный исследователь, адмирал (1918). В 1916–1917 гг. командующий Черноморским флотом. Один из организаторов Белого движения. 18 ноября 1918 г. провозгласил себя «верховным правителем Российского государства». Расстрелян по приговору Иркутского ВЧК.

³ Юденич Николай Николаевич (1862–1933) – военачальник, генерал от инфантерии (1915). Командующий Кавказской армией (1915–1916), главнокомандующий Кавказским фронтом (апрель–май 1917). В Гражданскую войну возглавил весенне-летнее наступление 1919 г. белых войск на Петроград. С 1920 г. – в эмиграции.

⁴ Гладстон Уильям Юарт (1809–1898) – английский государственный деятель, тори, затем либит. во второй половине XIX в. лидер либеральной партии, неоднократно занимал пост премьер-министра.

что какие-то квакеры получили разрешение оказать помощь отдаленным районам и потому что американских агентов обвели вокруг пальца хитрые комиссары. Заявляют, что белые проводят жестокие репрессии, как будто можно ожидать снисхождения от людей, чьи родители, братья и сестры были убиты, и как будто случайные эксцессы белых могут сравниться с массовыми убийствами невинных людей красными. Защитников единства России клеймят как контрреволюционеров, чья цель – царизм, как будто такие люди, как Чайковский¹, Бурцев², Савинков, Панина³, могут быть заподозрены в симпатиях к старому режиму, как будто они всей своей жизнью не доказали свою верность идеалам права и свободы. Повидимому, злые силы побудили прогрессистов объединиться с врагами морали и цивилизации. Тайна большевизма была открыта в двух словах одним из их лидеров Григорием Нестроевым⁴: «Почему ложь бесчестна?» – спрашивает он. «Что такое моральная нечистоплотность?» и т.д. Его философия находит наилучшее выражение во фразе: «Что есть человек? Кусок мяса, и все»⁵.

Почему же низшие классы в России с таким ожесточением восстали против своих господ? Увидеть причину этого нетрудно. Новое поколение российских собственников и образованных классов искупает грехи своих отцов и их заслуги. Оно страдает за слишком долго откладываемое освобождение крестьян, за жестокость и коррупцию помещиков и чиновников, за заброшенное народное просвещение, но также и за железную дисциплину прошлого, за патриотические устремления солдат и чиновников, за строительство городов, железных дорог и фабрик. То решение, которое принял плотник⁶, было слишком радикальным для большинства людей, которые не шли в ногу с развитием. Народ надломлен политической слабостью правительства и временным распадом страны. В этом отношении события последних лет – точная параллель национальной катастрофе в конце XVI века.

Ситуация в общих чертах ясна для любого мыслящего человека, но конкретные проявления упадка заслуживают более внимательного изучения.

Одна из причин того, что русские солдаты, рабочие и крестьяне проявили жестокую ненависть к своим офицерам, помещикам и чиновникам, может крыться в стремлении русского правительства ввести в стране достижения западной цивилизации. Историческое дело Петра Великого было абсолютно необходимо для будущего развития нации. Оно было сделано с поразительной силой и таким же поразительным успехом, но оно заключало в себе наиболее опасные последствия.

¹ Чайковский Николай Васильевич (1850/51–1926) – политический деятель. В 1874–1906 гг. в эмиграции. В 1904–1910 гг. эсер, с февраля 1917 г. народный социалист. После октября 1917 г. создатель Союза возрождения, глава антибольшевистского Верховного управления Северной области. С 1920 г. – в эмиграции.

² Бурцев Владимир Львович (1862–1942) – публицист, историк, политический деятель. Участник народовольческих кружков. После октября 1917 г. – в эмиграции.

³ Панина Софья Владимировна (1871–1956) – графиня, член ЦК партии кадетов, в 1917 г. товарищ министра государственного призрения, затем – народного просвещения. С 1920 г. – в эмиграции.

⁴ Нестроев Григорий Абрамович (Цыпин Пирш) (1877–1941) – политический деятель, теоретик Союза эсеров-максималистов. С 1924 г. в тюрьмах и ссылке.

⁵ Masaryk T.G. The spirit of Russia. Vol. II. P. 370 (прим. П. Виноградова).

⁶ Петр I.

Оно разделило общество на две части, и социальное противостояние между бедными и богатыми, между подчиненными и начальниками стало противостоянием между двумя культурами. В то время как высшие классы устремились к западным идеалам, науке и формам правления, низшие классы оставались жить в старой московской культурной среде, средоточием которой являлась национальная церковь. Один из наиболее последовательных русских радикалов Александр Герцен уже в 1850 году указал на пагубные последствия этого явления. Он указывал, и не без основания, что реформы царя Петра поставили трудящиеся классы России в более изолированное и безнадежное положение, чем до того.

Всякий из приехавших в Россию должен был заметить яркую культурную противоположность – достаточно было взглянуть на прохожих, чтобы убедиться в этом: большинство ходит в длинных кафтанах, напоминающих платья, рубахах и сапогах, но изредка можно увидеть офицеров, служащих и чиновников, одетых по-европейски. Внешний вид указывает на глубокие культурные различия, которые так велики, что кажется, что они – граждане разных стран. Надо заметить, что образованные русские очень рано осознали это и были склонны признать, что культурный уровень масс имеет свою собственную и особую ценность. Именно эта точка зрения объясняет движение так называемых славянофилов, следствием которого стало образование «народной партии» (народников). Славянофилы, которых не следует смешивать с панславистами – группой людей, мечтавших о федеративном союзе между славянскими нациями, как школа сформировались во времена правления Николая I, в 1840–1850-е годы, и должны рассматриваться в связи с романтической реакцией на сухой рационализм эпохи Просвещения. Ведущие мыслители школы – Иван Киреевский, Константин Аксаков – считали, что великий русский народ сохранил единую веру и моральные основания жизни, которые западные люди растеряли в своей религиозной и политической борьбе. Они противопоставляли западное стремление к материальному благосостоянию, собственнический индивидуализм и его ярко выраженный интеллектуальный дух сосредоточенности русской культуры на отношении человека к Богу, потребности в совместной деятельности и социальной справедливости, безразличию к формам управления. В этой теории было немало сентиментализма, и она не выдерживает научной критики, но она показательна, как выражение желания «обратиться к истокам» и обрести национальную стойкость в прямом соприкосновении с большими массами народа. С точки зрения этой школы каждую независимую нацию нужно изучать отдельно от других и общемировые концепции не могут заменить анализа национальной психологии. Народные мысли и обычаи, согласно И. Киреевскому, так же нельзя изменить, как и взрослый организм. Когда романтическое увлечение религией и фольклором исчерпало себя полностью, народники стали апеллировать к народной мудрости.

Теперь начали изучать важные экономические и социальные особенности нации. Русские, в особенности великороссы, воспринимались как нация, предназначенная перекинуть мост в век социализма. Способность русского народа думать и действовать как слаженный хор теперь была прославлена как дарованная Богом черта национального характера, которая найдет свое место в эконо-

мическом развитии. Но и это утверждение нельзя принять как факт. Верно только то, что народ, который был предметом всех этих красивых теорий, шел своим обычным путем, нисколько не затронутый анализом этих доктрин, их мнимым своеобразием. Но значение этого движения в том, что было осознано, что воссоединение «классов и масс» (заимствуя выражение англичанина Гладстона) на общем культурном основании было необходимо, чтобы социальные и политические реформы принесли плоды.

Земства, которые были созданы при Александре II, подготовили почву для взаимодействия и настоящего понимания. Усердие, с которым эти организации взялись за решение проблемы народного просвещения, свидетельствует об их здоровой рассудительности и практических способностях. К несчастью, старые бюрократы сделали все что могли, чтобы остановить эту спасительную работу, а война и революция разразились в стране в то время, когда меры по культурному примирению только начали приниматься. Теперь не осталось ничего другого, кроме как извлекать предметные уроки.

Похоже, что Россия не избежит тяжелейших испытаний. Коммунисты показали свою полную неспособность управлять страной. У них нет ни одной созидательной идеи. Примером тому служит их борьба против капиталистической экономики, против индивидуальной предприимчивости, морали, семьи и религии. Вся их мудрость заключается в использовании капитала, который накапливался поколениями рабочих. Ни величайшая нищета, ни ужаснейшее разрушение не играют для них роли. Они вполне могут продлить свое правление при помощи насилия и подкупа голодного населения едой, но достичь какого-либо положительного результата не удастся знахарям, которые не понимают, что социальный процесс органичен, а не механистичен, и что нельзя вырезать среднее сословие из тела нации, не вызвав ее смерти.

Но сейчас, когда тысячелетнее государство, которое было разрушено несведущими массами, оказалось в состоянии войны всех против всех, крестьяне начали понимать ценность того национального государства, которое с их помощью было разорвано на куски. То презрение, с которым относятся к русским окраинные народы, которые своим существованием обязаны защите русского государства, тоже хорошая плата за обучение для великороссов. Нет сомнения, что сильнейшая и наиболее одаренная нация в Восточной Европе даже после кровавой бани большевиков восстановит свой дух и могущество. Невозможно сказать, сколько времени потребуется России, чтобы восстановить свое разрушенное здание, но она, конечно, преодолет последствия случившейся катастрофы. Недалековидные политики, которые сейчас осыпают русских насмешками, должны лучше проанализировать свое положение и подумать, какими средствами они располагают, чтобы воспрепятствовать возрождению России. Едва ли возможно, чтобы США, Франция или Англия выступили против восстановления сильной, свободной и демократической русской республики.

На деле свободное и демократическое развитие страны – единственная политика, которая может привести к возвращению ее величия и благосостояния. Династические и олигархические элементы старой России потерпели сокруши-

тельное поражение, когда Сухомлинов¹ послал солдат из крестьян без оружия и амуниции против немцев, когда высшие генералы позволили целой дивизии утонуть в болоте, когда Штюрмер² и Кассо³ во имя самодержавия растоптали земства и университеты. И хотя военная дисциплина и авторитет должны, несомненно, играть большую роль в борьбе за существование России, ясно, что необходимо больше, чтобы обеспечить ее возрождение. Также ясно, что помещики не смогут получить назад свою собственность, которую захватили крестьяне. Концентрация сельских жителей на ограниченных участках земли была злом, которое нужно было исправить через систематическое и свободное расширение доступа к земельной собственности. Сейчас, когда класс помещиков, которому уже освобождением крестьянства в 1861 году был нанесен серьезный удар, попал в катастрофическое положение, единственный выход из трудностей – дать им возможную компенсацию за утраченную собственность и помочь снова начать работать на благо государства в качестве предпринимателей или чиновников. Но главной целью новой политики должно быть распространение просвещения. Глупо было бы строить большой дом только из камня, без извести. Хотя архитекторам и удалось бы возвести несколько этажей, первый же шторм разрушил бы здание до основания. Очень трудным заданием будет просвещение народа, но оно поможет объединить нацию и создать прочные связи, которые выдержат новые испытания и материальные трудности. Но эта задача должна быть решена, и те, кто знаком с высоким идеализмом, который воодушевлял русскую интеллигенцию, с широкими скрытыми силами и выносливостью народа и богатыми природными ресурсами страны, не теряют надежды на счастливый исход.

ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИИ⁴

Серый рассвет забрезжил над Россией после долгого мрака. Было время, когда великий царь мог объединить все народы своей империи вокруг себя в борьбе за свободу и справедливость, но слабый и введенный в заблуждение царь растратил сокровища народного доверия, которые были в его распоряжении в начале войны. Было время, когда коалиция между такими социалистами-патриотами, как Керенский, и такими патриотически настроенными военачальниками, как Корнилов⁵, могла предотвратить постыдное разрушение государства, но Керен-

¹ Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) – военачальник, генерал от кавалерии. В 1909–1915 гг. военный министр. В 1916 г. арестован по обвинению в злоупотреблениях и измене. В 1917 г. приговорен к пожизненному заключению. В 1918 г. освобожден по старости, эмигрировал.

² Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) – председатель Совета министров (январь–ноябрь 1916), одновременно министр внутренних дел (март–июль) и министр иностранных дел (июль–ноябрь). После Февральской революции арестован, умер в Петропавловской крепости.

³ Кассо Лев Аристидович (1865–1914) – министр народного просвещения (1910–1914).

⁴ Впервые опубликовано на английском языке: Vinogradoff P. Prospects in Russia // Contemporary Review. 1919. V. CXV. P. 606–612.

⁵ Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – военачальник, генерал от инфантерии (1917). В июле–августе 1917 г. Верховный главнокомандующий. 25–31 августа 1917 г. организовал потерпевшее неудачу вооруженное выступление с целью установления военной диктатуры. Один из организаторов Белого движения, создатель Добровольческой армии. Убит в бою под Екатеринодаром.

ский и Корнилов вступили в схватку друг с другом к выгоде фанатичных авантюристов. Действительно, история России за эти последние годы напоминает одну из легенд о Сивилле, которая предлагала купить свою книгу предсказаний римским правителям. Они не приняли предложения из-за высокой цены. После огромных бедствий Сивилла появилась вновь с половиной вырванных страниц, но запрашивая ту же цену за оставшиеся. Ее предложение вновь отвергли; когда она пришла в третий раз, в ее книге предсказаний остался лишь один лист, но цена была той же.

Так же и в России – сейчас ее государственные деятели вынуждены предлагать высокую цену не за победу или славное возрождение, а за существование, восстановление элементарных оснований человеческой жизни. Но даже при решении этой задачи недостаточно найти правильный курс: народ должен найти в себе силу следовать таким курсом.

Лето, будем надеяться, определит падение преступной банды, превратившей страну в руины. Предметные уроки большевистских экспериментов открывают глаза упрямым экспериментаторам. Наиболее глубоко изучившие марксистскую политэкономия начинают понимать, что страна не может жить без обмена, транспорта и кредита, как человеческий организм не может жить без кровообращения. Промышленные рабочие приходят к выводу, что не в их интересах возвращаться к натуральному хозяйству; крестьяне уже поняли, что недостаточно захватить землю соседних помещиков, что хлеб привозят с далекого юга на север, а ботинки – с далекого севера на юг. Не может дальше сохраняться парадоксальная ситуация, когда армию возглавляют терроризирующие [солдат] офицеры. Большевизм умирает, но кто должен похоронить его и унаследовать разрушенные владения? Военная диктатура является необходимой стадией, но только переходной стадией. Все лидеры заявили многозначительно, что они хотят освободить Россию, а не поработить ее. Кроме того, как давно сказал Наполеон: можно завоевать с помощью штыков, но нельзя сидеть на штыках. В России есть ряд генералов и офицеров, чей политический кругозор не выходит за пределы представления о том, что нужно установить военную диктатуру. Но недалновидный цинизм породил бы просто новое препятствие и отсрочил развитие главного действия на некоторое время, не предотвратив окончательного разрешения проблемы. Ручательством за это является не только личная честность таких людей, как Колчак и Деникин, но доминирующие в их окружении тенденции. Ни один из лидеров в Омске, Екатеринбурге, Архангельске, Париже не представляет собой реакционные силы, стремящиеся вернуть старый режим. Сазонов¹ и Маклаков², также как Савинков, Астров³ и К⁰, являются убежденными реформаторами, хотя они не перестали быть доктринерами. Для всех мыслящих патриотов ясно, что было бы фатальной ошибкой вернуться под власть политической системы, которая породила чудовище большевизма с его идеалами саморазрушающей ненависти.

¹ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – министр иностранных дел (1910–1916).

² Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) – юрист, публицист, член Государственной думы II–IV созывов, с 1917 г. председатель Русского эмигрантского комитета в Париже.

³ Астров Николай Иванович (1868–1934) – член ЦК партии кадетов. С 1920 г. – в эмиграции.

Реальная опасность, с которой придется столкнуться, состоит в трудности воздвигнуть прочное строение на развалинах старой России. Данная трудность в своем первоизданном виде встанет перед Учредительным собранием, которое должно быть рано или поздно созвано для того, чтобы восстановить государство. Монархией или республикой должна быть новая Россия? Этот вопрос, который хотя и поставлен в общем виде, указывает на ряд других трудных проблем.

Монархию нельзя ни создать, ни отвергнуть произвольно. Монархия, несомненно, обращается к невыразимым ясно чувствам народа как воплощению государства в живой личности. Язычники придавали своим богам человеческое обличье, поскольку человеческий облик помогал им обращаться к силам природы; даже такой элементарный «народ» склонен к персонификации власти. Но монархический миф не возникает случайно. Ему нужна особая почва для его роста – почва более или менее успешных исторических достижений. Возможно, что монархические чувства все еще живы в сознании народа. Трудом Петра Великого, Екатерины, Александра I, Александра II создан капитал, который нелегко растратить. Но последние поколения Романовых сделали все возможное, чтобы дискредитировать традиционную власть. Унижения Берлинского конгресса и Японской войны, горький опыт несчастных «барашков», вооруженных палками и посланных в траншеи под пулеметный огонь, наглая коррупция Распутина породили революцию в народном сознании, и среди сохранившихся отпрысков старой династии нет личностей, способных восстановить утраченное доверие.

Вопрос о возможной попытке возродить монархию на новой династической основе остается открытым, но было бы бесполезно рассуждать о шансах такой авантюры. Я бы хотел лишь отметить, что события 1613 года, когда Романовы, отнюдь не самый знатный аристократический род, взошли на трон, занимаемый до этого потомками Рюрика, не могут рассматриваться как исторический прецедент в этой связи. В атмосфере трехсотлетней давности это дело возрождения России было естественным. В политическом сознании народа не было никакой иной формы правления, помимо самодержавия. Все самозванцы и претенденты Смутного времени выдвигали притязания именно на эти титул и власть. Нет необходимости указывать дополнительно на то, что с тех пор возможные комбинации значительно увеличились: даже в самых темных углах страны знают сейчас, что существуют другие способы управления государством. Понятие республики вовсе не является чем-то незнакомым или вызывающим недоверие народа, в то время как, с другой стороны, любое обращение к монархической преемственности вызвало бы возражение и не могло бы быть выдвинуто без какой-нибудь степени традиционной власти. Политическое обучение народа шло медленно, и в некоторых отношениях оно приобрело нежелательный оборот, но триста лет не прошли бесследно для политического сознания.

Другая форма монархического устройства, однако, является чем-то большим, нежели просто предметом для фантастических спекуляций. Я имею в виду попытку превратить военную диктатуру, вырастающую из смертельной схватки с большевизмом, в постоянную империю по наполеоновскому образцу. Таковую возможность не стоит исключать как фантастическую и совершенно недопустимую.

Разочарование в либеральных теориях, жажда покоя и порядка, требование возмездия и наказания, которые, несомненно, должны появиться вслед за наследием большевизма, дадут достаточно материала для «контрреволюции», и военачальник, который положит конец современной смуте, естественно, станет центром политических движений, направленных на восстановление личного правления по имперскому образцу. Позвольте, однако, выразить надежду, что откат в этом направлении не приведет к непоправимым ошибкам.

Империалистическая революция означала бы возвращение к смертельной борьбе между властью и свободой, которая уже привела к современному разрушению страны. Власть является необходимым элементом при создании государства, но было бы величайшим несчастьем, если бы власть утвердилась в возрожденной России как единственный и абсолютный принцип управления. Власть должна сочетаться с правом и обосновываться правом, то есть упорядоченностью субъективных прав, и никакой упорядоченности субъективных прав нельзя установить, если жизнь государства зависит исключительно от личного усмотрения.

Признание этой взаимозависимости между властью и субъективным правом является сутью и общей чертой всех конституций, и мудрость государственных деятелей в цивилизованных странах состоит в установлении условий и пропорций, в которых эти два элемента стабильности должны сочетаться в отдельных случаях. Любое нарушение этой основополагающей формулы приведет к продолжительным беспорядкам и борьбе, к положению дел, подобному тому, что господствует в Китае или в Персии после крушения их традиционных политических систем. Помимо этого контрреволюционная империя окажется вне процесса развития демократии в цивилизованном мире. Не может быть сомнений, что многие трудности в деле национального возрождения в России были созданы недоверием западного демократического общественного мнения в отношении целей и политики военных лидеров. *Coup d'état*¹, совершенный Колчаком в Омске, может быть, и был необходим с точки зрения создания действенной силы и эффективной администрации, но он был прискорбным препятствием с точки зрения международного сотрудничества, и будущие историки, возможно, будут очень внимательно изучать возможность выработки действенного компромисса с антагонистски настроенными социалистами, представленными Авксентьевым и его коллегами. Тот факт, что эти люди, когда были отстранены от должностей и изгнаны, остались верными в своем обличении ленинской тирании, во всяком случае, показывает, что их нельзя обвинить в отсутствии патриотизма, даже если некоторые из их взглядов и мер служили препятствием для быстрых и решительных действий. Я упоминаю этот уже ушедший в прошлое эпизод только потому, что он служит предостережением против более амбициозных планов в будущем.

Постоянное отчуждение между возрожденной Россией и прогрессивными демократиями Запада обернулось бы непоправимой бедой для обеих сторон. Россия, во всяком случае, должна извлечь огромные преимущества из поддержки и доброго отношения Запада: придерживаться курса на германские гавани означало бы двигаться к порабощению. Согласно притче в Евангелии не может быть

¹ Государственный переворот (франц.).

ничего более страшного, чем возвращение злого духа, временно изгнанного из чьих-либо владений: он может вернуться еще более ожесточенным, и положение одержимого им станет хуже, чем было прежде. Возможно, были попытки вести переговоры с традиционными врагами славян и страшные просчеты Антанты, такие как проект Принкипо или сдача Одессы, могли быть благодидным поводом для подобных попыток, однако насущные интересы России требуют от нее вступления в мир западной цивилизации, и любое отклонение от этого фундаментального принципа непременно в конце концов приведет к беде.

Таким образом, лидеры России должны стремиться к решению русских конституционных проблем. Задача обеспечить такое решение проблемы не из легких. Плачевное состояние невежества и отсутствие политического опыта создает серьезные преграды на пути такого решения. Наша главная цель заключается в том, чтобы подготовить народ к самоуправлению и политической деятельности. Но этого нельзя сделать за несколько лет, а утверждение конституционного порядка не может ждать. За него нужно будет взяться сразу же, как только страна будет освобождена от бацилл большевизма.

В любом случае следует поддержать сильную исполнительную организацию. Разложение последних лет, выразившееся в неудачах войны, в анархическом деспотизме Советов, должно быть остановлено; долгие годы российское правительство вынуждены будут вести борьбу с последствиями банкротства, с дезорганизацией транспорта, с деморализацией рабочих людей в городе и в деревне.

Чтобы успешно справиться с таким положением, нужен будет деятельный и сильный штат должностных лиц в исполнительной власти. Их задача не будет безнадежной, если принять во внимание громадные естественные ресурсы страны: она является самостоятельным миром, содержащим все возможные материалы и требующим только умных и энергичных работников, чтобы приумножить эти ресурсы. Но чиновники новой России должны не только осознать природу своих особых обязанностей и исполнять их как можно лучше, они должны быть осторожными, чтобы не воспринять духа, который сделал их предшественников в старой России предметом ненависти, а именно – духа иностранного господства над подчиненной и инертной массой. Нам нет нужды возвращаться к веку «просвещенного» деспотизма XVIII столетия для того, чтобы обнаружить действие этого духа в российской политической машине. Его наиболее ярким проявлением стало управление графа Витте¹ в период царствования Николая II. Это был хорошо образованный бюрократ, умный и деятельный, полный планов и предложений, имевший лишь один недостаток – полную отстраненность от жизни и чаяний народа. Некоторым проникательным британским наблюдателям, например сэру Дональду Маккензи Уолласу², в поздний его период казалось, что Россия нуждается в управлении умелой гражданской службой, наподобие той, что хорошо известна в Индии.

Бюрократия Витте точно соответствовала такому идеалу: ее руководители,

¹ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – государственный деятель, министр путей сообщения (в 1892), министр финансов (с 1892), председатель Комитета министров (с 1903), председатель Совета министров (1903–1906).

² Уоллас Дональд Маккензи (1841–1919) – английский писатель. Посетил Россию в 1870–1875 гг.

несомненно, были хорошо образованными, умелыми администраторами, не связанными никакими реакционными предубеждениями, но все же они оставались вдали от всех великих проблем социальной организации и образования. Сам Витте был до такой степени ослеплен своей бюрократической любовью к власти, что противодействовал одному из самых многообещающих явлений того времени – земскому движению. Примерно за пять лет до революции 1905 года он посоветовал императору ограничить функции земств, потому что их действия представляли угрозу самодержавию. Отставка 1906 года не сделала его ошибочное понимание менее вопиющим или менее вредным. Какими бы ни стали внешние формы российской гражданской службы в будущем, следует помнить предметные уроки крушения властной бюрократии, отстранившейся от национальной жизни.

Проблема создания демократических основ управления не менее трудная. Непрактичные идеалисты 1905 года думали, что они открыли простую формулу для преодоления всех сложностей. Пусть страной управляет собрание, избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Эта известная формула «четырёххвостки» провозглашалась с каждой трибуны, и любая попытка внести изменения в священные требования отвергалась как уловка реакционеров из среды аристократии и бюрократии. Священная формула была воплощена на практике после переворота 1917 года, в результате чего толпы необразованного народа наводнили выборы, следуя за беспринципными демагогами и политиками. Те, кто заседал в четырех Думах при Николае II, были *prima facie*¹ поставлены в невыгодное положение самим фактом, что у них был какой-то опыт в государственных делах. Наивная теория, что современная республика может управляться общей суммой всех воль [ее] индивидуальных членов, является курьезным пережитком рационалистической концепции общества, господствовавшей в XVIII веке. К этому времени мы знаем, что голоса следует не только считать, но и взвешивать; фикция, что люди равны по своему опыту и способностям, когда она прилагается к политически неразвитым обществам, является простым оправданием политических жонглирования и подтасовки. Лучшим, что можно сказать в пользу всеобщих выборов, [является] то, что их трудно заменить разумной и справедливой градацией гражданских прав. Один избирательный ценз, во всяком случае, может быть введен без всякого ущерба для демократических принципов. Пусть мужчины и женщины участвуют в выборах независимо от их имущественного или классового положения, но пусть будет признано, что, по крайней мере, элементарное образование требуется от тех, кому доверена решающая функция в управлении их страной. Если бы потребовалась самая умеренная проверка грамотности, что-то наподобие тестов, используемых в Соединенных Штатах, и которые хотят ввести в Канаде, то, возможно, одна треть населения России сразу же получила бы право голоса, и расширение права участвовать в выборах зависело бы автоматически от распространения образования. Это представляется достаточной гарантией как против грубых ошибок толп избирателей, так и против пагубных интересов плутократов и олигархических групп.

Однако другой «хвост» формулы лучше устранить. Нельзя обоснованно ожи-

¹ Первым делом (лат.).

дать от огромных масс отсталого крестьянства ясного осознания важности проблем национального управления. В лучшем случае их участие будет выражаться в спорадических усилиях. Избирательные функции должны быть сокращены до минимума, если за ними следует сохранить их политическое значение. Даже население, более привычное к требованиям самоуправления, иногда демонстрирует недостаток постоянной активности: в выборной кампании 1918 года в Великобритании часто случалось, что в некоторых районах пятьдесят процентов выборщиков не принимали участия в голосовании. Простых людей в России просто тошнит от политической агитации, и число абсентеистов, несомненно, значительно превысит число тех, кто действительно участвует в выборах. Не похоже, чтобы те, кто действительно голосует, ясно понимали запутанные проблемы и проводили сознательно различия между разными политическими программами. С другой стороны, нет достаточного основания для того, чтобы предположить, что у населения нет более жизненных интересов и достаточных знаний губернских и местных дел. Возможно, наиболее удобным было бы отбросить требование прямых выборов в национальное собрание. Парламент, построенный как центральное собрание представителей земств и городов, предоставил бы лучшие гарантии здорового и умелого руководства, чем собрание, выбранное прямым голосованием. Если бы такой способ был бы признан недемократичным, то следовало бы настоять на создании сената или второй палаты, представляющей губернские и городские объединения так же, как и другие организованные силы – университеты, духовенство, возможно, кооперативы и профсоюзы.

Но каковы бы ни были детали конституционного устройства, следует помнить, что свершилась великая социальная революция, и было бы более-менее бесполезным вернуться к ограничениям и привилегиям старого режима. Правительство, предпринявшее попытку восстановить бывшее положение землевладельцев, было бы сметено новым восстанием крестьянства. Захватывать земли помещиков сельские общины Великороссии и мелких крестьянских собственников Украины побудила не простая жадность. Основопологающей причиной социальной катастрофы послужил земельный голод рабочего населения, окруженного привилегированными земельными владениями немногих. Первым условием возвращения к социальному миру является признание экспроприации дворянства, предоставление ему, насколько это возможно, компенсации и урегулирование нового распределения земли среди крестьян. Наполеон и даже Бурбоны времен Реставрации признали силу *fait accompli*¹ в подобных обстоятельствах, и правители новой России готовы сделать то же самое, как можно понять из их торжественных заявлений.

Мы коснулись институтов и механизмов управления по единственной причине, что расчеты относительно данной стороны процесса допускают некоторую вероятность. Но очевидно, что у всех этих институциональных изменений должна быть подоплека в виде моральной эволюции. Не только знание и опыт требуются для строительства республики, но определенный дух требовательности, самоконтроля, веры. Наиболее опасным аспектом большевистской мании является

¹ Совершившийся факт (франц.).

«утрата веры в государство», как выразился генерал Смутс, отвращение миллионов от политических связей и обязанностей. Это безверие составляет фон кровавой и безжалостной борьбы. Номо homini lupus¹ действительно является верным выражением для обозначения этого ужасного кризиса. Есть ли основания полагать, что русский народ способен преодолеть это наступление кровожадного неистовства? В конце концов пророки России, Толстой, Достоевский, Вл. Соловьев, раскрыли нам психологию русского народа не только во «Власти тьмы», одержимости «Бесов», отчаянии «Мертвого дома», но и как таинственную и благодетельную силу, восприимчивую к прекрасному и весьма чувствительную к правде и справедливости. Трудно говорить об этом в прозе, но я хотел бы указать на один признак возвращения сознания добра и зла. Я имею в виду возрождение религии. В мрачные годы старого режима религия была унижена, как и все другое, обожанием абсолютизма. Священнослужители вместо того, чтобы выступать духовными учителями, были исполнителями церемоний, покорными епископальной бюрократии и обер-прокурору Синода, беспомощными в своем общении с интеллигенцией и простым народом. Переворот 1917 года породил кризис и в этом отношении. Было время, когда казалось, что большевики добились успеха в войне против религии; утративший веру народ был охвачен манией святотатства. Но оргия безбожия длилась недолго. Гонения на священников и верующих очистили нравственный характер христианской общины и воскресили в ней чувство непобедимой силы духа. Патриарх нашел в себе силы предать анафеме угнетателей и держать их в страхе своим моральным авторитетом.

Повсюду верующие погибали за свою веру и тем самым оправдывали искренность своих религиозных убеждений. Невозможно выразить силу этого движения в точных понятиях, но одно несомненно: деградация большевизма обеспечила более истинное и возвышенное понимание Церкви, чем то, что было достигнуто в ходе более мирного развития. Русская православная церковь не сможет вновь впасть в рабство Святейшего синода после ее возрождения ее мучениками. Возрождение непорочной церкви означает воистину первый шаг на пути морального и политического образования народа. «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим». Оглядываясь на широкий круг вопросов, поставленных в этой статье, я хотел бы подчеркнуть, что я не представляю вниманию читателей ни предсказаний, ни конкретного плана, ни даже доктринарских утверждений.

Обсуждаемые проблемы настолько важны, а предстоящие события слишком сложны, чтобы их можно было рассматривать догматически. И все же те, кто любит Россию, не могут не думать о лучших средствах возвышения ее до уровня цивилизованной нации. Возможно, некоторые из мыслей, выраженных в этой статье, смогут встретить сочувствие и одобрение у части тех, кто будет ответственен за воссоздание страны.

*Статьи публикуются по изданию:
Виноградов П.Г. Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 423–431, 440–448.*

¹ Человек человеку волк (лат.).

СЕРГЕЙ ИОСИФОВИЧ ГЕССЕН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СВОБОДА И СОЦИАЛИЗМ

I

Не только у нас в России и не только в новое время, но у всех народов, во все времена люди боролись и умирали за свободу. Подобно тому, как нет языка, на котором бы не было слова «хлеб», так и нет языка, даже самого древнего, в котором бы не было слова «свобода». Но в разное время под словом «свобода» понимались разные вещи. Те люди, которые в древних государствах Греции и Рима умирали за свободу, понимали свободу не так, как мы ее понимаем теперь. Самые свободные государства древности показались бы нам ныне несвободными. И это не только потому, что в древности во всех государствах были рабы, но также и потому, что даже свободные граждане, часто составлявшие меньшую половину населения государства, были, в общем, совершенно бесправными по отношению к этому государству. Государство в древности было всем, личность же отдельного гражданина ничем. Государство могло вторгнуться в любую область жизни гражданина, предписать ему его верования, отнять у него его детей и его собственность, заставить его служить себе так, как это ему нужно, а не так, как это хотелось бы самому гражданину. Гражданин был полной собственностью государства, у него не было ничего своего, чего государство не могло бы у него отнять. Государство было последней целью, отдельный же человек только орудием в руках государства, средством для осуществления его целей.

Быть свободным означало при таких условиях участвовать в управлении государством. Более свободный государственный строй – это был такой строй, при котором большее число граждан участвовало в выработке законов, в выборе должностных лиц государства, в отправлении правосудия. Даже самые свободные республики древности понимали свободу лишь как участие в государственной власти. Все граждане голосовали в них законы, выбирали высших должностных лиц, могли сами быть избираемы на должности, участвовали в суде. Общая воля государств созидалась в них при деятельном участии всех граждан. Но эта общая воля не имела границ, была безусловной, или абсолютной. Пред этой общей волей государства отдельный гражданин был совершенно беспомощным и бесправным, и это несмотря на то, что он сам участвовал в создании этой общей

воли. Государство было как бы земным богом, отдельный же человек был рабом этого земного бога.

Итак, политическая свобода в древности сводилась к равному участию всех граждан в государственной власти и к равенству всех граждан перед законом. Что человеческая личность должна быть также свободна и от государства, что есть такая область в жизни отдельного гражданина, в которую государство не вправе вмешиваться, – мысль эта была, в общем, чужда древнему миру. Конечно, в иных государствах древности (как, например, в Афинах) деятельное участие всех граждан в законодательстве, управлении и суде смягчало зависимость отдельного гражданина от государства, так что на самом деле граждане пользовались в них большой свободой в своей частной жизни. Но даже в этих государствах государственная власть всегда считала себя вправе вмешаться во все решительной стороны жизни отдельного гражданина, и, за немногими исключениями, все мыслители древности и отдельные граждане считали это вполне допустимым и естественным.

Такое же отношение государства к отдельному человеку установилось и в новое время, тогда, когда на Западе Европы образовались могучие самостоятельные королевства (Испания, Франция, Англия, Пруссия и др.). Бесправное положение личности по отношению к государству было в них, однако, еще сильнее, так как население было постепенно лишено в них всякого участия в государственной власти. Государства эти образовались путем объединения отдельных феодальных владений, а также городов, пользовавшихся до того почти полной самостоятельностью. Объединяя все эти земли в одно государственное целое, короли присвоили себе постепенно всю власть по изданию законов, управлению и суду, поставили всюду своих чиновников, лишив всех феодалов и выборных властей, где они были, всех их вольностей. Крестьяне же остались, как и прежде, в крепостной зависимости у владельцев земли – помещиков. Только в Англии королевской власти не удалось окончательно уничтожить прежние вольности дворянства и городов (общин), объединившихся в парламенте и настойчиво защищавших свое право участвовать в управлении государством путем проверки поступлений и расходов королевской казны. Во всех же других государствах установился к XVII веку самодержавный государственный строй. Самодержавному, или абсолютному, монарху принадлежала в этом строе вся полнота государственной власти. Население не пользовалось никакими свободами: оно было совершенно бесправным перед лицом государства и не участвовало так же, как это было в древности, в управлении страной. Такой самодержавный порядок (абсолютизм) существовал и у нас – формально до 1905 года, а на деле до самых последних дней, так как старое правительство, обещав в 1905 году уважать свободу граждан, не выполнило своего обещания.

Мы все собственным опытом знаем, что такое самодержавный строй, бывший полным отрицанием политической свободы. Не государство существовало в нем для народа, а народ существовал для государства, и даже не для государства, а для правительства, потому что народ не участвовал в государственной власти и правительство было не народное, а чуждое народу, чиновниче. Правительство

опекало народ, как малых детей. На все нужно было разрешение правительства. Правительство, правда, терпело разные веры, но чтобы перейти из одной веры в другую (например, из православия в раскол или в католичество), нужно было разрешение правительства. Отпадение от православия вызывало за собой лишение разных прав (служебных и других). Многие из веровавших не по-православному (например, евреи) не допускались до школы (процентная норма) и не могли жить, где хотели (черта оседлости). Не было, значит, свободы совести. Чтобы напечатать какую-нибудь книгу, нужно было разрешение правительства; то же самое, чтобы печатать газету (предварительная цензура). Чтобы прочитать лекцию или сказать речь по какому-нибудь вопросу, тоже требовалось разрешение правительства, причем правительство посылало чиновника или полицейского, который должен был следить за тем, чтобы ничего не было сказано неугодного правительству. Не было, значит, свободы слова и печати. Без разрешения и надзора правительства нельзя было собираться, чтобы обсудить свои нужды, объединяться в общества и союзы – не было свободы собраний и союзов. Полиция всегда могла также войти в жилище обывателя, сделать у него обыск, арестовать его и выселить по своему усмотрению – не было свободы, или неприкосновенности, личности. Наконец, нельзя было даже путешествовать без надзора со стороны полиции – на то была паспортная система, позволявшая полиции следить за каждым обывателем во всех его движениях. А если вы посылали письмо по почте, то вы не могли быть уверены, что ваше письмо не будет прочитано каким-нибудь чиновником и не будет задержано и передано полиции – не было даже свободы корреспонденции.

Из всего этого видно, что при абсолютном строе личность отдельного человека совершенно не признавалась государством. Человек обязан был всем государству, сам же не имел никаких прав по отношению к нему. Поэтому понятно, что государство представлялось многим каким-то безжалостным деспотом, который давит и убивает людей. По мнению английского философа Гоббса¹, государство – это чудовище, тот зверь – Левиафан, который поглощает людей целиком, без остатка.

Современный человек не может мириться с таким отношением к нему государства. Признавая вполне государство, он считает, однако, что государство существует не само для себя, а для народа и, значит, для отдельных людей, из которых состоит народ. Он сознает себя не просто обывателем, а личностью, и потому требует свободы личности. Он считает себя также достаточно зрелым для того, чтобы самому участвовать в управлении государством, и потому хочет быть не только подданным государства, но и гражданином.

Таким образом, современное понимание свободы шире того, которое было известно древним. Участие в государственной власти уже не удовлетворяет современного человека. Необходима также свобода от государства, то есть право каждого человека жить и действовать так, как велит ему его совесть, а не как приказывает ему государство, хотя бы и всем народом управляемое. Права гражданина должны быть восполнены правами человека. Впоследствии мы увидим, что при современных условиях одна свобода немислима без другой: участие в управ-

¹ Гоббс Томас (1588–1679) – английский философ, теоретик естественного права.

лении государством невозможно ныне там, где государство не оставляет области, в которую оно не может вмешиваться. И обратно: свобода личности немыслима без участия каждого гражданина в управлении государством. Но чтобы понять это, нам необходимо раньше ознакомиться с тем, что такое свобода личности как свобода от вмешательства в жизнь гражданина государственной власти. Как же и когда возникло это новое понимание свободы? Как широка та область жизни отдельного человека, в которую государство не вправе вмешиваться? И как осмелится отдельный маленький человек восстать против безграничной власти этой громадной машины, именуемой государством? Откуда почерпнул он силы для того, чтобы потребовать от государства ограничения его мощи, а для себя – права на самоопределение?

II

Свобода личности впервые была провозглашена как свобода совести в конце XVI в., провозглашена она была в Англии, в среде религиозных сектантов, называвших себя пуританами и представлявших собою крайнее крыло того широкого религиозного движения, которое под именем Реформации охватило в XVI в. всю Западную Европу. Пуритане требовали крайней чистоты евангельского учения, отказа от всех тех наслоений в христианской церкви, которые, не будучи установлены в самом Евангелии, накопились в ней в течение веков как следствие уже не божеских, а человеческих законов. Между Богом и верой в Него отдельного человека не должна становиться никакая земная власть, будь то земная церковь или государство. Только тогда вера, думали они, будет действительно чистой, то есть живой религиозной верой. Поэтому они требовали безусловной, ничем не ограниченной свободы, так что многие из них и называли себя индипендентами¹, т.е. независимыми. Свобода совести есть, говорили они, прирожденное и неотъемлемое право каждого человека. Верой в Бога отличается человек от животного, а так как вера в Бога может быть только свободной или совсем не быть, то всякое насилие над верой есть покушение на права человека, дарованные ему самим Богом. Ради этого права свободно исповедовать свою веру пуритане готовы были терпеть всяческие гонения, и многие из них не задумались покинуть насиженные места старой Англии и вверить себя и свои семьи дальнему и опасному путешествию через мало известный тогда еще океан. На новой земле эти поселенцы в долгой и упорной, исполненной всевозможных лишений борьбе с природой и дикарями основали свободные колонии – ядро будущих свободных государств Северной Америки.

Основным положением этих новых поселений была безусловная свобода совести, право на религиозное самоопределение. Так родилась впервые в новой истории великая мысль, мысль о том, что человек не только гражданин, но и личность, имеющая свои особые права, которые государство не может нарушить. Впервые государственная власть объявляется ограниченной в своих притязаниях по отношению к отдельному человеку. Всяческих жертв вправе требовать она

¹ От англ. the independents – независимые.

от отдельного человека (индивида), но есть все же в человеке какое-то сверхгосударственное ядро – его свободная личность, – остающееся как бы непроницаемым для государства. Сознавшая свое безусловное достоинство личность не могла уже мириться с своим бесправным положением в государстве как простого средства. Отныне пред государством, если оно хочет быть правильным, или правовым, поставлена была задача признания безусловного значения личности отдельного гражданина и разграничения власти государства и свободы личности. Как в разное время решалась эта в существе своем единая задача, мы сейчас увидим.

Очевидно во всяком случае, что однажды сознавшая свою свободу личность не могла надолго удовлетвориться тем первым правом на самоопределение, которое было выдвинуто пуританами, – свободой совести. Признание свободы совести необходимо влекло за собой целый ряд других свобод. В самом деле, свобода совести не может быть, очевидно, полной и неограниченной, раз у меня нет права свободно выражать свою веру. Свобода слова и печати, т.е. право открыто говорить и писать то, что я думаю, не спрашивая предварительного разрешения у властей и не подвергаясь с их стороны надзору, есть естественное следствие из свободы совести, без которого последняя была бы пустым словом. Поэтому требование свободы слова и печати, благороднейшим и красноречивейшим защитником которой был известный английский поэт Мильтон¹, было выдвинуто почти одновременно с требованием свободы совести. Но свобода слова и печати немислима в свою очередь без дальнейших свобод – без свободы собраний и свободы корреспонденции. Наконец, все эти свободы на деле совершенно ничтожны, если власти могут в любой момент меня арестовать и произвести обыск у меня в доме: неприкосновенность личности и жилища есть необходимое дополнение к ряду названных выше свобод. Неприкосновенность личности и жилища была издавна, еще с XIII в., привилегией, т.е. особым, дарованным королем и переходившим по наследству правом большинства английских граждан. Впоследствии, в XVII в., она была на деле почти совершенно уничтожена политикой английских королей, пытавшихся править самодержавно. В 1679 г. она была вновь торжественно подтверждена английским парламентом, издавшим закон, который подробно обеспечивал ее ненарушимость. Этим законом (*Habeas corpus act*) обеспечивалось право заключенного, в случае незаконности ареста, требовать освобождения, в случае маловажности проступка – быть выпущенным на поруки, в случае обвинения в тяжком преступлении – не дожидаться долго суда. Закон этот предусматривал право каждого английского гражданина требовать освобождения незаконно арестованного и право последнего искать убытков с должностных лиц, производивших незаконный арест или не принявших мер к его уничтожению. С тех пор каждый английский гражданин мог гордо заявлять: «Мой дом – мой замок», и с гораздо большим правом, чем средневековый помещик-феодал, так как он мог быть уверен, что никакая сила в мире уже не будет в состоянии нарушить его личной свободы.

Но то, что в Англии было наследственным правом английского гражданина, становится, в связи с изложенным выше развитием идеи личности, неотчуждае-

¹ Мильтон Джон (1608–1674) – английский поэт и публицист, участник Английской революции XVII в.

мым и неотъемлемым правом человека как такового. Основанные пуританами в Северной Америке поселения объявляют в своих конституциях неприкосновенность личности таким же прирожденным и ненарушимым со стороны государственной власти правом человека, как и свобода совести, слова и собраний. Постепенно, под влиянием уже не только религиозных, а экономических условий, сфера личной свободы расширяется еще больше. Английские мыслители (Локк¹, Адам Смит² и Бентам³) дополняют очерченную нами область независимого от государства самоопределения личности еще тремя свободами – свободой собственности, свободой передвижения и свободой труда. В средние века недвижимая собственность не была свободной, так как владелец такой собственности, считавшейся принадлежностью не отдельного лица, а рода, не мог ею распорядиться по своей воле, т.е. не мог ее отчуждать, закладывать и т.п. Точно так же и труд не был свободным, потому что право заниматься каким-нибудь ремеслом в данной местности было привилегией, т.е. особым правом отдельного общества-цеха, так что только член этого цеха мог открывать соответствующую мастерскую или торговлю. Кроме того, целый ряд занятий был воспрещен представителям отдельных сословий. Такое ограничение собственности и труда, также как и паспортная система, конечно, очень стесняли начинавшуюся развиваться в Англии и на континенте Европы промышленность. Мыслителям XVIII в. свобода собственности и труда представлялась, однако, необходимой не только в интересах промышленности и торговли, но в интересах развития самой личности. Они совершенно правильно считали, что существовавшие тогда стеснения собственности и труда нарушают свободу личности. Человек проявляет себя самого не только в своих убеждениях и в слове, но и в своем труде. Руки человека так же принадлежат ему, как и его слово. Поэтому всякие ограничения труда (подобно тем, какие были известны еще недавно и у нас для крестьян или для инородцев, например, евреев, которым возбранялся целый ряд занятий) являются нарушением свободы личности. Но труд, в свою очередь, не свободен, если нет свободы передвижения и распоряжения своей собственностью: собственность (одежда, инструменты, земля, сбережения, капитал) есть такое же продолжение личности человека, как и его руки. Поэтому, по мнению мыслителей XVIII в., сфера свободы личности должна обнимать не только убеждения и слово (устное и печатное) личности, тело человека, но и его труд, и собственность. Все эти свободы равно являются неотъемлемыми правами человека, на которые ни государство, ни отдельные признанные государством учреждения не вправе посягать.

Перечисленными выше свободами исчерпывалась к концу XVIII в. сфера личной свободы. Так именно отграничивают область свободного самоопределения личности те торжественные заявления, которые под именем «Декларации прав человека и гражданина» открывают собою конституции отдельных штатов Северной Америки. Точно так же понимает свободу личности и знаменитая Декларация прав человека и гражданина 1789 г., принятая в самом начале Великой

¹ Локк Джон (1632–1704) – английский философ и экономист, просветитель.

² Смит Адам (1723–1790) – английский экономист.

³ Бентам Иеремия (1748–1832) – английский социолог, юрист, политический писатель.

французской революции национальным собранием и впоследствии французским Учредительным собранием. Французская Декларация прав, выработанная по образцу своих американских предшественниц, выразила в законченной форме то понимание свободы, которое сложилось на Западе к началу XIX столетия, почему она и служила долгое время примером для всех других государств Европы, еще не пользовавшихся благами свободы.

В течение XIX в. в связи с новыми историческими условиями появляются новые свободы. Так, бельгийская конституция 1831 г. в особой статье устанавливает свободу образования, воспрещая всякую предварительную меру, ограничивающую открытие школ. Каждый гражданин и каждое общество граждан может, не спрашивая на то разрешения у властей, открывать школы любого рода и с любой программой преподавания. Другая статья той же бельгийской конституции устанавливает новую, чрезвычайно существенную для нашего времени свободу – свободу союзов, или коалиций. В эпоху Французской революции свобода союзов не только отсутствовала, но даже прямо формально запрещалась. Деятели того времени казалось, что союзы, в особенности политические партии, нарушают единство и нераздельность государства и потому не могут быть терпимы государственной властью. Обвинение в участии в политической партии было обычным во время Французской революции: оно возвело на эшафот многих ее деятелей – поочередно и жирондистов, и монтаньяров.

Изменившиеся за последнее время экономические и политические условия изменили взгляд на этот вопрос: не только участие народа в управлении государством немислимо ныне без политических партий, не только защита своих профессиональных интересов невозможна ныне без объединения экономически слабых классов общества (ремесленников, рабочих, крестьян) в союзы, но и свобода личности становится призрачной без права для нее свободно объединяться с другими личностями. Отдельная личность слишком слаба в современном обществе для того, чтобы в одиночестве отстаивать признанную за ней свободу совести и убеждения. Последние превращаются в пустое слово, если личности не предоставлено право распространять свои убеждения и отстаивать себя в союзе с другими лицами.

Обе эти свободы (свобода образования и союзов) торжественно обеспечиваются и в конституции Французской республики 1848 г. Несмотря на то, что конституция эта составлялась под сильным давлением сделавшего февральскую революцию 1848 г. пролетариата, в ней отсутствует еще упоминание последней свободы, выдвинутой во второй половине XIX в. именно рабочим классом. Мы имеем в виду свободу стачек, которая долгое время не признавалась буржуазными правительствами даже свободных стран. Несомненно, что при современной, основанной на частной собственности организации производства свобода стачек есть такое же неотъемлемое право личности, как и свобода труда. Отказ от работы не может быть запрещаем государственной властью, так как таковой отказ часто является единственным средством у экономически зависимого человека для того, чтобы оградить его личность – свободу его убеждения, свободу собраний и союзов и даже, как мы ниже увидим, неприкосновенность его собствен-

ности – от посягательств на нее со стороны государственной власти, органов местного самоуправления и экономически более сильных групп населения (предпринимателей, землевладельцев и т.п.).

Таковы те отдельные свободы, совокупность которых очерчивает, по представлению современного человека, вокруг личности индивида некую особую сферу, в которую государственная власть не вправе вторгаться. В основе всех этих свобод лежит *идея личности, постепенно расширявшая свое содержание*. Личность уже не бесправна по отношению к государству, не есть только средство для целей государства, как это было в древности, но обладает самостоятельной ценностью, которую государство обязано уважать.

Исчерпывают ли известные ныне отдельные свободы самое идею свободы в новом смысле этого слова? Вероятнее всего, что нет. Вполне возможно, что усложняющаяся человеческая жизнь выдвинет в будущем новые свободы, которые будут признаны такими же неотъемлемыми правами человека, как и перечисленные выше. Ведь и выдвинутые донные свободы были не просто отвлеченными требованиями, логически вытекающими из самой идеи свободы, но выдвигались постепенно, в зависимости от того исторически сложившегося гнета, который давил на личность с той или иной стороны. Никто никогда не требовал свободы чихания или свободы быстрого хождения по улицам. Точно так же никому не пришлось бы в голову требовать свободы переписки или свободы передвижения, если бы не «черные кабинеты» и не паспортная система, практиковавшаяся при абсолютизме. Содержание идеи свободы обуславливается историческими обстоятельствами и никогда не может почитаться неизменным и законченным. Но в основе отдельных свобод лежит, как мы видели, одна и та же единая идея – идея личности. Однажды открытая, идея личности встала пред человечеством как вечная задача, над разрешением которой человечество, думается нам, никогда не устанет работать.

III

До сих пор мы выяснили одну сторону современного понятия политической свободы, которой свобода отличается от абсолютизма государственной власти и которая находится в тесной связи с идеей личности. Теперь нам надлежит выяснить другую сторону свободы в современном ее понимании. Этой стороной своей свобода отграничивается от произвола и находится, как мы увидим, в тесной связи с идеей порядка и права.

В самом деле: свобода совести, например, означает право человека на самоопределение в делах веры, ограждая область веры от вмешательства со стороны государственной власти. Значит ли это, что свобода совести есть ничем не ограниченный произвол человека в делах веры? Если, например, вера моя настолько фанатична, что велит мне публично оскорблять веру других, инакомыслящих людей, кощунствовать при совершении ими своего богослужения, осквернять их святыни или, наконец, насильно обращать их в свою веру под угрозой пыток, убийства и т.п., то неужели и тогда государственная власть не вправе вмешаться

и положить предел такому изуверству с целью оградить от насилия личности подвергшихся ему людей? Очевидно, что свобода совести означает *равную для всех свободу*, и невмешательство государства в дела веры не исключает права и обязанности государства охранять эту свободу от всяких посягательств на нее, откуда бы они ни исходили. Точно так же свобода слова и печати не означает неограниченного произвола говорить и печатать все, что вздумается. Она не означает, что я могу оскорблять другого человека, клеветать на него, призывать к погромам и что государство не вправе вмешаться в такое пользование мною моим словом, с целью ограждения других лиц от злоупотребления словом с моей стороны. Не может считаться также совершенно неограниченной и свобода собраний и даже неприкосновенность личности и жилища. Можно ли, например, серьезно отрицать у государства право арестовать грабителя, произвести обыск у скупщика краденых вещей, отказать полиции в праве распустить собрание погромщиков и воров, вырабатывающих план отнятия собственности и нарушения неприкосновенности жилища своих сограждан? Очевидно, нет: в тех случаях, когда все эти свободы переходят в нарушение свободы других лиц, государство, как охраняющее свободу *всех*, обязано вмешаться и оградить нарушаемое право *каждого* на самоопределение. Поэтому во всех, даже самых свободных государствах, полиция всегда имеет право арестовать злоупотребляющего своей свободой гражданина и закрыть незаконное, т.е. нарушающее права других лиц собрание...

Из сказанного во всяком случае с очевидностью следует, что свобода не есть произвол, что она имеет какие-то пределы и допускает какое-то вмешательство в действия личности со стороны государственной власти. Каковы эти пределы – лучше всего видно из замечательного определения свободы, имеющегося в упомянутой уже нами Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Статья 4 этой Декларации гласит: *«Свобода состоит в возможности делать все то, что не вредит другим; поэтому осуществлению естественных прав отдельного человека полагается предел только необходимостью обеспечить за другими членами общества пользование теми же правами. Эти границы могут быть определены не иначе, как законом»*. Из этого определения свободы ясно уже, кто уполномочен устанавливать общие пределы свободы и кто в каждом частном случае уполномочен разрешать, нарушены ли эти пределы или нет. Первое право принадлежит законодательной власти; второе – той, на которой лежит обязанность блюсти за исполнением законов, – власти судебной.

Свободный строй тем и отличается от строя деспотического, что только суд имеет в нем право вторгаться в свободу личности, вернее, вводить ее в законные пределы тогда, когда свобода превращается в произвол. Поэтому на деле, а не на словах только свобода возможна лишь там, где имеется суд справедливый, т.е. неподкупный и независимый как от давления на него со стороны местного населения, так и со стороны правительства в узком смысле, или, как говорят юристы, исполнительной власти. Англия, имевшая счастье издавна обладать таким судом, является в силу этого классической страной свободы. В самодержавном государстве исполнительная власть в лице полиции может всегда посягнуть на свободу человека: она может арестовать человека, конфисковать его собственность, не

дозволить речь или произведение печати, закрыть собрание, распустить или не дозволить союз, не давая никому отчета в своих действиях. Так обстояло дело не только в абсолютистском государстве нового времени, но в значительной мере и в демократических республиках древности, в которых самодержавный народ мог, например, без всякого объяснения причин и без всякого закона изгонять неугодных ему или представлявшихся ему опасными граждан (остракизм в Афинах).

В свободном государстве суд охраняет свободу граждан не только от покушений на нее со стороны других лиц, но, конечно, и со стороны агентов исполнительной власти. Выше мы видели, как английский закон 1679 г. предписывает каждого арестованного в кратчайший срок (в течение трех суток, а ныне в Англии в 24 часа) привести к судье, который или обязан объяснить ему причину ареста и в определенный срок вынести приговор на предъявленное ему обвинение, или немедленно же освободить его. Все агенты власти (полиция, тюремщики и т.п.), в том числе и сам судья, не исполнивший предписания закона, отвечают перед судом за нарушение неприкосновенности личности, причем арестованному предоставляется законом право искать с виновных убытки, происшедшие вследствие неправильного заключения. Только по суду может быть в свободном государстве изъято из обращения какое-нибудь произведение печати, распущен незаконный союз или закрыто незаконное собрание. В экстренных случаях полиция, конечно, может приостановить деятельность союза или закрыть собрание, но всегда с обращением к суду, причем в случае необоснованности ее действий председатель союза или собрания имеет право искать с виновных убытки, в случае же незаконности полиция тоже, в свою очередь, подвергается суду. Поэтому в свободных государствах всякий гражданин может привлечь любого агента власти к суду, и судья вправе и обязан его судить, не испрашивая на то ничего разрешения. Общий ли суд судит агента власти, как это имеет место в Англии, или особый суд (так называемая «административная юстиция», действующая, например, во Франции и в Австрии), – это уже не так важно: существенно, чтобы это был гласный, скорый и независимый суд и чтобы для привлечения к суду не требовалось разрешения высшего начальства. Промадное значение поэтому имеют для охранения свободы личности правила судопроизводства или, как говорят юристы, процессуальные нормы. Чем совершеннее в данном государстве процессуальное право, тем полнее в нем индивидуальная свобода. Если совокупность отдельных прав личности, из которых слагается индивидуальная свобода, мы вместе с юристами назовем «субъективными публичными правами», тогда понятно, что и правила судопроизводства относятся к публичному праву, т.е. к такому праву, которое, в противоположность частному праву, ведает разграничением не частных интересов отдельных лиц между собою, а взаимоотношением отдельного лица к государственной власти.

Таким образом, государство, в котором граждане пользуются политической свободой в современном смысле этого слова, отличается от абсолютизма своим правовым характером. Это – правовое государство, т.е. государство, в котором господствует закон, охраняемый судом, не зависимым от исполнительной власти. Право – вот та стихия, в которой только и может жить и развиваться поли-

тическая свобода. Безусловная, как право личности, она вместе с тем ограничена равным ей безусловным правом другого лица. Политическая свобода и равенство оказываются не столько восполняющими друг друга, сколько проистекающими из некоего общего им и единого в существе своем источника...

VI

Различие между свободой в современном смысле этого слова и политической свободой, как ее понимала древность, должно быть ныне ясно читателю. Это есть различие правового строя и абсолютизма государства, хотя бы и управляемого при участии всех граждан. Подробное рассмотрение современного социализма подтвердило нам неизбежность этого различия: как ни глубока пропасть между социалистическим и либерально-буржуазным государством, социализм сможет стать действительностью лишь на почве правового государства, в основе которого лежит идея свободной в своем самоопределении человеческой личности. Теперь нам надлежит рассмотреть еще последний вопрос: как относится современное понятие свободы как свободы личности от государства к древнему его пониманию как участию в государственной власти. Это есть вопрос о взаимоотношении свободы и народоправства, правового строя и демократии.

Было время – первая треть XIX в. – когда между свободой и народоправством не усматривали никакого взаимоотношения. Это было время разочарования в демократии, выродившейся в эпоху Великой французской революции в террористическую диктатуру и насилие над личностью. В области политической мысли тогда началось господство либерализма в его чистом виде. В действительности же это было господство крупной и средней буржуазии, которая, в силу высокого имущественного ценза, одна только пользовалась избирательными правами и ревниво не допускала широкие слои народа к участию в государственной власти. Вождь политического либерализма того времени во Франции, Бенжамен Констан¹, прямо даже противопоставлял личную свободу демократии и, исходя из того, что «личная свобода есть цель всякого соединения людей», высказывался против демократии на том основании, что «масса тоже ведь может стать деспотом». Ему именно принадлежит различие древней и новой свободы, которое стало с тех пор классическим и которому мы также отдали дань в настоящем очерке. «У древних, – говорил Бенжамен Констан, – отдельный человек, полномочный во всех общественных делах, был рабом в своей частной жизни. Как гражданин, он решает вопрос о войне и мире, как частный человек, он ограничен, поднадзорен, угнетен во всех своих действиях. У современных народов, напротив, отдельный человек, независимый в своей частной жизни, участвует в верховной власти, даже в самых свободных государствах, лишь по видимости». Правильно ли такое противопоставление? Мыслима ли при современных условиях личная свобода без широкого участия народа в государственной власти? Возможна ли ныне настоящая демократия без прочного правового строя, основанного на личной свободе?

Рассмотрим сначала первый вопрос. Мы знаем уже, что невмешательство

¹ Констан де Ребек Бенджамен (1767–1830) – французский общественный деятель, литератор.

государства в жизнь личности не есть предоставление этой личности безграничного произвола в ее действиях. Свобода личности имеет границы, «которые, – как говорит Декларация 1789 г., – могут быть определены не иначе как законом». Очевидно в таком случае, что в зависимости от того, каковы будут эти законы, личная свобода, провозглашенная на словах, будет на деле более или менее полной. Для личной свободы *каждого* гражданина, следовательно, далеко не безразлично, будет ли законодательная власть принадлежать кучке избранных или весь народ будет принимать в ней участие.

Возьмем, например, свободу печати. Провозгласить ее отнюдь не значит еще ее обеспечить. Для действительного обеспечения ее необходим подробный закон о печати, который «устанавливал бы способ предания суду виновных в злоупотреблении свободой печати (судопроизводственная часть), размер кар, налагаемых за преступления путем печати, самый состав таких преступлений (т.е. что именно считать преступлением – уголовная часть), ответственность должностных лиц за нарушение свободы печати и т.д. Понятно, что если законодательная власть, устанавливающая все эти законы, будет находиться в руках небольшой кучки лиц, к тому же боящейся потерять эту власть, то под понятия преступления путем печати подпадут не только такие деяния, как оскорбление, клевета, призыв к погромным действиям (т.е. несомненные злоупотребления свободой печати), но и такие действия, как критика современного общественного строя, призыв к его преобразованию хотя бы мирным порядком или даже критика действий находящегося у власти правительства. В судопроизводственную часть также могут быть включены постановления, явно ограничивающие свободу печати. Например, может быть установлено требование, чтобы на каждом произведении печати стояло не только название типографии, в которой оно отпечатано (наименьшее условие, без которого действительно невозможно привлечение к суду в случае злоупотребления), но и имя автора произведения (совсем не необходимое условие, в целом ряде случаев могущее стеснять свободу слова, особенно когда автор – экономически зависимый человек). Или возьмем другой пример – свободу стачек. Закон может устанавливать наказуемость за насильственные действия, произведенные во время стачки (разрушение зданий, порча машин, насильственное недопущение частью рабочих к работе других рабочих, желающих работать). Все это вполне необходимые постановления, направленные против злоупотребления свободой стачек. Но, с другой стороны, закон может совершенно не упоминать о возможных насильственных действиях со стороны предпринимателей (замена бастующих рабочих войсками, соглашение предпринимателей об отказе в работе бастовавшим рабочим и т.п.) и тем самым свести свободу стачек на нет. Очевидно, что действительная свобода личности будет обеспечена не тогда, когда законы будут писаться небольшой, блюдущей только свои интересы группой лиц, но лишь тогда, когда законодательная власть будет находиться в руках всего народа.

Если так обстоит дело со свободой в отрицательном смысле, то необходимость народоправства для обеспечения свободы станет еще очевиднее тогда, когда мы перейдем к положительным правам личности, ее правам-притязаниям по отношению к государству. Мы видели, что многие из этих прав были провозглашены

еще в 1793 г., но что нужно было пройти столетию для того, чтобы законодательная власть приступила к их действительному осуществлению. Цензовая буржуазия, в руках которой находилась в течение минувшего столетия законодательная власть, была, конечно, не заинтересована в обеспечении права личности на достойное человеческое существование. По мере расширения и углубления идеи свободной личности, перед законодательной властью государства встают все более и более широкие задачи: всеобщее обязательное обучение, государственное страхование трудящегося населения, частичная или даже полная социализация земли, а в пределе – обобществление всех орудий производства, – все это задачи, которые смогут быть не только разрешены, но даже поставлены законодательной властью лишь при условии участия в ней всех граждан. Если только правильно было наше рассуждение о том, что свобода личности в полной мере осуществляется не тогда, когда государство оставляет личность на произвол первого попавшегося насильника, а тогда, когда оно охраняет личность от возможного злоупотребления свободой, то отсюда естественно вытекает также и вывод, что только демократический строй действительно способен обеспечить эту свободу. Ни в чем ярче не обнаруживается подлинная сущность современного социализма, как именно в его демократическом характере. В противоположность коммунизму Платона и всему позднему утопическому социализму, современный социализм считает, что он может быть осуществлен не путем насилия и принуждения, но лишь путем свободного волеизъявления всего народа. И в данном случае он исходит не просто из практического соображения, что насильно навязанный народу социализм будет по необходимости непрочным. Нет, демократический характер современного социализма вытекает из самой его правовой природы, которой он и отличается от утопического коммунизма. Повторяем: или социализм останется навсегда только «музыкой будущего», или он осуществится в формах правового государства.

Мы доказали необходимость для личной свободы народовластия. Нам остается теперь только показать, что и народовластие – свобода в древнем смысле – невозможно без личной свободы – свободы от деспотизма государства. Уже беглый взгляд на историю демократии в древнем мире показывает нам, что подлинная демократия немыслима без личной свободы. Личная свобода фактически и существовала в Афинах, и прав был Перикл¹, гордо заявивший о том в своей известной речи союзникам. Да и в самом деле, без свободы совести, слова и собраний, без неприкосновенности личности, обеспечивающих свободный обмен мнений между гражданами, никогда не сможет сложиться единая и организованная воля народа. Правы были поэтому те историки, которые оспаривали различие Бенжамена Констана между древней и современной свободой, утверждали, что и древний мир знал политическую свободу в смысле свободы индивидуальной. Но они были не правы постольку, поскольку индивидуальная свобода, фактически установившаяся в демократиях древности как естественная и необходимая стихия, в которой только и может существовать истинное народовластие, никогда не была в древнем мире признана *принципиально*. Государствен-

¹ Перикл (ок. 490–429 до н.э.) – древнегреческий государственный деятель.

ная власть в древнем мире, фактически часто предоставлявшая гражданам большую личную свободу, всегда оставляла за собою право в любой момент отменить ее. Процесс Сократа, обвиненного в непризнании богов города, с достаточной ясностью показывает это.

Если так обстояло дело в древности, не знавшей представительного образа правления, то современная демократия, в которой верховенство народа осуществляется через посредство народного представительства, уже совершенно немислима без индивидуальной свободы. Свобода слова и тесно связанные с нею другие свободы нужны ныне не только для того, чтобы каждый гражданин в отдельности мог бы сознательно определить линию своего политического поведения, но и для того, чтобы народные представители могли всегда выслушивать свободный голос всех слоев населения и сообразовать с ним свое законодательное творчество. Нельзя представить себе ныне представительный образ правления без политических партий, т.е. без свободы союзов. Непризнание этой свободы в эпоху Французской революции, несомненно, сыграло не последнюю роль в том, что молодая французская демократия быстро выродилась в самую плачевную демагогию и подготовила тем почву для нового Цезаря – Наполеона. Если демократия есть организованная воля всего народа, а не только одной его наиболее решительной части, если она есть равнодействующая сознательных волей отдельных граждан, голосующих согласно своему свободно принятому убеждению, а не под влиянием душевного или даже телесного насилия, то демократия осуществима только в формах правового государства, т.е. при признании запретной для государственного вмешательства области личной свободы.

Таким образом, несмотря на все свое различие, политическая свобода в древнем смысле этого слова и свобода современная не могут быть противопоставляемы друг другу. Индивидуальная свобода есть необходимая предпосылка участия народа в государственной власти. Народоправство есть необходимое предположение личной свободы. Одно держит другую. Без второго падает первая. Оба эти вида свободы не безразличны друг другу, но находятся между собой в тесной органической связи. И потому не так уж были не правы Платон¹ и Руссо², учившие, что общая воля и воля отдельного человека в глубочайшем своем существе совпадают. Им так и не удалось найти в его чистом виде тот единый корень, из которого вырастают оба рассмотренные нами ствола политической свободы. Оба они искали его слишком в направлении государственной власти. Найти более правильное разрешение данного вопроса составляет очередную задачу современной философии права.

<...>

Излагая смысл и содержание понятия политической свободы, мы совсем не задавались целью предлагать читателю какие бы то ни было поучения. Мы хотели только помочь ему дать себе отчет в том, что непосредственно, чувством ему известно. И если сердце русского человека радуется завоеванной русским серд-

¹ Платон (ок. 427 – ок. 347 до н.э.) – древнегреческий философ.

² Руссо Жан Жак (1712–1778) – французский мыслитель и писатель, просветитель.

цем свободе, то разум его должен, думается нам, говорить, что провозглашенная пока только свобода далеко еще не утверждена в России. Весь наш очерк показывает, что утверждение свободы есть дело не одного дня и не одного порыва, как бы ни был могуч и велик этот порыв. Осуществление свободы есть дело неустанного и последовательного труда многих и многих поколений, труда, требующего неослабного напряжения воли и знания всего народа. Свобода пока еще только провозглашена у нас. Но у нас нет еще самых необходимых условий для проведения этой провозглашенной свободы в жизнь: у нас нет еще независимого и авторитетного суда, нет правильно работающего народного представительства, нет даже еще организованной воли всего народа. Смертельной опасности подвергается русская свобода – опасности своего вырождения в произвол. Долг каждого русского гражданина поэтому оберегать завоеванную со столь тяжелыми жертвами свободу. Не ожидая в бездействии того времени, когда возродившаяся государственность создаст необходимые гарантии свободы, каждый из нас теперь немедленно – собственным делом и убеждением – должен бороться против всякого злоупотребления свободой. Великие жертвы налагают на нас и великую ответственность. И мы верим в то, что могучий порыв русского народа, приведший его к свободе, окажется достаточно длительным и сознательным для того, чтобы пронести завоеванную свободу сквозь все опасности, стерегущие ее на пути.

*Извлечения публикуются по изданию:
Гессен С.И. Избранные сочинения.
М., 1999. С. 106–121, 138–144.*

ВЛАДИМИР МАТВЕЕВИЧ ГЕССЕН

**РУССКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
И ВЫБОРЫ В НЕГО**

I

Основные начала избирательной системы

Когда собиралось Совещание по выработке избирательного закона для Учредительного собрания¹, тот факт, что избрание депутатов в это Собрание будет и должно быть основано на началах всеобщего и равного избирательного права, прямых выборов и закрытой подачи голосов, являлся общепризнанным и бесспорным.

Задача, возложенная на Совещание, имела, по преимуществу, технический характер; она заключалась в изыскании путей и средств к осуществлению демократической системы избирательного права.

Так сразу отнеслось к своей задаче и само Совещание. Несмотря на свой по преимуществу партийный состав, оно избегало партийных дебатов. Принципиальным разногласиям по вопросу об основах избирательной системы в среде его не было места. Являлись спорными *детали* избирательной системы; но и споры о них решались, по общему правилу, на основании деловых соображений, чуждых какой бы то ни было партийной предвзятости и партийных предубеждений. Для привычного наблюдателя нашей партийной розни комбинации голосующих по каждому вопросу «за» и «против» нередко являются неожиданными и странными. В огромном большинстве случаев комбинации эти партийного характера не имели: одна часть народных социалистов, кадетов и социал-демократов голосовала против другой – и никто в этом не видел измены партийным программам и лозунгам.

---

¹ 25 марта 1917 г. Временным правительством было образовано и 25 мая того же года приступило к работе Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. В его состав входило от 60 до 110 человек. Среди них – представители политических партий, общественных, профессиональных и иных организаций, регионов, армии и флота. В деятельности Совещания активно участвовали видные российские юристы: В.В. Водовозов, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, В.А. Маклаков, Б.Э. Нольде и многие другие, в том числе автор данного текста – В.М. Гессен.

Деятельность Совещания завершилась со вступлением в силу Положения о выборах в Учредительное собрание.

В настоящее время основные начала избирательной системы являются окончательно установленными. О том, как будут произведены выборы в Учредительное собрание, мы можем судить не предположительно, а с полной уверенностью – на основании решений, уже принятых Советанием.

Как известно, всеобщность избирательного права предполагает отказ от так называемых классовых цензов, т.е. от цензов, устранивающих от участия в выборах определенную, более или менее многочисленную общественную группу. Поэтому при всеобщности избирательного права невозможны такие цензы, как например: имущественный, или налоговый, или образовательный ценз, или ценз домообзаводства. Никто в Советании, разумеется, таких цензов и не предлагал.

В некоторых государствах, например, во Франции и Австрии, несмотря на всеобщность избирательного права, мы встречаемся с цензом предварительного водворения в избирательном округе: в избирательные списки вносятся лица, прожившие в округе, – во Франции не менее шести месяцев, а в Австрии не менее года. В Соединенных Штатах цензом предварительного водворения ограничено пассивное избирательное право: только лицо, проживающее в округе, может быть избрано его представителем в законодательную палату.

Теоретическая необоснованность ценза предварительного водворения при общегосударственных выборах не нуждается в доказательствах. Избиратель участвует в выборах как гражданин, а не житель определенного округа. Депутат представляет не округ, а всю страну. В частности, обусловленность цензом водворения пассивного избирательного права влечет за собой ухудшение личного состава законодательных собраний: выдающийся политический деятель не может быть избран потому, что в месте его случайного проживания побеждает противная партия, хотя бы в десятке других округов его кандидатуре обеспечен был полный успех.

Проект избирательного закона, установленный Советанием, ценз предварительного водворения категорически отвергает. В избирательный список участка вносятся лица, проживавшие в нем ко дню, в который было приступлено к составлению означенного списка. Лица, прибывшие в данный участок позднее этого дня, могут быть дополнительно вносимы в избирательный список по их заявлениям, сделанным не позднее, чем за пять дней до окончания срока, установленного для подачи жалоб на неправильности, допущенные при составлении списка. Равным образом могут быть избираемыми в Учредительное собрание все граждане, удовлетворяющие требованиям активного избирательного права. Всякое лицо, включенное в избирательный список какого-либо участка или даже не включенное, если его невключение произошло по недосмотру или случайным причинам, может быть избираемо на всем протяжении Российского государства.

В большинстве избирательных систем, построенных на начале всеобщности избирательного права, мы встречаемся также и с цензом пола, то есть с устранением женщин от участия в выборах. Доказывать теоретическую и практическую недопустимость подобного ценза значило бы ломиться в открытую дверь. В отношении к выборам в Учредительное собрание вопрос этот, во всяком случае, является окончательно решенным, и женщины будут на тех же основаниях уча-

ствовать в выборах, как мужчины.

В отличие от классовых, индивидуальные избирательные цензы вполне совместимы с началом всеобщности избирательного права. Всеобщее избирательное право отнюдь не предполагает предоставления права участия в выборах каждому гражданину. Участие в выборах – функция государственной власти, органом которой является избиратель. Поэтому, предоставляя гражданину избирательное право, государство не может не считаться с наличием или отсутствием у него «избирательной способности». Если под избирательным цензом понимать всякое вообще положительное или отрицательное условие, коим закон обставляет участие в выборах, то нет и не может быть избирательной системы, в которой не имелся бы налицо избирательный ценз. К числу индивидуальных цензов, совместимых с началом всеобщего избирательного права, относятся цензы подданства, возраста, общегражданской дееспособности, нравственной неопороченности и – отчасти – служебной независимости избирателей.

Из указанных цензов последний не найдет себе места в законе о выборах в Учредительное собрание. В иностранных законодательствах он касается по преимуществу лиц, состоящих на военной и военно-морской службе. Не может быть речи о лишении армии права участвовать в выборах в Учредительное собрание, и не только потому, что армии прежде всего Россия обязана революцией, но и потому, что армия в настоящее время – это вооруженный народ, а не обезличенная воинской дисциплиной обособленная и замкнутая каста. Равным образом не может быть никаких оснований для лишения избирательных прав той новой бюрократии, которая призвана Временным правительством к ответственному и трудному делу переустройства России на новых – демократических – началах.

Необходимость русского гражданства, или, другими словами, принадлежность к составу Российского государства, для участия в выборах в Учредительное собрание является самоочевидной и бесспорной. Избирателями являются русские граждане, к какой бы, разумеется, национальности они ни принадлежали.

Более спорным является вопрос о *возрастном* цензе. В большинстве государств политическое совершеннолетие совпадает с совершеннолетием общегражданским; в некоторых, а именно, в германских государствах, во Франции и Болгарии, в Дании, первое наступает позднее второго – в 25 и даже 30 лет. Не подлежит сомнению, что, повышая возрастной ценз, законодатель руководствуется тенденциями консервативного свойства. С одной стороны, он исходит из того убеждения, что возраст умеряющим образом действует на политические убеждения человека; с другой, он рассчитывает на воспитательное и дисциплинирующее действие военной службы. В рядах радикальных и демократических партий повышение возрастного ценза всегда и везде встречает самую решительную оппозицию. Такое повышение, во всяком случае, значительно уменьшает число избирателей. В Дании, например, при возрастном цензе в 30 лет, несмотря на всеобщность избирательного права, число избирателей не достигает 15 процентов всего населения.

В применении к России – и, в частности, к выборам в Учредительное собрание – об искусственном повышении возрастного ценза не может быть речи, меж-

ду прочим, и потому, что уровень грамотности значительно выше в молодых возрастных группах, чем в старших. С другой стороны, вряд ли целесообразно искусственное понижение возраста политического совершеннолетия, – например, до 20 или даже до 18 лет. Не говоря уже о том, что различие возрастов политического и гражданского совершеннолетия теоретически не может быть обосновано, оно вызывает в практическом своем осуществлении некоторые, довольно обоснованные сомнения. Необходимо иметь в виду, что до окончательной демобилизации действующей армии деревня почти совершенно лишена мужского населения в призывном возрасте, начиная с 18 лет. При таких условиях понижение возрастного ценза является ничем не объяснимой привилегией в пользу наиболее многочисленной и наименее сознательной возрастной группы женского населения деревни. Без всякого преувеличения можно сказать, что такая мера отдала бы судьбу уездных выборов в руки крестьянских девушек в возрасте от 18 до 22-х или 23-х лет.

Несмотря на всю вескость приведенных соображений, Совецание по выработке избирательного закона для Учредительного собрания признало необходимым понизить возрастной ценз до 20 лет; при этом оно имело в виду, что тот же возрастной ценз установлен для волостных и городских выборов постановлениями Временного правительства.

Наряду с возрастным цензом в будущем избирательном законе найдут себе место и цензы общегражданской дееспособности и нравственной неопороченности избирателей. По первому цензу от участия в выборах будут устранены лица, признанные в установленном законом порядке безумными, сумасшедшими и глухонемыми; по второму – лица, ограниченные в правах состояния по суду, а также осужденные по суду за позорящие преступления. Современное правосознание вообще не признает вечных правопоражений. Поэтому лишение нравственно опороченных лиц избирательного права по проекту Совецания является срочным: продолжительность такого лишения колеблется между 10 и 3 годами по отбытию наказания. Особым постановлением Совецание лишило избирательных прав дезертиров, т.е. военнослужащих, самовольно оставивших во время войны свои команды или места служения. Всеобщность избирательного права является одним из основных начал демократической избирательной системы. Наряду с этим началом огромное значение имеют начала равенства избирательного права, прямых выборов, закрытой подачи голосов.

Начала эти являются в такой мере общепризнанными, что в Совецании о выборах в Учредительное собрание никаких споров они вообще не вызывали.

Никто не сомневается в том, что в демократической системе избирательного права выборы должны быть прямыми. Система косвенных выборов ослабляет ту связь, какая должна существовать между избирателями с одной стороны и народными представителями с другой; между теми и другими она помещает безответственную коллегию выборщиков, исчезающую бесследно в момент окончания выборов. Предоставляя избирателю как таковому ничтожное влияние на результаты выборов, двухстепенная – и тем более многостепенная – система содействует развитию в обществе политического безразличия и, в частности, абсентеизму

(т.е. уклонению от участия в выборах) избирателей. По свидетельству немецкого ученого Георга Мейера, в Германии при системе прямых выборов участвует в выборах около 70 процентов избирателей, при системе косвенных – около 20 процентов.

В такой же мере общепризнанным и бесспорным является начало равенства избирательного права. Не может быть и речи о применении в России бельгийской системы, так называемого плюрального голосования, при которой у избирателя, в зависимости от его семейного и имущественного положения, а также от степени полученного им образования, имеется от одного до трех голосов. Вопрос о равенстве избирательного права находится, однако, в неразрывной и тесной связи с вопросом о равенстве избирательных округов: для того, чтобы избирательное право являлось равным, необходимо разделение страны на равные по численности населения избирательные округа. Образование таких округов встречает огромные, почти непреодолимые затруднения в крайне неудовлетворительном состоянии нашей статистики народонаселения; с другой стороны, от последовательного осуществления этого начала пришлось отступить на наших окраинах вследствие географических, бытовых и национальных особенностей их жизни. Во всяком случае, все, что в этом отношении может быть сделано, сделано законом о выборах в Учредительное собрание.

И, наконец, голосование на выборах в Учредительное собрание будет, разумеется, закрытым; избирательные записки, подаваемые в закрытых и непроницаемых конвертах, будут на глазах у избирателя опускаться в избирательную урну. Последовательному и точному применению начала закрытой подачи голосов до некоторой степени препятствует безграмотность значительной части крестьянского населения. Препятствие это имеет бытовой, а не юридический характер; законом о выборах в Учредительное собрание оно не может быть устранено.

II

Мажоритарные или пропорциональные выборы?

В эпоху первой российской революции (1905–1906 гг.) в широких демократических кругах господствовал тот взгляд, что избирательную систему для выборов как в Учредительное, так и в нормальное законодательное собрание необходимо построить на начале одноименных выборов: страна делится на определенное число избирательных округов, соответствующее числу депутатов в представительном собрании; каждый округ избирает одного депутата. На этом начале, между прочим, построена избирательная система во многих проектах, появившихся в то время: в заграничном проекте Основного закона Российской империи, впоследствии перепечатанном в газете «Право» и в сборнике «Конституционное государство» (1 изд.); в том же проекте, переработанном бюро земского объединения и напечатанном во 2-м издании названного сборника; в самостоятельном проекте В.В. Водозова, помещенном в сборнике «Правовое государство и народное голосование» (изд. Н. Глаголева 1906 г.).

В настоящее время в среде наиболее влиятельных политических партий становится преобладающей мысль о предпочтительности, по сравнению с одноименными выборами, выборов по спискам; страна должна быть разделена на сравнительно небольшое число крупных избирательных округов; каждым округом избирается определенное, пропорциональное числу жителей, число депутатов.

Существенные возражения против системы одноименных выборов сводятся к следующему.

Во-первых, эта система технически неосуществима. При современном состоянии статистики народонаселения невозможно деление страны на множество равных избирательных округов, избирающих каждый по одному депутату. Само собой разумеется, что данные переписи 1897 г. совершенно устарели; за это время население крупных промышленных центров значительно выросло за счет земледельческого населения. Учесть этот рост, хотя бы и приблизительно, статистическая наука не может. Поэтому система одноименных выборов оказывается одинаково неприемлемой для политических партий, представляющих интересы городской буржуазии, интеллигенции и рабочего пролетариата. Неудовлетворительное состояние статистики населения не может, разумеется, не отразиться и на организации выборов по спискам. Дело, однако, в том, что при этой системе «избирательной геометрии», т.е. выкраиванию новых округов, нет места. Округами являются губернии и крупные городские центры. Распределение между ними депутатских полномочий, если не в точном, то в приблизительном соответствии к числу их населения, более или менее возможно; во всяком случае, при таком распределении не приходится принимать во внимание движение населения между отдельными уездами одной и той же губернии.

Во-вторых, при системе одноименных выборов меньшинство вообще и, в частности, национальное меньшинство оказывается в пределах избирательного округа совершенно непредставленным. Опыт австрийской избирательной реформы 1907 г. доказывает, что выкраивание избирательных округов по национальному принципу неизбежно влечет за собою вопиющее неравенство избирательного права. Если же при образовании избирательных округов национальный состав населения не будет приниматься во внимание, то важнейшие интересы национальных групп окажутся недостаточно представленными в Учредительном собрании.

И, наконец, в-третьих, при системе единоличных выборов партийная организация избирательной кампании встречает затруднения, почти непреодолимые для некоторых, по крайней мере, политических партий. Число депутатов в Учредительном собрании будет весьма значительным – во всяком случае, более значительным, чем в нормальном законодательном собрании: соответственно будет значительным и число избирательных округов. Согласно проекту Совещания о выборах в Учредительное собрание, состав его определяется в 800 депутатов. Как известно, организация выборов на основе всеобщего избирательного права от политических партий требует большой и сложной подготовительной работы. Такая работа в особенности будет большой и сложной в России: всеобщее избирательное право применяется у нас впервые; дореволюционная курьяльная систе-

ма приучила население к кандидатурам от «местных колоколен»; общественное мнение дезорганизовано; политическая неосведомленность и малоопытность широких народных масс вне всякого спора, приемы избирательной борьбы – и при старом режиме, и в переходное революционное время – нередко стояли и стоят в противоречии с элементарными требованиями политической морали. Необходимо поэтому предвыборная агитация в широком масштабе. Необходим непрерывный и тщательный контроль над составлением избирательных списков. В состав избирательных комиссий должны быть включены представители от борющихся избирательных партий. Кандидатуры должны быть намечены партийными комитетами, и теми же комитетами должно быть обеспечено обжалование неправильных и незакономерных действий избирательных комиссий. Все это, разумеется, требует от политических партий огромных – и личных, и материальных – средств. В то время, как выборы по списку централизуют, одноименные выборы децентрализуют избирательную кампанию. У каждой влиятельной политической партии найдутся, конечно, в губернском центре достаточные кадры убежденных и опытных работников: в уезде такие кадры не всегда найдутся. При системе одноименных выборов руководящая роль нередко ускользает из рук партийных комитетов: во всяком случае, *центральные* партийные комитеты при этой системе руководить выборами не могут.

Таковы те соображения, которые заставили Совецание о выборах в Учредительное собрание категорически высказаться в пользу системы выборов по спискам. Высказавшись в этом смысле, оно должно было подойти к разрешению другого вопроса: на какой основе – мажоритарной или пропорциональной – должны быть организованы эти выборы?

Одноименные выборы являются всегда и необходимо мажоритарными, то есть выборами по большинству голосов. Напротив, выборы по спискам могут быть как мажоритарными, так и пропорциональными; в первом случае побеждает список, собравший большинство голосов; во втором общее число депутатских полномочий распределяется между списками пропорционально числу полученных каждым из них голосов.

Если, например, в избирательном округе, посылающем трех депутатов, конкурирует два кандидатских списка, причем за первый подается 2000 голосов, а за второй – 1000, то при мажоритарных выборах три депутата будут избраны по первому списку, при пропорциональных два депутата – по первому и один – по второму.

И с теоретической, и с практической точки зрения представляется бесспорным, что выборы по спискам должны быть пропорциональными.

Сущности мажоритарной системы соответствуют одноименные выборы. При делении страны на множество сравнительно мелких избирательных округов, избирающих по одному представителю, политическое меньшинство, побежденное в одном округе, имеет все шансы победить в другом. В теоретические схемы действительность вносит свои поправки, и каждое сколько-нибудь значительное течение политической мысли, по общему правилу, представлено в парламенте. Напротив, при выборах по списку в избирательном округе, посылающем несколь-

ко депутатов, непредставленное меньшинство легко может оказаться весьма значительным: если число избирателей в округе = a , то $\frac{a}{2} + 1$ избирателей посылает всех депутатов, $\frac{a}{2} - 1$ не посылает ни одного.

При выборах по спискам число избирательных округов сравнительно невелико: оно тем меньше, чем больше число депутатов, избираемых округом. Достаточно в нескольких избирательных округах одной партии одержать над другою победу незначительным большинством голосов, и партия очень значительного меньшинства (или далее большинства) окажется вовсе или почти не представленной в парламенте.

В Бельгии выборы по спискам при мажоритарной системе приобрели заслуженную репутацию «выборов на уничтожение» (*scrutin d'écrasement*). В 1895 г. благодаря выборам по спискам клерикалы получили 72 полномочия, антиклерикалы только 5, тогда как пропорционально числу поданных голосов первые должны получить 47, вторые 28 полномочий.

Признавая необходимость выборов по спискам, Совецание о выборах в Учредительное собрание, логически рассуждая, не могло не прийти к признанию необходимости пропорциональной системы. В защиту этой системы ее сторонниками в Совецании приводились следующие аргументы.

То, что, по общему правилу, признается существенным недостатком пропорциональной системы, а именно, чрезмерное влияние партийных комитетов на результаты выборов в условиях русской действительности может, по их мнению, оказаться ее ценным преимуществом: на том уровне политического развития, на котором находятся в России широкие народные массы, партийная организация всеобщих выборов является необходимым условием их технической осуществимости.

С другой стороны, только на основе пропорциональных выборов возможно соответственное представительство многочисленных и разнообразных национальных групп, входящих в состав русского народа. О том, что эти группы должны быть соответственно представлены в Учредительном собрании, казалось бы, двух мнений не может быть.

Пропорциональные выборы устраняют необходимость – нередко противостественных – предвыборных соглашений и блоков, приносящих в жертву тактическим соображениям принципиальные разногласия политических программ. Каждая партия выступает под своим флагом, развивает свое политическое мировоззрение. Борьба сосредоточивается на идеях, а не на лицах, избирательная кампания становится школой политического воспитания народа.

И, наконец, пропорциональная система смягчает ожесточенность предвыборной борьбы. Конкурирующие партии не стоят пред дилеммой: все или ничего, либо полная победа, либо окончательное поражение. Каждая может рассчитывать на частичный успех; для того, чтобы прийти к этому успеху, уничтожение противника не является необходимым. Тот, кто знаком с политическими нравами классовой и политической борьбы, должен признать, что указанное обстоятельство является немалым преимуществом пропорциональной системы.

Высказавшись по вышеизложенным соображениям в пользу пропорцио-

нальной системы¹, Совещание о выборах в Учредительное собрание должно было остановить свой выбор на одной из весьма многочисленных разновидностей этой системы, известных положительному праву современных западноевропейских государств. Разновидности эти могут быть сведены к двум типам – к системе связанных и свободных списков.

При системе связанных списков избиратель голосует за определенный кандидатский список, заявленный группой избирателей. Не только имена кандидатов, но и самый порядок, в котором они напечатаны в списке, является для него обязательным. Ничего в списке изменить он не может; другими словами, он голосует за список, имеющий в большинстве случаев партийный характер, а не за определенных кандидатов, лично ему известных или рекомендованных ему партией. Подавая свой голос, избиратель отвечает на вопрос: к какой группе он принадлежит? И не отвечает на вопрос: кого именно он желает иметь своим представителем? Последний вопрос решается группой заявителей, т.е. в большинстве случаев партийным комитетом, немногочисленной группой безответственных лиц, действующих иногда под влиянием узкопартийных или даже этически и политически небезукоризненных соображений.

Гораздо сложнее система свободных списков. При этой системе политическому самоопределению избирателя предоставляется широкий простор. Он может не только в пределах определенного кандидатского списка отдать предпочтение одному кандидату перед другим, как например, в Бельгии, но даже составить свой список из кандидатов, включенных в различные партийные списки, как например, в Вюртемберге. Основной недостаток этой системы – ее сложность. В избирателе она предполагает такую степень политической сознательности, а в избирательных комитетах такую степень технической опытности, что о ее применении в России пока еще не может быть речи.

Совещание о выборах в Учредительное собрание остановилось поэтому на системе связанных списков. Можно с уверенностью сказать, что именно по этой системе будут произведены выборы в Учредительное собрание.

На практике система связанных списков применяется в Сербии по конституции 1888 года. Ее сущность заключается в следующем. Определенная группа избирателей предлагает список намечаемых ею кандидатов *в порядке убывающей их желательности*. Как уже указано выше, избиратель голосует не за тех или иных кандидатов, а за тот или иной список: никаких изменений в составе этого списка он произвести не может. Депутатские полномочия распределяются между списками пропорционально числу голосов, полученных каждым из них: если на определенный список приходится, например, три депутатских полномочия, то избранными считаются три первых кандидата, намеченных списком.

Для распределения депутатских полномочий между кандидатскими списками пропорционально числу полученных каждым из них голосов практикуются разные приемы. Познакомимся сначала с простейшим приемом.

Общее число избирателей, принявших участие в выборах, делится на чис-

¹ Автор в Совещании о выборах в Учредительное собрание выступил противником пропорциональной системы. В настоящее время, когда вопрос окончательно решен, он считает дальнейшую против нее полемику не только бесцельной, но и политически вредной (прим. В. Гессена).

ло депутатских полномочий, предоставленных избирательному округу. Частное, называемое избирательным метром или избирательным знаменателем, означает группу избирателей, на которую причитается одно полномочие. Затем число голосов, полученных каждым из кандидатских списков, делится на избирательный метр: частное означает число депутатов от каждого списка. Приведем пример. Конкурируют три списка: за список А подано 15 000 голосов, за список В – 10 000, за список С – 5000. Округ избирает 6 депутатов. Общее число голосующих – 30 000. Избирательный метр $= \frac{30000}{6} = 5000$ голосов. По списку А избрано $= \frac{15000}{5000} = 3$ депутата; по списку В $= \frac{10000}{5000} = 2$ депутата; по списку С $= \frac{5000}{5000} =$ один депутат.

В некоторых избирательных законах и, в частности, в постановлении Временного правительства от 15 апреля [1917 г.] о городских выборах прием этот формулируется несколько иначе.

Предположим, что М – число всех голосовавших избирателей, N – число избирателей, голосовавших за данный список, t – число депутатских полномочий от округа. Как уже указано выше, избирательный метр $= \frac{M}{t}$, число депутатов от списка $= N: \frac{M}{t}$. Для того, чтобы поделить целое число на дробь, необходимо целое число помножить на знаменатель дроби и поделить на его числитель:

$$N: \frac{M}{t} = \frac{Nt}{M}.$$

Другими словами, число полномочий от списка определяется следующим образом: число голосов, полученных списком (N), умножается на число депутатских полномочий от округа (t) и делится на общее число поданных в округе голосов (M). Основной недостаток изложенного приема заключается в том, что при нем почти неизбежен недовыбор требуемого числа депутатов: по каждому списку при делении получается непредставленный остаток; сумма остатков по всем спискам может не только равняться избирательному метру, но и вдвое или даже – при многих списках – втрое его превышать. В таких случаях недоизбранное число депутатов приходится распределить между списками сообразно величине их непредставленных остатков, а это, в свою очередь, приводит к нарушению – иногда весьма резкому – начала пропорциональности.

В округе конкурирует 3 списка; подлежат избранию 3 депутата; подано голосов 30 000; избирательный метр = 10 000. За список А подано 15 тысяч голосов; избран 1 депутат; остаток 5 тысяч. За список В подано 9 тысяч; ни одного депутата; остаток 9 тысяч. За список С подано 6 тысяч; ни одного депутата; остаток 6 тысяч. Вместо трех избран 1 депутат; если оставшиеся два депутатских полномочия мы распределим между списками сообразно величине их непредставленных остатков, они придутся на долю списков В и С. Таким образом, каждый список получит по одному депутатскому полномочию, несмотря на то, что за список А подано 15 тысяч голосов, а за список С всего 6000.

Ввиду общепризнанного технического несовершенства рассмотренного способа на практике в большинстве законодательств – например, в бельгийском, вюртембергском и финляндском – применяется другой способ, называемый, по имени его изобретателя, способом д'Ондта.

Число голосов, полученных каждым списком, делится на ряд натуральных чисел: 1, 2, 3, 4...; полученные частные располагаются в порядке их убывающей

величины; наибольшее частное, стоящее на месте, соответствующем числу депутатских полномочий (при пяти депутатах на пятом месте), является избирательным метром. При таком способе определения избирательного метра недовыбора не может быть.

Поясним сказанное примером. Округ избирает 5 депутатов; конкурирует 3 списка; за первый подано 6235 голосов, за второй – 10 270, за третий – 3970; всего подано голосов 20 475.

Для определения избирательного метра по способу д'Ондта, производим ряд делений.

	Список № 1	Список № 2	Список № 3
: 1	6235 (II)	10270 (I)	3970 (IV)
: 2	3117	5135 (III)	1935
: 3	2078	3423 (V)	1325

Распределяем полученные частные в порядке их убывающей величины: 10 270, 6235, 5135, 3970, 3423... Избирательным метром является наибольшее частное, стоящее на пятом месте – 3423. От первого списка – 1 депутат $\left(\frac{6235}{3423}\right)$, от второго – три $\left(\frac{10270}{3423}\right)$, от третьего – один $\left(\frac{3970}{3423}\right)$.

Именно этот способ, т.е. способ д'Ондта, установлен для определения избирательного метра Совецанием о выборах в Учредительное собрание.

Каким бы способом ни определять избирательный метр, всегда и необходимо по всем или по большинству кандидатских списков получают непредставленные остатки. В нашем примере такие остатки имеются по первому и третьему спискам. По образцу вюртембергского и финляндского законодательства Совецание о выборах в Учредительное собрание разрешает так называемое *соединение списков*, цель которого заключается в том, чтобы, по возможности, использовать непредставленные остатки голосов, не достигающие величины избирательного метра, или, другими словами, усилить шансы соединившихся списков в избирательной борьбе.

Соединение списков, заранее объявляемое группами, заявившими эти списки во всеобщее сведение, обнаруживает свое действие только в момент производства подсчета и распределения между списками депутатских полномочий. На выборах каждый список выступает самостоятельно; избиратель подает свой голос за определенный список, совершенно не считаясь с соединением списков, но в момент производства подсчета голосов и распределения полномочий соединенные списки рассматриваются в отношении к другим как один список; в отношении друг к другу они сохраняют свою полную самостоятельность. Сначала распределяются депутатские полномочия между «соединением списков», как одним списком, и другими списками; затем депутатские полномочия, полученные соединением, распределяются в таком же порядке между отдельными списками, входящими в его состав.

Приведем пример.

Округ избирает 6 депутатов; заявлено 5 списков.

Список № 1 собирает 51 000 голосов.

" № 2 " 17 000 голосов.

" № 3 " 88 000 голосов.

" № 4 " 21 000 голосов.

" № 5 " 9000 голосов.

Определяем избирательный метр по способу д'Ондта:

: 1 = 51 000 (II) 17 000 88 000(I) 21 000 9000

: 2 = 25 500 (V) 8500 44 000 (III) 10 500 4500

: 3 = 17 000 5666 29 333 (IV) 7000 3000

: 4 = 12 750 4250 22 000 (VI) 5250 2250

Избирательный метр, т.е. наибольшее частное, стоящее на шестом месте, = 22 000. По списку № 1 избраны два депутата; по списку № 3 – четыре; остальные остаются непредставленными.

Предположим, что состоялось соединение списков под №№ 1, 2 и 4. Распределение депутатских полномочий производится сначала между тремя списками: соединением списков, как одним списком, и двумя другими, первым и пятым. Соединение списков собирает 89 000 голосов (51 000 + 17 000 + 21 000).

Определяем избирательный метр по способу д'Ондта:

: 1 = 89 000 (I) 88 000(II) 9000

: 2 = 44 500 (III) 44 000 (IV) 4500

: 3 = 29 666 (V) 29 333 (VI) 3000

: 4 = 22 250 22 000 (VI) 2250

Избирательный метр = 29 333. Соединение списков получает 3 полномочия и столько же список № 3. Как уже указано выше, в состав соединения списков входит: список № 1, собравший 51 000 голосов, список № 2, собравший 17 000 голосов, и список № 4, собравший 21 000 голосов. Между этими списками необходимо распределить три депутатских полномочия, полученных соединением списков.

Определяем избирательный метр по способу д'Ондта:

: 1 = 51 000 (I) 17 000 21 000 (III)

: 2 = 25 500 (II) 8500 10 500

Избирательным метром, т.е. наибольшим частным, стоящим на третьем месте, является 21 000. Список № 1 получает по-прежнему два депутатских полномочия; список № 4 приобретает депутатское полномочие, которого, благодаря соединению списков, лишился список № 3.

III

Время и место созыва Учредительного собрания

13 июня [1917 г.] Временное правительство поставило Совещанию о выборах в Учредительное собрание вопрос: к какому сроку возможен по техническим соображениям созыв Учредительного собрания?

Как известно, в организации выборов и руководстве ими огромную роль играют органы местного, волостного, городского и земского, уездного и губернского самоуправления. Избирательные списки составляются волостными и городскими управами. В участковых избирательных комиссиях, в уездных и губернских комиссиях принимают участие члены по назначению соответственных волостных, городских и земских управ.

В настоящее время организованного самоуправления на местах не существует; вместо него действуют революционные учреждения, возникшие по захватному праву, бесконечно разнообразные и пестрые по своему составу.

Вопрос о времени созыва Учредительного собрания находится в зависимости от другого вопроса: возможно ли этим организациям, случайным и далеко не повсеместным, имеющим сегодня один, а завтра другой состав, доверить организацию выборов и руководство ими?

На этот вопрос Совещание о выборах в Учредительное собрание дало отрицательный ответ: для того, чтобы выборы протекали в нормальных условиях, для того, чтобы не было злоупотреблений и партийных пристрастий, для того, чтобы Учредительное собрание явилось подлинным выражением народной воли и пользовалось общепризнанным авторитетом, необходимо руководящую роль на выборах предоставить новому истинно-демократическому самоуправлению, избранному на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

По отзыву министерства внутренних дел, сообщенному Совещанию о выборах в Учредительное собрание, такое самоуправление может окончательно и повсеместно сформироваться не ранее 1 сентября. Принимая во внимание, что избирательная процедура, обставленная известными гарантантами, обеспечивающими добросовестность и правильность выборов, должна занять в лучшем случае, при самом скупом исчислении сроков, не менее двух месяцев, Совещание пришло к тому заключению, что выборы в Учредительное собрание не могут состояться ранее 1 ноября.

В своем постановлении от 14 июня Временное правительство в одном отношении соглашается с Совещанием: составление избирательных списков оно поручает органам волостного и городского самоуправления, избранным на основе строго демократического избирательного права. Вместе с тем, однако, выборы в Учредительное собрание оно назначает на 17 сентября и созыв его на 30 сентября текущего года.

Решение Временного правительства могло бы быть осуществлено лишь в том случае, если бы ему удалось настолько ускорить организацию местного самоуправления, чтобы к 15 июля оно уже вступило в жизнь. В противном случае

пришлось бы урезать и сократить избирательную процедуру, т.е. лишить ее тех правовых гарантий, без которых о правильности выборов не может быть речи. Как бы ни было желательно и необходимо ускорение созыва Учредительного собрания, надо твердо помнить, что при отсутствии твердых правовых гарантий, все, что будет выиграно ускорением его созыва, будет утрачено умалением его авторитетности и силы.

Переходим к вопросу о месте созыва Учредительного собрания.

Согласно декларации Временного правительства в обновленном его составе Учредительное собрание будет создано в Петрограде. По существу, однако, вопрос о месте созыва Учредительного собрания отнюдь не является бесспорным. Во всяком случае, весьма мало убедительны те соображения, которые на собраниях и в печати приводились и приводятся в пользу Петрограда. Нельзя же, в самом деле, при решении рассматриваемого вопроса серьезно ссылаться на революционную роль Петрограда: именно потому, что революция произошла в Петрограде, здесь должно быть создано Учредительное собрание. Как будто Учредительное собрание – награда за революционный подвиг.

Весьма характерен другой аргумент: ссылка на революционное настроение Петроградского гарнизона и пролетариата. Пусть только Учредительное собрание посмеет уклониться в ту или другую сторону от верного революционного пути, – рабочие и солдаты Петрограда заставят его на этот путь вернуться. Нет, разумеется, никакой необходимости доказывать, что подобный аргумент является откровенным до цинизма выражением тех революционно-олигархических тенденций, которые, к несчастью, неизбежно сопутствуют революционным потрясениям народной жизни.

По существу, значение подобного аргумента ничтожно. К Учредительному собранию Россия придет после долгих и тяжелых блужданий по песчаной и безводной пустыне анархии. Она придет к нему, измученная и обессиленная, растерявшая по пути значительную часть революционных иллюзий. Она придет к нему, охваченная стремлением к порядку и жаждою власти. При таких условиях Учредительное собрание окажется в такой мере авторитетным и могущественным, что о каком бы то ни было противодействии его воле не может быть речи.

Поскольку, однако, в приведенном аргументе имеется крупница истины, – она говорит не в пользу, а против созыва Учредительного собрания в Петрограде. Нельзя отрицать, что настроение бунтарского анархизма является по преимуществу петроградским настроением; попытки, ничтожные и бессильные, «красногвардейских» выступлений против Учредительного собрания возможны в Петрограде, чем в Москве.

Серьезного внимания заслуживают два аргумента: один в пользу Петрограда, другой в пользу Москвы.

Нельзя отрицать, что созыв Учредительного собрания в Москве представляет серьезные технические неудобства. Собрание будет заседать неопределенно-продолжительное время. Участие Временного правительства в его трудах совершенно необходимо. Между тем все министерства и вообще центральные учреждения находятся в Петрограде; перевод их на время Учредительного собрания в

Москву технически неосуществим.

Технические неудобства, о которых идет речь, являются серьезными, но решающего значения они все-таки не имеют. Не следует забывать, что в критическую эпоху, переживаемую Россией, министры играют не столько технически-административную, сколько общеполитическую роль. Текущие дела их ведомств решаются не ими. Не будет особенной беды, если министерства останутся в Петрограде, а министры переедут на время в Москву, тем более что к услугам последних не только железная дорога и телеграф, но и телефон.

С другой стороны, в пользу Москвы как места созыва Учредительного собрания решительным образом говорит не только ее географическое положение, но и та органическая ее связь с провинцией, которой не хватает Петрограду. Провинция ненавидела царский Петроград; она не любит революционного Петрограда и не верит ему. Учредительное собрание, созданное в Москве, будет, во всяком случае, более национальным и поэтому более авторитетным для всей России.

Есть один способ – объективно наиболее правильный – решения интересующего нас вопроса: мы имеем в виду так называемый *referendum*, т.е. народное голосование. Определение народным голосованием места созыва Учредительного собрания технически никаких затруднений не представляет. По существу, вопрос этот элементарен и прост, не требует предварительной агитации и пропаганды. Для того, чтобы народ разобрался в серьезной и сложной законодательной реформе, необходимо ее предварительное обсуждение законодательным собранием. На вопрос: в Москве или Петрограде собраться Учредительному собранию? – избиратель сумеет ответить без всякой предварительной подготовки.

Как известно, *referendum* по учредительным и некоторым законодательным вопросам применяется не только в Швейцарии, но и в штатах Северо-Американской федерации. В последних *referendum* совпадает по общему правилу с выборами; он даже называется «election»¹. Подавая избирательный бюллетень, избиратель отмечает на нем свое «да» или «нет» по вопросу, поставленному на его решение. По словам Боржо, до последнего времени весьма многие американцы не подозревали, что как избиратели они осуществляют учредительную власть в форме референдума или плебисцита; и они были очень удивлены, когда это разъяснил им Брайс.

И при выборах в Учредительное собрание было бы легко и просто в избирательный бюллетень внести хотя бы следующий текст:

Учредительное собрание созывается:

В Москве.

В Петрограде.

Вычеркнув «Москву» или «Петроград», избиратель вполне определенным образом выразил бы свою волю.

Применение референдума к вопросу о месте созыва Учредительного собрания явилось бы политическим опытом, интересным и поучительным во многих

¹ Выборы (англ.).

отношениях. Если бы этот опыт оказался технически удавшимся, следовало бы настаивать на утверждении всенародным голосованием основного закона, установленного Учредительным собранием.

Против предлагаемого мною плана можно привести лишь одно возражение: необходимо заблаговременно отыскать и оборудовать здание для Учредительного собрания. Но ведь нового здания для него строить не предполагается, а приспособить одно из существующих в Петрограде или в Москве возможно и в тот срок, который необходимо протечет между концом выборов и открытием занятий Учредительного собрания. Во всяком случае, важнее созвать Учредительное собрание в удобном месте, чем в удобном помещении.

IV

Дело Учредительного собрания

Учредительное собрание как нормальный орган пересмотра основных законов известно государственному праву многих государств.

Так, прежде всего, в отдельных штатах Северо-Американской федеративной республики пересмотр конституции совершается по общему правилу Учредительным собранием, так называемым конвентом, решения которого затем утверждаются народным голосованием. На Балканском полуострове – в Греции, Болгарии и Сербии – для пересмотра конституции созывается Учредительное собрание (Великое народное собрание в Болгарии, Большая скупщина в Сербии), отличающееся удвоенным числом депутатов от нормального законодательного собрания. Во многих государствах – например, в Дании, Нидерландах, Бельгии, Румынии и др. – парламент, признавший необходимость пересмотра конституции, подлежит роспуску; избирается новая легислатура, осуществляющая пересмотр. Формально такая легислатура, избранная специально для пересмотра конституции, ничем не отличается от Учредительного собрания. Наконец, в некоторых государствах, например, в Англии и Италии, законодательство которых не предусматривает порядка издания конституционных законов, на практике применяется переизбрание парламента для того, чтобы дать избирателям возможность при осуществлении ими избирательного права выразить более или менее определенным образом свое отношение к поставленной на очередь конституционной проблеме.

Учредительное собрание, пересматривающее конституцию *в порядке, ею же установленном*, существенно отличается, однако, от того Учредительного собрания, которому предстоит установить основы политического и социального бытия будущей России. Действующее право современных государств, поручая пересмотр конституции Учредительному собранию, категорически определяет как объем его полномочий, так точно и пределы его власти. Основанная на конституции учредительная власть, подобно законодательной и правительственной, является *учрежденною* властью, т.е. властью, регламентированной, ограниченной и связанной конституционным законом. В частности, о *полновластии* такого Учредительного собрания не может быть речи.

Излагая «американскую систему» учредительной власти, Боржо останавливается подробно на вопросе о полномочиях учредительных конвентов в отдельных штатах Северо-Американской федерации. В течение первой эпохи американского конституционализма господствующая в Америке теория признает полномостный («самодержавный») характер учредительных конвентов. Несостоятельность этой теории является в настоящее время общепризнанной. Учредительное собрание в Соединенных Штатах осуществляет свои полномочия в пределах полученного им мандата. Легислатура – нормальное представительство народа; конвент – специальная комиссия делегатов. В тех случаях, когда на конвент возлагается в общих выражениях поручение пересмотреть конституцию, он может установить и предложить на народное голосование любой конституционный проект. В тех случаях, когда ему поручается пересмотреть определенное постановление конституции, он является абсолютно связанным тем актом легислатуры, которым на него возлагается поручение. Никакого другого вопроса, кроме порученного ему легислатурой, он касаться не может.

И точно так же в Европе Учредительное собрание нигде не является полномостным. Его полномочия ограничены парламентским актом, признавшим необходимость пересмотра конституции; за пределы того поручения, которое возложено на него этим актом, Учредительное собрание переступить не может.

В совершенно ином положении находится Учредительное собрание, исторически призванное к ликвидации великой революции, переживаемой Россией. И не только потому, что задача, решение которой выпадает на его долю, является исключительно огромной и всеобъемлющей, но и потому, что нет и не может быть той власти, которая имела бы право ввести эту задачу в определенные границы, связать его деятельность определенными, наперед установленными нормами. Учредительное собрание революционной России необходимо будет учредительной (а не учрежденной) властью, неограниченно полномостным органом народной воли. В этом своем значении оно примыкает к длинной серии революционных Учредительных собраний, отличающихся не столько по форме, сколько по существу от Учредительных собраний, учрежденных действующим конституционным правом современных государств.

В неограниченной полномостности Учредительного собрания таится великая опасность для будущей демократической России. Всякая неограниченная власть – деспотическая власть. История Французской революции неопровержимо свидетельствует о том, что при известных условиях деспотизм демократических представительных собраний является в такой же мере нестерпимо тираническим, как деспотизм одного лица или немногих.

С другой стороны, Учредительное собрание не суверенный народ, а орган суверенного народа. Его неограниченность стоит в непримиримом противоречии с идеей народного суверенитета: если орган обладает неограниченной властью, о суверенитете народа не может быть речи.

Для того, чтобы в народном признании найти необходимую опору для своей власти, Учредительное собрание должно ее ввести в определенные правовые границы. Учредительное собрание не может быть ограничено никем; поэтому оно

само должно себя ограничить. Самоограничение должно быть осуществлено им в двояком направлении: во-первых, в разделении властей законодательной, исполнительной и судебной и, во-вторых, в точнейшем определении объема и содержания своего учредительного законодательства.

С момента созыва Учредительного собрания прекращаются полномочия Временного правительства: наряду с Учредительным собранием не может быть места таким суррогатам государственной власти, как Советы крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Первейшей задачей Учредительного собрания является поэтому организация исполнительной власти. Если оно пожелает по примеру французского конвента сосредоточить эту власть в своих руках или, другими словами, осуществлять ее через посредство своих комитетов, оно установит в России режим революционного деспотизма – самый опасный из всех политических режимов. Для того, чтобы исполнительная власть была правомерною властью, необходимо поручение этой власти самостоятельному органу, осуществляющему ее через посредство министров, политически ответственных перед Учредительным собранием. Избрание временного главы государства, блюстителя исполнительной власти, должно быть первым актом Учредительного собрания; следующим актом должно быть утверждение независимости суда и несменяемости судей.

Точнейшее определение объема и содержания учредительного законодательства является второй задачей Учредительного собрания. Наивно-нетерпеливая политическая мысль от Учредительного собрания ждет и требует решения всех политических и социальных вопросов, главных и второстепенных, общих и специальных; ждет и требует коренного и всеобъемлющего, законченного преобразования политического и социального уклада России. На этом пути неизбежны разочарования; в одно историческое мгновение нельзя вместить предстоящую многим и многим поколениям созидательную работу.

Четыре проблемы повелительно станут перед Учредительным собранием: демократическая конституция, местное устройство России, земельная реформа, реформа рабочего законодательства.

Наряду с этими основными проблемами Учредительному собранию нельзя будет не заняться вопросами о войне и мире, о финансовой системе, о возрождении подорванного войною и внутренней разрухой народного хозяйства.

Признание права национального самоопределения, раскрепощение национального духа уже осуществлено Временным правительством. Дело его будет санкционировано Учредительным собранием. С вопросом о переустройстве России на началах национальной автономии Учредительное собрание встретится при рассмотрении вопроса о местном переустройстве России вообще. Вопросы самоуправления и автономии или федеративного устройства России, во всяком случае, потребуют от Учредительного собрания много времени и труда.

Текущая законодательная работа, по общему правилу, не может быть делом Учредительного собрания; указной власти ответственного перед ним правительства должна быть предоставлена широкая свобода.

Приступая к работе, Учредительное собрание должно будет создать совокуп-

ность условий, обеспечивающих ее быстроту и успешность. Оно должно будет издать Наказ, определяющий внутренний распорядок его занятий; создать национальную гвардию, стоящую на страже завоеванной народом свободы, охраняющую Учредительное собрание, свободу его суждений и решений от всякого посягательства извне.

Чем скорее закончит свое дело Учредительное собрание, тем лучше для России. Последний день Учредительного собрания, благополучно совершившего свой подвиг, будет первым днем исторического бытия обновленной – демократической и свободной – России.

*Публикуется по изданию:
Гессен В.М. Русское Учредительное
собрание и выборы в него.
Пг., 1917. С. 3–23.*

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

РАБОТЫ 1917–1919 гг.

ДОКЛАД О ПРАВЕ ОТЗЫВА НА ЗАСЕДАНИИ ВЦИК 21 НОЯБРЯ (4 ДЕКАБРЯ) 1917 г.¹

Вопрос о перевыборах – это вопрос действительного осуществления демократического начала. Во всех передовых странах принято и введено, что только выборные могут говорить государственным законодательным языком. Но, давая право призывать для ведения государственной машины, буржуазия умышленно не дала права отзыва – права действительного контроля.

Однако во все исторические революционные времена, через все изменения конституций красной нитью проходит разрешение права отзыва.

Демократическое представительство существует и признано везде, где есть парламентский строй, но это право представительства ограничено тем, что народ имеет право раз в два года голосовать, но часто оказывается, что его голосами прошли те, кто помогает его же подавлять, а демократического права сместить, принять действенные меры пресечения – народ не имеет.

В странах же, где уцелели старые демократические традиции, как, например, в некоторых кантонах Швейцарии и некоторых штатах Америки, – уцелело и демократическое право отзыва².

Всякий крупный переворот ставит перед народом ясно не только использование существующих, но и создание новых соответствующих законоположений. Поэтому накануне созыва Учредительного собрания необходимо пересмотреть новые выборные положения.

Советы созданы самими трудящимися, их революционной энергией и творчеством, и только в этом лежит залог того, что они работают всецело на осуществление интересов масс. В Совет каждый крестьянин, посылая представителей, может и отозвать их, и в этом истинный народный смысл Советов.

У нас разные партии сменяли друг друга у власти; последний раз переход власти от одной партии к другой сопровождался переворотом, довольно бурным переворотом, тогда как при существовании права отзыва достаточно было бы про-

¹ Впервые опубликовано в газетах «Правда» № 196. 5 декабря (22 ноября) 1917 г. и «Солдатская правда» № 87. 24 ноября 1917 г.

² В газетном отчете, напечатанном в «Правде» № 196 от 5 декабря (22 ноября) 1917 г., этот абзац изложен в следующей редакции: «В странах же, где уцелели старые традиции революционного времени, когда они образовались, – как, например, в некоторых кантонах Швейцарии и некоторых штатах Америки, – уцелело и демократическое право отзыва» (прим. изд. 1974 г.).

стого голосования. Мы говорим – свобода. То, что раньше называлось свободой, это было свободой буржуазии надувать при помощи своих миллионов, свободой использования своих сил при помощи этого надувательства. С буржуазией и с такой свободой мы окончательно порвали. Государство, это – учреждение для принуждений. Раньше это было насилие над всем народом кучки толстосумов. Мы же хотим превратить государство в учреждение для принуждения творить волю народа. Мы хотим организовать насилие во имя интересов трудящихся.

Непредоставление права отзыва из Учредительного собрания – это невыявление революционной воли народа и узурпация прав народа. Мы имеем пропорциональные выборы, действительно наиболее демократические. Введение при них права отзыва несколько трудно, но трудности здесь чисто технические и весьма легко преодолимые. Противоречия между пропорциональными выборами и правом отзыва, во всяком случае, нет.

Народ голосует не за лиц, а за партию. Партийность в России весьма велика, и перед народом партия имеет определенное политическое лицо. Поэтому всякий раскол в партии должен внести хаос, если не предусмотрено право отзыва. Большим влиянием пользовалась Партия социалистов-революционеров. Но после представления списков произошел раскол. Изменить списки нельзя, отсрочить Учредительное собрание – также.

И народ фактически голосовал за партию, которая уже не существовала. Это доказал левый второй крестьянский съезд. Крестьянство оказалось обмануто не личностями, а партийным расколом. Такое положение требует коррективы. Нужно осуществление прямого последовательного и немедленного демократического начала – введение права отзыва.

Бояться нужно, что мы останемся перед неправильными выборами. Введение же права перевыборов при наличии высокой сознательности масс, о чем свидетельствует сравнение хода революции 1905 и 1917 гг., – не страшно. Народу говорили, что Совет – правомочный орган, – он верил и осуществил это. Нужно продолжить линию демократизации и сделать существующим право отзыва. Право отзыва должно быть предоставлено Советам как наиболее совершенным носителям идеи государственности, принуждения. И тогда переход власти от одной партии к другой может происходить мирным путем, путем простого перевыбора.

*Публикуется по изданию:
Ленин В.И. Полное собрание сочинений, 5-е изд.
Т. 35. М., 1974. С. 109–111.*

ТЕЗИСЫ ОБ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ¹

1. Требование созыва Учредительного собрания входило вполне законно в программу революционной социал-демократии, так как в буржуазной республи-

¹ Написано 11 или 12 (24 или 25) декабря 1917 г. Напечатано 26 (13) декабря 1917 г. в газете «Правда» № 213.

ке Учредительное собрание является высшей формой демократизма и так как империалистская республика с Керенским во главе, создавая Предпарламент, готовила подделку выборов с рядом нарушений демократизма.

2. Выставляя требование созыва Учредительного собрания, революционная социал-демократия с самого начала революции 1917 года неоднократно подчеркивала, что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием.

3. Для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата республика Советов (рабочих, солдатских и крестьянских депутатов) является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с обычной буржуазной республикой при Учредительном собрании как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму.

4. Созыв Учредительного собрания в нашей революции по спискам, предъявленным в половине октября 1917 года, происходит при таких условиях, которые исключают возможность правильного выражения воли народа вообще и трудящихся масс в особенности выборами в это Учредительное собрание.

5. Во-первых, пропорциональная система выборов дает истинное выражение воли народа лишь тогда, когда партийные списки соответствуют реальному разделению народа действительно на те партийные группировки, которые отразились в этих списках. У нас же, как известно, партия, имевшая с мая по октябрь больше всего сторонников в народе и особенно в крестьянстве, Партия социалистов-революционеров, дала единые списки в Учредительное собрание в половине октября 1917 года, но раскололась в ноябре 1917 года, после выборов в Учредительное собрание, до его созыва.

В силу этого, даже формального, соответствия между волей избирателей в их массе и составом избранных в Учредительное собрание нет и не может быть.

6. Во-вторых, еще более важным, не формальным, не юридическим, а общественно-экономическим, классовым источником несоответствия между волей народа и особенно трудящихся классов, с одной стороны, и составом Учредительного собрания, с другой, является то обстоятельство, что выборы в Учредительное собрание произошли тогда, когда подавляющее большинство народа не могло еще знать всего объема и значения октябрьской, советской, пролетарски-крестьянской революции, начавшейся 25 октября 1917 года, т.е. после представления списков кандидатов в Учредительное собрание.

7. Октябрьская революция, завоевывая власть для Советов, вырывая политическое господство из рук буржуазии и передавая его в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, на наших глазах переживает последовательные этапы своего развития.

8. Она началась с победы 24–25 октября в столице, когда II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, этого авангарда пролетариев и наиболее политически действенной части крестьянства, дал преобладание партии большевиков и поставил ее у власти.

9. Революция охватывала затем в течение ноября и декабря всю массу ар-

мии и крестьянства, выражаясь прежде всего в смещении и в перевыборах старых верхушечных организаций (армейские комитеты, губернские крестьянские комитеты, ЦИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов и т.д.), которые выражали пережитую, соглашательскую, полосу революции, ее буржуазный, а не пролетарский этап и которые неизбежно должны были поэтому сойти со сцены под напором более глубоких и более широких народных масс.

10. Это могучее движение эксплуатируемых масс к пересозданию руководящих органов своих организаций не закончилось еще и сейчас, в половине декабря 1917 года, и незаконченный железнодорожный съезд является одним из его этапов.

11. Группировка классовых сил России в их классовой борьбе складывается, следовательно, на деле, в ноябре и декабре 1917 года принципиально иная, чем та, которая могла найти свое выражение в партийных списках кандидатов в Учредительное собрание половины октября 1917 года.

12. Последние события на Украине (отчасти также в Финляндии и в Белоруссии, а равно на Кавказе) указывают равным образом на новую группировку классовых сил, идущую в процессе борьбы между буржуазным национализмом Украинской рады, Финляндского сейма и т.п., с одной стороны, и советской властью, пролетарски-крестьянской революцией каждой из этих национальных республик, с другой.

13. Наконец, гражданская война, начатая кадетски-калединским контрреволюционным восстанием против советских властей, против рабочего и крестьянского правительства, окончательно обострила классовую борьбу и отняла всякую возможность путем формально-демократическим решить самые острые вопросы, поставленные историей перед народами России и в первую голову перед ее рабочим классом и крестьянством.

14. Только полная победа рабочих и крестьян над буржуазным и помещичьим восстанием (нашедшим свое выражение в кадетски-калединском движении), только беспощадное военное подавление этого восстания рабовладельцев способно на деле обеспечить пролетарски-крестьянскую революцию. Ход событий и развитие классовой борьбы в революции привели к тому, что лозунг «Вся власть Учредительному собранию», не считающийся с завоеваниями рабоче-крестьянской революции, не считающийся с советской властью, не считающийся с решениями II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, II Всероссийского съезда крестьянских депутатов и т.д., такой лозунг стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников. Для всего народа стало вполне ясным, что Учредительное собрание, если бы оно разошлось с советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть.

15. К числу особенно острых вопросов народной жизни принадлежит вопрос о мире. Действительно, революционная борьба за мир начата была в России только после победы революции 25 октября, и эта победа дала первые плоды в виде опубликования тайных договоров, заключения перемирия и начала гласных переговоров о всеобщем мире без аннексий и без контрибуций.

Широкие народные массы только теперь на деле, полностью и открыто по-

лучают возможность видеть политику революционной борьбы за мир и изучать ее результаты.

Во время выборов в Учредительное собрание народные массы лишены были этой возможности.

Ясно, что и с этой стороны дела несоответствие между составом выборных в Учредительное собрание и действительной волей народа в вопросе об окончании войны неизбежно.

16. Совокупность вышеизложенных обстоятельств дает тот результат, что Учредительное собрание, созываемое по спискам партий, существовавших до пролетарски-крестьянской революции, в обстановке господства буржуазии, неминуемо приходит в столкновение с волей и интересами трудящихся и эксплуатируемых классов, начавших 25 октября социалистическую революцию против буржуазии. Естественно, что интересы этой революции стоят выше формальных прав Учредительного собрания, даже если бы эти формальные права не были подорваны отсутствием в законе об Учредительном собрании признания права народа на перевыборы своих депутатов в любое время.

17. Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формально-юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классового и гражданского, в частности, в рамках гражданской войны, является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии. Предостеречь всех и каждого от этой ошибки, в которую впадают немногие из верхов большевизма, не умевших оценить октябрьского восстания и задач диктатуры пролетариата, есть безусловный долг революционной социал-демократии.

18. Единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса, создавшегося в силу несоответствия выборов в Учредительное собрание и воли народа, а равно интересов трудящихся и эксплуатируемых классов, является возможно более широкое и быстрое осуществление народом права перевыбора членов Учредительного собрания, присоединение самого Учредительного собрания к закону ЦИК об этих перевыборах и безоговорочное заявление Учредительного собрания о признании советской власти, советской революции, ее политики в вопросе о мире, о земле и о рабочем контроле, решительное присоединение Учредительного собрания к стану противников кадетски-калединской контрреволюции.

19. Вне этих условий кризис в связи с Учредительным собранием может быть разрешен только революционным путем, путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных революционных мер со стороны советской власти против кадетски-калединской контрреволюции, какими бы лозунгами и учреждениями (хотя бы и членством в Учредительном собрании) эта контрреволюция ни прикрывалась. Всякая попытка связать руки советской власти в этой борьбе была бы пособничеством контрреволюции.

Публикуется по изданию:

Ленин В.И. Полное собрание сочинений, 5-е изд.

Т. 35. М., 1974. С. 162–166.

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА¹

В сборнике социалистов-революционеров «Год русской революции. 1917–1918» (Москва, 1918. Московское издательство «Земля и воля») помещена замечательно интересная статья Н.В. Святицкого: «Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание (предисловие)». Автор дает цифры по 54 избирательным округам из общего числа 79.

В состав обследования автора вошли почти все губернии Европейской России и Сибири. Не вошли из этого числа губернии: Олонецкая, Эстляндская, Калужская, Бессарабская, Подольская, Оренбургская, Якутская и Донская.

Мы приведем сначала основные итоги, опубликованные Н.В. Святицким, а затем рассмотрим политические выводы, которые из этих данных вытекают.

I

По 54 округам было подано всего в ноябре 1917 года 36 262 560 голосов. Автор приводит цифру 36 257 960, распределенную по 7 областям (плюс армия и флот), но итог приводимых им цифр по отдельным партиям дает именно указанную мной цифру.

Распределение по партиям таково: эсеры русские получили 16,5 миллионов голосов, а если присоединить эсеров других наций (украинских, мусульманских и пр.), то 20,9 миллионов, т. е. 58 процентов.

Меньшевики получили 668 064 голоса, а если прибавить сюда аналогичные группы «народных социалистов» (312 тыс.), «Единства» (25 тыс.), кооператоров (51 тыс.), украинских социал-демократов (95 тыс.), украинских социалистов (507 тыс.), немецких социалистов (44 тыс.) и финских социалистов (14 тыс.), то получим итог 1,7 миллиона.

Большевики получили 9 023 963 голоса.

Кадеты получили 1 856 639 голосов. Прибавляя к ним «союз земельных собственников и землевладельцев» (215 тыс.), «правые группы» (292 тыс.), старообрядцев (73 тыс.), националистов: еврейских (550 тыс.), мусульманских (576 тыс.), башкиров (195 тыс.), латышей (67 тыс.), поляков (155 тыс.), казаков (79 тыс.), немцев (130 тыс.), белорусов (12 тыс.) и «списки разных групп и организаций» (418 тыс.), получаем итог помещичьих и буржуазных партий – 4,6 миллиона.

¹ Впервые напечатано в декабре 1919 г. в журнале «Коммунистический Интернационал», № 7–8.

Известно, что эсеры и меньшевики шли в блоке в течение всего периода революции с февраля по октябрь 1917 года. Кроме того, все развитие событий и за это время и после него доказало определенно, что обе эти партии вместе представляют мелкобуржуазную демократию, которая так же ошибочно мнит и называет себя социалистическою, как и все партии II Интернационала.

Объединяя три основные группы партий на выборах в Учредительное собрание, мы получаем такой итог:

партия пролетариата (большевики)	9,02	миллиона	= 25%
партии мелкобуржуазной демократии (социалисты-революционеры, меньшевики и т. п.)	22,62	»	= 62%
партии помещиков и буржуазии (кадеты и т. п.)	4,62	»	= 13%
<i>Всего</i>	36,26	миллиона	= 100%

Приведем теперь данные, которые Н.В. Святицкий дает по областям:

Число поданных голосов в тысячах

Области* (и армия отдельно)	За эсеров (русских)	%	За большевиков	%	За кадетов	%	Всего
Северная	1140.0	38	1177.2	40	393.0	13	2975.1
Центрально-Промышленная	1987.9	38	2305.6	44	550.2	10	5242.5
Поволжско-Черноземная	4733.9	70	1115.6	16	267.0	4	6764.3
Западная	1242.1	43	1282.2	44	48.1	2	2961.0
Восточно-Уральская	1547.7	43(62% ⁷)	443.9	12	181.3	5	3583.5
Сибирская	2094.8	75	273.9	10	87.5	3	2786.7
Украина	1878.1	25(77% ⁷)	754.0	10	277.5	4	7581.3
Армия и флот	1885.1	43	1671.3	38	51.9	1	4363.6

* Автор не совсем обычно разделил Россию на районы: *Северный*: Архангельская, Вологодская, Петроградская, Новгородская, Псковская, Лифляндская. – *Центрально-Промышленный*: Владимирская, Костромская, Московская, Нижегородская, Рязанская, Тульская, Тверская, Ярославская. – *Поволжско-Черноземный*: Астраханская, Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская. – *Западный*: Витебская, Минская, Могилевская, Смоленская. – *Восточно-Уральский*: Вятская, Казанская, Пермская, Уфимская. – *Сибирский*: Тобольская, Томская, Алтайская, Енисейская, Иркутская, Забайкальская, Приамурская. – *Украина*: Вольнская, Екатеринославская, Киевская, Полтавская, Таврическая, Харьковская, Херсонская, Черниговская (прим. В. Ленина).

** Цифра в скобках – 62 процента, получается Святицким при добавлении мусульманских и чувашских эсеров (прим. В. Ленина).

*** Цифру в скобках, 77 процентов, даю я, добавляя украинских эсеров (прим. В. Ленина).

Из этих данных видно, что большевики были, во время выборов в Учредительное собрание, партией пролетариата, эсеры – партией крестьянства. В чисто крестьянских районах, великорусских (Поволжско-Черноземный, Сибирь, Восточно-Уральский) и украинском, эсеры имели 62–77 процентов голосов. В промышленных центрах большевики имели преобладание над эсерами. Это преобладание преуменьшено в тех порайонных данных, которые привел Н.В. Святицкий, ибо наиболее промышленные округа соединены у него с малопромышленными и вовсе непромышленными.

Погубернские данные, приводимые Святицким для партий эсеров, большевиков, кадетов и затем «национальных и других групп», показывают, например, следующее:

В Северной области преобладание большевиков кажется ничтожным: 40 процентов против 38 процентов. Но в этой области соединены непромышленные округа (губернии Архангельская, Вологодская, Новгородская, Псковская), где преобладали эсеры, и промышленные: Петроград столичный – 45 процентов большевиков (по числу голосов), 16 процентов эсеров; Петроградская губерния – 50 процентов большевиков, 26 процентов эсеров; Лифляндская – 72 процента большевиков, 0 эсеров.

Из губерний Центрально-Промышленной области Московская дала 56 процентов большевиков, 25 процентов эсеров; Московский столичный округ – 50 процентов большевиков, 8 процентов эсеров; Тверская губерния – 54 процента большевиков, 39 процентов эсеров; Владимирская – 56 процентов большевиков, 32 процента эсеров.

Отметим мимоходом, как смешны перед лицом таких фактов речи о том, будто большевики имели и имеют за собой «меньшинство» пролетариата! А эти речи слышим мы и от меньшевиков (668 тыс. голосов, а с добавлением Закавказья еще 700–800 тысяч против 9 миллионов у большевиков) и от социал-предателей II Интернационала.

II

Как же могло произойти такое чудо, как победа большевиков, имевших $\frac{1}{4}$ голосов, над мелкобуржуазными демократами, шедшими в союзе (коалиции) с буржуазией и вместе с ней владевшими $\frac{3}{4}$ голосов?

Ибо отрицать факт победы теперь, после двух лет помощи Антанты – всемирно-могущественной Антанты – всем противникам большевизма, просто смешно.

В том-то и дело, что бешеная политическая ненависть потерпевших поражение, в том числе всех сторонников II Интернационала, не позволяет им даже поставить серьезно интереснейший исторический и политический вопрос о причинах победы большевиков.

В том-то и дело, что «чудо» есть тут лишь с точки зрения вульгарной мелкобуржуазной демократии, вся глубина невежества и предрассудков каковой демократии разоблачается этим вопросом и ответом на него.

С точки зрения классовой борьбы и социализма, с этой точки зрения, покинутой II Интернационалом, вопрос разрешается бесспорно.

Большевики победили прежде всего потому, что имели за собой громадное большинство пролетариата, а в нем самую сознательную, энергичную, революционную часть, настоящий авангард этого передового класса.

Возьмем обе столицы, Петроград и Москву. Всего голосов в Учредительное собрание подано было в них 1765,1 тысяч. Из них получили:

эсеры	218,0	тысяч
большевики	837,0	»
кадеты	515,4	»

Сколько бы мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами (Черновы, Мартовы, Каутские, Лонге, Макдональды и К°), ни разбивали себе лба перед богинями «равенства», «всеобщего голосования», «демократии», «чистой демократии» или «последовательной демократии», от этого не исчезнет экономический и политический факт *неравенства* города и деревни.

Это – факт неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности.

Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно *ведет за собой* деревню. Деревня неизбежно *идет за городом*. Вопрос только в том, *какой класс*, из «городских» классов, сумеет вести за собой деревню, осилит эту задачу и какие формы это *руководство города* примет.

Большевики имели за собой в ноябре 1917 года гигантское большинство пролетариата. Конкурирующая с ними, среди пролетариата, партия, партия меньшевиков, была разбита к этому времени наголову (9 миллионов голосов против 1,4, если сложить 668 тыс. и 700–800 тыс. Закавказья). И притом разбита была эта партия в пятнадцатилетней борьбе (1903–1917), которая *закалила*, просветила, организовала авангард пролетариата, *выковав* из него действительно революционный авангард. И притом первая революция, 1905 года, подготовила дальнейшее развитие, определила *практически* взаимоотношение обеих партий, сыграла роль генеральной репетиции по отношению к великим событиям 1917–1919 годов. Мелкобуржуазные демократы, называющие себя «социалистами» II Интернационала, любят отделяться от серьезнейшего исторического вопроса сладенькими фразами о пользе «единства» пролетариата. За этим сладеньким фразерством они забывают исторический факт *накопления оппортунизма* в рабочем движении 1871–1914 годов, забывают (или не хотят) *подумать* о причинах краха оппортунизма в августе 1914 года, о причинах раскола международного социализма в 1914–1917 годах.

Без серьезнейшей и всесторонней подготовки *революционной* части пролетариата к изгнанию и подавлению оппортунизма нелепо и думать о диктатуре пролетариата. Этот урок русской революции надо бы зарубить на носу вождям «независимой» германской социал-демократии, французского социализма и т.п.,

которые хотят теперь вывернуться посредством словесного признания диктатуры пролетариата.

Далее. Большевики имели за собой не только большинство пролетариата, не только закаленный в долгой и упорной борьбе с оппортунизмом революционный авангард пролетариата. Они имели, если позволительно употребить военный термин, могучий «ударный кулак» в столицах.

В решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил – этот «закон» военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией.

Столицы или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры (у нас в России эти понятия совпадали, но они не всегда совпадают) в значительной степени решают политическую судьбу народа, – разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными, деревенскими силами, хотя бы это была не немедленная поддержка. В обеих столицах, в обоих главнейших для России торгово-промышленных центрах большевики имели подавляющий, решающий перевес сил. Мы имели здесь почти *вчетверо* больше, чем эсеры. Мы имели здесь *больше, чем эсеры и кадеты, вместе взятые*. Наши противники, кроме того, были раздроблены, ибо «коалиция» кадетов с эсерами и меньшевиками (меньшевики имели и в Петрограде и в Москве всего по 3% голосов) была до последней степени скомпрометирована среди трудящихся масс. Ни о каком *действительном* единстве эсеров и меньшевиков с кадетами против нас не могло быть и речи в тот момент¹. Как известно, в ноябре 1917 года даже вожди эсеров и меньшевиков, во сто раз более близкие к идее блока с кадетами, чем эсеровские и меньшевистские рабочие и крестьяне, даже эти вожди думали (и торговались с нами) насчет коалиции с большевиками без кадетов!

Столицы мы завоевывали в октябре–ноябре 1917 года *наверняка*, имея подавляющий перевес сил и самую солидную политическую подготовку как в смысле собрания, сосредоточения, обучения, испытания, закала большевистских «армий», так и в смысле разложения, обессиления, разъединения, деморализации «армий» «неприятеля».

А имея возможность *наверняка* быстрым, решающим ударом завоевать обе столицы, оба центра всей капиталистической машины государства (как в экономическом, так и в политическом отношении), мы, несмотря на бешеное сопротивление бюрократии и «интеллигенции», саботаж и т.д., могли при помощи центрального аппарата государственной власти *доказать делами* трудящимся не-пролетарским массам, что пролетариат единственный надежный союзник, друг и руководитель их.

III

Но прежде чем переходить к этому, самому важному, вопросу – вопросу об отношении пролетариата к непролетарским трудящимся массам, – следует еще

¹ Интересно отметить обнаруживаемое и вышеприведенными данными единство и сплоченность партии пролетариата, при громадной раздробленности партий мелкой буржуазии и партий буржуазии (прим. В. Ленина).

остановиться на *армии*.

Армия во время империалистской войны вобрала в себя весь цвет народных сил, и если оппортунистическая сволочь II Интернационала (не только социал-шовинисты, т.е. прямо перешедшие на сторону «защиты отечества» Шейдеманы и Ренодели, но и «центровики»¹) своими словами и своими делами укрепляла подчинение армии руководству империалистских разбойников как немецкой, так и англо-французской группы, то настоящие пролетарские революционеры никогда не забывали слов Маркса, сказанных в 1870 году: «Буржуазия научит пролетариат владеть оружием!»². О «защите отечества» в империалистской, т.е. с обеих сторон грабительской, войне могли говорить только австро-немецкие и англо-франко-русские предатели социализма, а пролетарские революционеры все внимание направляли (начиная с августа 1914 года) на революционизирование армии, на использование ее *против* империалистских разбойников буржуазии, на превращение несправедливой и грабительской войны между двумя группами империалистских хищников в справедливую и законную войну пролетариев и угнетенных трудящихся масс каждой страны против «своей», «национальной» буржуазии.

Предатели социализма *не подготовили* за 1914–1917 годы использование армий *против* империалистских правительств *каждой* нации.

Большевики подготовили это всей своей пропагандой, агитацией, нелегально-организационной работой с августа 1914 года. Конечно, предатели социализма, Шейдеманы и Каутские всех наций, отделивались по этому поводу фразами о *разложении* армии большевистской агитацией, но мы *гордимся* тем, что исполнили свой долг, разлагая силы нашего классового врага, отвоевывая у него вооруженные массы рабочих и крестьян *для борьбы* против эксплуататоров.

Результаты нашей работы сказались, между прочим, и на том голосовании по выборам в Учредительное собрание в ноябре 1917 года, в котором (голосовании) участвовала в России и армия.

---

¹ *Центризм* – течение в рабочем движении, возникшее внутри социал-демократических партий II Интернационала до Первой мировой войны 1914–1918 гг. Одним из главных теоретиков центризма был К. Каутский, в России его представляли Троцкий, Мартов, Чхеидзе и др. В годы Первой мировой войны центристы фактически выступали с патриотических позиций, но в то же время выдвигали пацифистские лозунги.

² Имеются в виду слова К. Маркса из его письма Л. Кугельману от 13 декабря 1870 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 253) (*прим. изд.* 1974 г.).

Вот главные результаты этого голосования, как их приводит Н.В. Святицкий:

**Число голосов (в тысячах),
поданных в ноябре 1917 года
на выборах в Учредительное собрание**

Части армии и флота	За эсеров	За больше- виков	За кадетов	За нацио- нальные и другие группы	Всего
Северный фронт	240,0	480,0	?	60,0**	780,0
Западный фронт	180,6	653,4	16,7	125,2	976,0
Юго-Западный фронт	402,9	300,1	13,7	290,6	1007,4
Румынский фронт	679,4	167,0	21,4	260,7	1128,6
Кавказский фронт	360,0	60,0	7	–	420,0
Балтийский флот	–	(120,0)*	–	–	(120,0)*
Черноморский флот	22,2	10,8	–	19,5	52,5
Итого	1885,1	1671,3	51,8	756,0	4364,5
		+ (120,0)*	+?		+ (120,0)
		1791,3			+?

* О том, какая партия получила 19,5 тыс. голосов от Черноморского флота, сведений не дано. Остальные же цифры этого столбца относятся, видимо, почти целиком к украинским социалистам, ибо выбрано было 10 украинских социалистов и 1 социал-демократ (т.е. меньшевик) (прим. В. Ленина).

** Цифра приблизительная: выбрано 2 большевика. В среднем Н.В. Святицкий считает по 60 000 голосов на 1 выбранного. Поэтому я и беру цифру 120 000 (прим. В. Ленина).

Итог дает: за эсеров 1885,1 тысячи голосов, за большевиков – 1671,3 тысячи. А если добавить к последним 120,0 (приблизительно) от Балтийского флота, то получаем за большевиков 1791,3 тысячи голосов.

Следовательно, большевики получили *немногим менее*, чем эсеры.

Армия была, следовательно, уже к октябрю–ноябрю 1917 года *наполовину большевистской*.

Без этого мы не могли бы победить.

Но, имея почти половину голосов в армии вообще, мы имели подавляющий перевес на фронтах, *ближайших к столицам* и вообще расположенных не чрезмерно далеко. Если вычесть Кавказский фронт, то у большевиков в общем получается перевес над эсерами. А если взять Северный и Западный фронты, то у большевиков получается *свыше 1 миллиона голосов* против 420 тысяч у эсеров.

Следовательно, в армии большевики тоже имели уже к ноябрю 1917 года *политический чударный кулак*, который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент. Ни о каком сопротивлении со стороны армии против октябрьской революции пролетариата, против завоевания поли-

тической власти пролетариатом, не могло быть и речи, когда на Северном и Западном фронтах у большевиков был гигантский перевес, а на остальных фронтах, удаленных от центра, большевики имели время и возможность *отвоевать крестьян у эсеровской партии*, о чем пойдет речь ниже.

IV

Мы изучили, на основании данных о выборах в Учредительное собрание, три условия победы большевизма: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армии, близких к центру.

Но эти условия могли бы дать лишь самую кратковременную и непрочную победу, если бы большевики не могли привлечь на свою сторону большинство не-пролетарских трудящихся масс, отвоевать их себе у эсеров и прочих мелкобуржуазных партий.

Главное именно в этом.

И главный источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны «социалистов» (читай: мелкобуржуазных демократов) II Интернационала состоит в непонимании ими того, что *государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата не-пролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелкобуржуазных партий*.

Полные мелкобуржуазных предрассудков, забывшие самое главное в учении Маркса о государстве, господа «социалисты» II Интернационала смотрят на *государственную власть* как на какую-то святыню, идол или равнодействующую формальных голосований, абсолютом «последовательной демократии» (и как там еще подобная ерунда называется). Они не видят в государственной власти просто *орудия*, которым *разные классы* могут и должны пользоваться (и уметь пользоваться) *в своих классовых целях*.

Буржуазия пользовалась государственной властью как орудием класса капиталистов против пролетариата, против всех трудящихся. Так было при самых демократических буржуазных республиках. Только изменники марксизма «забыли» это.

Пролетариат должен (собрав достаточно сильные, политические и военные, «ударные кулаки») низвергнуть буржуазию, отнять у нее государственную власть, чтобы это *орудие* пустить в ход ради *своих классовых целей*.

А каковы классовые цели пролетариата?

Подавление сопротивления буржуазии.

«Нейтрализация» крестьянства, а по возможности привлечение его – во всяком случае большинства его трудящейся, неэксплуататорской части – на свою сторону.

Организация крупного машинного производства на экспроприированных у буржуазии фабриках и средствах производства вообще.

Организация социализма на развалинах капитализма.

<...>

Господа оппортунисты, в том числе и каутскианцы, «учат» народ, в издевку над учением Маркса: пролетариат должен сначала завоевать большинство посредством всеобщего избирательного права, потом получить, на основании такого голосования большинства, государственную власть и затем уже, на этой основе «последовательной» (иные говорят: «чистой») демократии, организовать социализм.

А мы говорим, на основании учения Маркса и опыта русской революции: пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать себе государственную власть, а потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся.

<...>

Каким образом государственная власть в руках пролетариата может стать орудием его классовой борьбы за влияние на непролетарские трудящиеся массы? за привлечение их на сторону пролетариата? за оторвание, отвоевание их от буржуазии?

Во-первых, пролетариат достигает этого тем, что пускает в ход не старый аппарат государственной власти, а ломает его вдребезги, не оставляет в нем камня на камне (вопреки воплям запуганных мещан и угрозам саботажников) и создает новый государственный аппарат. Этот новый государственный аппарат приспособлен к диктатуре пролетариата и к его борьбе против буржуазии за непролетарские трудящиеся массы. Этот новый аппарат не выдуман кем-либо, а *вырастает* из классовой борьбы пролетариата, из ее распространения вширь и вглубь. Этот новый аппарат государственной власти, новый *тип* государственной власти есть *советская власть*.

Российский пролетариат, завоевав государственную власть, немедленно, через несколько часов, объявил старый государственный аппарат (веками приспособляемый, как показал Маркс, к служению классовым интересам буржуазии, хотя бы при самой демократической республике¹) распущенным и передал *всю власть Советам*. А в Советы допускались только трудящиеся и эксплуатируемые, при исключении всех и всяческих эксплуататоров.

Таким путем, сразу, одним ударом, немедленно *после* завоевания государственной власти пролетариатом, пролетариат *отвоевывает* у буржуазии *громдную массу* ее сторонников из мелкобуржуазных и «социалистических» партий, ибо эта масса – трудящиеся и эксплуатируемые, которых буржуазия (в том числе ее подпевалы, Черновы, Каутские, Мартовы и К^о) обманывала и которые, *получив советскую власть*, получают *впервые* орудие массовой борьбы за свои интересы против буржуазии.

¹ См. К. Маркс. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданская война во Франции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 205–207 и т. 22, стр. 198–201) (прим. изд. 1974 г.).

Во-вторых, пролетариат может и должен сразу или во всяком случае очень быстро отвоевать у буржуазии и у мелкобуржуазной демократии *«их»* массы, т.е. массы, шедшие за ними, – отвоевать *посредством революционного удовлетворения их наиболее насущных экономических нужд ценой экспроприации помещиков и буржуазии.*

Буржуазия этого сделать *не может*, хотя бы она обладала какой угодно «могучей» государственной властью.

Пролетариат, на другой же день после завоевания им государственной власти, это сделать *может*, ибо он имеет для этого и аппарат (Советы) и экономические средства (экспроприация помещиков и буржуазии).

Именно так российский пролетариат *отвоевал* у эсеров *крестьянство* и отвоевал буквально *через несколько часов* после завоевания пролетариатом государственной власти. Ибо через несколько часов после победы над буржуазией в Петрограде победивший пролетариат издал «декрет о земле», а в этом декрете целиком и сразу, с революционной быстротой, энергией и беззаветностью *осуществил* все насущнейшие экономические нужды *большинства* крестьян, экспроприровал полностью и без выкупа помещиков.

Чтобы доказать крестьянам, что пролетарии хотят не майоризировать их, не командовать ими, а помогать им и быть друзьями их, победившие большевики *ни слова своего* не вставили в «декрет о земле», а списали его, слово в слово, с тех крестьянских наказов (наиболее революционных, конечно), которые были опубликованы *эсерами* в *эсеровской* газете.

Эсеры кипятились, возмущались, негодовали, вопили, что «большевики украли их программу», но над эсерами за это только смеялись: хороша же партия, которую надо было победить и прогнать из правительства, чтобы осуществить все революционное, все полезное для трудящихся из ее программы!

Вот этой диалектики никогда не могли понять предатели, тупицы и педанты II Интернационала: пролетариат не может победить, не завоевывая на свою сторону большинства населения. Но ограничивать или обуславливать это завоевание приобретением большинства голосов на выборах *при господстве буржуазии* есть непроходимое скудоумие или простое надувательство рабочих. Чтобы завоевать большинство населения на свою сторону, пролетариат должен, во-первых, свергнуть буржуазию и захватить государственную власть в свои руки; он должен, во-вторых, ввести советскую власть, разбив вдребезги старый государственный аппарат, чем он сразу подрывает господство, авторитет, влияние буржуазии и мелкобуржуазных соглашателей в среде непролетарских трудящихся масс. Он должен, в-третьих, *добить* влияние буржуазии и мелкобуржуазных соглашателей среди *большинства* непролетарских трудящихся масс *революционным* осуществлением их экономических нужд *на счет эксплуататоров.*

Возможность всего этого дана, разумеется, лишь известной высотой капиталистического развития. Без этого основного условия не может быть ни выделения пролетариата в особый класс, ни успеха его длительной подготовки, воспитания, обучения, испытания в борьбе на долгих годах стачек, демонстраций, опозорения и изгнания оппортунистов. Без этого основного условия не может быть той роли,

экономической и политической, центров, овладевая которыми пролетариат овладевает всей государственной властью или, вернее, ее жизненным нервом, сердцевиной, узлом. Без этого основного условия не может быть той родственности, близости, связи между положением пролетариата и положением непролетарских трудящихся масс, которые (родственность, близость, связь) необходимы для влияния пролетариата на эти массы, для успеха его воздействия на них.

V

Пойдем дальше.

Пролетариат может завоевать государственную власть, осуществить советский строй, удовлетворить экономически большинство трудящихся на счет эксплуататоров.

Достаточно ли этого для полной и окончательной победы?

Нет.

Только иллюзия мелкобуржуазных демократов, «социалистов» и «социал-демократов», как их главных современных представителей, может воображать, что при капитализме трудящиеся массы в состоянии приобрести столь высокую сознательность, твердость характера, проницательность и широкий политический кругозор, чтобы иметь возможность *одним голосованием* решить или вообще как бы то ни было *наперед решить*, без долгого опыта борьбы, что они идут за таким-то классом или за такой-то партией.

Это иллюзия. Это слащавая побасенка педантов и слащавых социалистов типа Каутских, Лонге, Макдональдов.

Капитализм не был бы капитализмом, если бы он, с одной стороны, не осуждал массы на состояние забитости, задавленности, запуганности, распыленности (деревня!), темноты; если бы он (капитализм), с другой стороны, не давал буржуазии в руки гигантского аппарата лжи и обмана, массового надувания рабочих и крестьян, отупления их и т.д.

Поэтому *вывести трудящихся* из капитализма к коммунизму способен только пролетариат. О решении наперед со стороны мелкобуржуазной или полумелкобуржуазной массы трудящихся сложнейшего политического вопроса: «быть вместе с рабочим классом или с буржуазией» нечего и думать. Неизбежны *колебания* непролетарских трудящихся слоев, неизбежен их собственный *практический опыт*, позволяющий *сравнить* руководство буржуазии и руководство пролетариата.

Вот это обстоятельство и упускают постоянно из виду поклонники «последовательной демократии», воображающие, что серьезнейшие политические вопросы могут быть решены голосованиями. На деле эти вопросы, если они остры и обострены борьбой, решает *гражданская война*, а в этой войне гигантское значение имеет *опыт* непролетарских трудящихся масс (крестьян в первую голову), опыт сравнения, сопоставления ими власти пролетариата с властью буржуазии.

Выборы в Учредительное собрание в России в ноябре 1917 года, сопоставленные с двухлетней гражданской войной 1917–1919 годов, чрезвычайно поучи-

тельны в этом отношении.

Посмотрите, какие районы оказались наименее большевистскими. Во-первых, Восточно-Уральский и Сибирский: 12 процентов и 10 процентов голосов за большевиков. Во-вторых, Украина: 10 процентов голосов за большевиков. Из остальных районов наименьший процент голосов за большевиков дает крестьянский район Великороссии, Поволжско-Черноземный, но в нем за большевиков подано 16 процентов голосов.

И вот именно в тех районах, где процент большевистских голосов в ноябре 1917 года был наименьший, мы наблюдаем наибольший успех контрреволюционных движений, восстаний, организации сил контрреволюции. Именно в этих районах держалась месяцами и месяцами власть Колчака и Деникина.

Колебания мелкобуржуазного населения там, где меньше всего влияние пролетариата, обнаружилось в этих районах с особенной яркостью: сначала – за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире. Потом – против большевиков, когда они, в интересах интернационального развития революции и сохранения ее очага в России, пошли на Брестский мир, «оскорбив» самые глубокие мелкобуржуазные чувства, патриотические. Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам. Крестьянство Урала, Сибири, Украины поворачивает к Колчаку и Деникину.

Далее, опыт колчаковской и деникинской «демократии», о которой любой газетчик в колчакии и деникии кричал в каждом номере белогвардейских газет, показал крестьянам, что фразы о демократии и об «учредилровке» служат на деле лишь прикрытием диктатуры помещика и капиталиста.

Начинается новый поворот к большевизму: разрастаются крестьянские восстания в тылу у Колчака и у Деникина. Красные войска встречаются крестьянами как освободители.

В последнем счете именно эти колебания крестьянства как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся решали судьбу советской власти и власти Колчака–Деникина. Но до этого «последнего счета» проходил довольно продолжительный период тяжелой борьбы и мучительных испытаний, которые не закончены в России в течение двух лет, не закончены как раз в Сибири и на Украине. И нельзя ручаться, что они будут *окончательно* закончены еще, скажем, в течение года и тому подобное.

Сторонники «последовательной» демократии не вдумывались в значение этого исторического факта. Они рисовали и рисуют себе детскую сказочку, будто пролетариат при капитализме может «убедить» большинство трудящихся и прочно завоевать их на свою сторону голосованием. А действительность показывает, что лишь в долгой и жестокой борьбе тяжелый опыт *колеблющейся* мелкой буржуазии *приводит ее*, после сравнения диктатуры пролетариата с диктатурой капиталистов, к выводу, что первая лучше последней.

Теоретически все социалисты, учившиеся марксизму и желающие учитывать опыт политической истории передовых стран в течение XIX века, признают

неизбежность *колебаний* мелкой буржуазии между пролетариатом и классом капиталистов. Экономические корни этих колебаний с очевидностью вскрываются экономической наукой, истины которой миллионы раз повторялись в газетах, листках, брошюрах социалистов II Интернационала.

Но применить эти истины к своеобразной эпохе диктатуры пролетариата люди не умеют. Мелкобуржуазно-демократические предрассудки и иллюзии (на счет «равенства» классов, на счет «последовательной» или «чистой» демократии, на счет решения великих исторических вопросов голосованиями и т.п.) они ставят на место *классовой борьбы*. Не хотят понять, что завоевавший государственную власть пролетариат не прекращает этим свою классовую борьбу, а продолжает ее в иной форме, иными средствами. Диктатура пролетариата есть классовая борьба пролетариата при помощи такого орудия, как государственная власть, классовая борьба, одной из задач которой является демонстрирование на долгом опыте, на долгом ряде практических примеров, демонстрирование непролетарским трудящимся слоям, что им выгоднее быть за диктатуру пролетариата, чем за диктатуру буржуазии, и что ничего третьего быть не может.

Данные о выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 года дают нам основной фон той картины, которую показывает в течение двух лет после этого развитие гражданской войны. Основные силы в этой войне с ясностью видны уже на выборах в Учредительное собрание: видна роль «ударного кулака» пролетарской армии, видна роль колеблющегося крестьянства, видна роль буржуазии. «Кадеты, – пишет в своей статье Н.В. Свяцицкий, – имели наибольший успех в тех же областях, где и большевики: в Северной и Центрально-Промышленной» (стр. 116). Естественно, что в наиболее развитых капиталистических центрах всего слабее были промежуточные элементы, стоящие посередине между пролетариатом и буржуазией. Естественно, что в этих центрах всего резче была классовая борьба. Именно здесь были главные силы буржуазии, именно здесь, только здесь, пролетариат мог разбить буржуазию. И только пролетариат мог разбить ее наголову. И только разбив ее наголову, пролетариат мог завоевать окончательно, используя такое орудие, как государственная власть, сочувствие и поддержку мелкобуржуазных слоев населения.

Данные о выборах в Учредительное собрание, если уметь ими пользоваться, уметь их читать, показывают нам еще и еще раз основные истины марксистского учения о *классовой борьбе*.

Между прочим, эти данные показывают также роль и значение национального вопроса. Возьмите Украину. Пишущего эти строки некоторые товарищи на последних совещаниях по украинскому вопросу обвиняли в чрезмерном «выпячивании» национального вопроса на Украине. Данные о выборах в Учредительное собрание показывают, что еще в ноябре 1917 года на Украине получили большинство *украинские* эсеры и социалисты (3,4 млн. голосов + 0,5 = 3,9 млн. против 1,9 млн. за русских эсеров, при общем числе голосов на всей Украине 7,6 миллионов). На Юго-Западном и Румынском фронтах в армии украинские социалисты получили 30 процентов и 34 процента всех голосов (при 40% и 59% за русских эсеров).

При таком положении дела игнорировать значение национального вопроса на Украине – чем очень часто грешат великороссы (и, пожалуй, немногим менее часто, чем великороссы, грешат этим евреи) – значит совершать глубокую и опасную ошибку. Не может быть случайностью разделение русских и украинских эсеров на Украине еще в 1917 году. И, как интернационалисты, мы обязаны, во-первых, особенно энергично бороться против остатков (иногда бессознательных) великорусского империализма и шовинизма у «русских» коммунистов; во-вторых, мы обязаны именно в национальном вопросе, как сравнительно маловажном (для интернационалиста вопрос о границах государств вопрос второстепенный, если не десятистепенный), идти на уступки. Важны другие вопросы, важны основные интересы пролетарской диктатуры, важны интересы единства и дисциплины борющейся с Деникиным Красной Армии, важна руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству; гораздо менее важен вопрос, будет ли Украина отдельным государством или нет. Нас несколько не может удивить – и не должна пугать – даже такая перспектива, что украинские рабочие и крестьяне перепробуют различные системы и в течение, скажем, нескольких лет испытают на практике и слияние с РСФСР, и отделение от нее в особую самостоятельную УССР, и разные формы их тесного союза, и т.д., и т.п.

Пытаться наперед, раз навсегда, «твердо» и «бесповоротно» решить этот вопрос было бы узостью понимания или просто тупоумием, ибо колебания непролетарских трудящихся масс по *такому* вопросу вполне естественны, даже неизбежны, но вовсе для пролетариата не страшны. Действительно умеющий быть интернационалистом представитель пролетариата обязан относиться к *таким* колебаниям с величайшей осторожностью и терпимостью, обязан предоставить *самим* непролетарским трудящимся массам *изжить* эти колебания на собственном опыте. Нетерпимы и беспощадны, непримиримы и непреклонны мы должны быть по другим, более коренным вопросам, отчасти уже указанным мною выше.

VI

Сопоставление выборов в Учредительное собрание в ноябре 1917 года и развития пролетарской революции в России с октября 1917 года по декабрь 1919 дает возможность сделать выводы, относящиеся к буржуазному парламентаризму и пролетарской революции всякой капиталистической страны. Попытаемся изложить вкратце или хотя бы наметить главные из этих выводов.

1. Всеобщее избирательное право является показателем зрелости понимания своих задач разными классами. Оно показывает, как *склонны* решать свои задачи разные классы. Самое *решение* этих задач дается не голосованием, а всеми формами классовой борьбы, вплоть до гражданской войны.

2. Социалисты и социал-демократы II Интернационала стоят на точке зрения вульгарной мелкобуржуазной демократии, разделяя ее предрассудок, будто голосование способно решить коренные вопросы борьбы классов.

Участие в буржуазном парламентаризме необходимо для партии революционного пролетариата ради просвещения масс, достигаемого выборами и борь-

бой партий в парламенте. Но ограничивать борьбу классов борьбой внутри парламента или считать эту последнюю высшей, решающей, подчиняющей себе остальные формы борьбы – значит переходить фактически на сторону буржуазии против пролетариата.

3. Такой переход на сторону буржуазии совершают фактически все представители и сторонники II Интернационала и все вожди германской так называемой «независимой» социал-демократии, когда они, признавая на словах диктатуру пролетариата, на деле в своей пропаганде внушают ему ту мысль, что он должен сначала добиться формального выражения воли большинства населения при капитализме (т.е. большинства голосов в буржуазном парламенте) для имеющего наступить затем перехода политической власти к пролетариату.

4. Все исходящие из этой посылки вопли германских «независимых» социал-демократов и т.п. вождей гнилого социализма против «диктатуры меньшинства» и тому подобное означают лишь непонимание этими вождями фактически господствующей, даже в наиболее демократических республиках, диктатуры буржуазии и непонимание условий ее разрушения классовой борьбой пролетариата.

5. Это непонимание состоит в особенности в следующем: забывают, что буржуазные партии господствуют в громадной степени благодаря обману ими масс населения, благодаря гнету капитала, к чему присоединяется еще самообман насчет сущности капитализма, самообман, более всего характерный для мелкобуржуазных партий, которые обычно хотят заменить классовую борьбу более или менее прикрытыми формами примирения классов.

«Пускай сначала, при сохранении частной собственности, т.е. при сохранении власти и гнета капитала, большинство населения выскажется за партию пролетариата, – только тогда она может и должна взять власть», – так говорят мелкобуржуазные демократы, фактические слуги буржуазии, называющие себя «социалистами».

«Пускай сначала революционный пролетариат низвергнет буржуазию, сломит гнет капитала, разобьет буржуазный государственный аппарат, – тогда пролетариат, одержавший победу, сможет быстро привлечь на свою сторону сочувствие и поддержку большинства трудящихся непролетарских масс, удовлетворяя их на счет эксплуататоров», – говорим мы. Обратное будет в истории редким исключением (да и при таком исключении буржуазия может прибегнуть к гражданской войне, как показал пример Финляндии).

6. Или иными словами:

«Сначала дадим обязательство признавать принцип равенства или последовательной демократии при сохранении частной собственности и ига капитала (т.е. фактического неравенства при формальном равенстве) и будем добиваться решения большинства на этой основе», – так говорит буржуазия и ее подпевалы, мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами.

«Сначала классовая борьба пролетариата разрушает, завоевывая государственную власть, устои и основы фактического неравенства, а затем победивший

эксплуататоров пролетариат ведет за собой все трудящиеся массы к *уничтожению классов*, т. е. к тому единственно-социалистическому равенству, которое не является обманом», – говорим мы.

7. Во всех капиталистических странах, наряду с пролетариатом или с той частью пролетариата, которая создала свои революционные задачи и способна бороться за их осуществление, имеются многочисленные несознательно-пролетарские, полупролетарские, полумелкобуржуазные слои трудящихся масс, которые идут за буржуазией и за буржуазной демократией (в том числе за «социалистами» II Интернационала), будучи обмануты ею, не веря в свои силы или в силы пролетариата, не сознавая возможности получить удовлетворение своих насущнейших нужд за счет экспроприации эксплуататоров.

Эти слои трудящихся и эксплуатируемых дают авангарду пролетариата союзников, с которыми он имеет прочное большинство населения, но завоевать этих союзников пролетариат может лишь при помощи такого орудия, как государственная власть, то есть лишь после низвержения буржуазии и разрушения ее государственного аппарата.

8. Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это – потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат экономически и политически выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме.

Поэтому пролетариат, даже когда он составляет меньшинство населения (или когда сознательный и действительно революционный авангард пролетариата составляет меньшинство населения), способен и низвергнуть буржуазию и привлечь затем на свою сторону многих союзников из такой массы полупролетариев и мелких буржуа, которая никогда заранее за господство пролетариата не выскажется, условий и задач этого господства не поймет, а только из дальнейшего своего опыта убедится в неизбежности, правильности, закономерности пролетарской диктатуры.

9. Наконец, в каждой капиталистической стране есть всегда очень широкие слои мелкой буржуазии, неизбежно колеблющиеся между капиталом и трудом. Пролетариат для своей победы должен, во-первых, правильно выбрать момент решающего нападения на буржуазию, учитывая, между прочим, разъединение буржуазии с ее мелкобуржуазными союзниками или непрочность их союза и т.д. Пролетариат, во-вторых, должен после своей победы использовать эти колебания мелкой буржуазии так, чтобы нейтрализовать ее, помешать ей встать на сторону эксплуататоров, уметь продержаться известное время *вопреки ее шатаниям* и так далее и тому подобное.

10. Одним из необходимых условий подготовки пролетариата к его победе является длительная и упорная, беспощадная борьба против оппортунизма, реформизма, социал-шовинизма и тому подобных буржуазных влияний и течений, которые неизбежны, поскольку пролетариат действует в капиталистической обстановке. Без такой борьбы, без предварительной полной победы над оппорту-

низмом в рабочем движении не может быть и речи о диктатуре пролетариата. Большевизм не победил бы буржуазию в 1917–1919 годах, если бы он не научился предварительно, в 1903–1917 годах, побеждать и беспощадно изгонять из партии пролетарского авангарда меньшевиков, то есть оппортунистов, реформистов, социал-шовинистов.

И опаснейшим самообманом – а иногда простым надувательством рабочих – являются теперь словесные признания диктатуры пролетариата вождями немецких «независимых» или французскими лонгетистами¹ и т.п., которые *на деле* продолжают старую, привычную политику уступок и уступочек оппортунизму, примирения с ним, раболепства пред предрассудками буржуазной демократии («последовательной демократии» или «чистой демократии», как они говорят), буржуазного парламентаризма и так далее.

Публикуется по изданию:

Ленин В.И. Полное собрание сочинений, 5-е изд.

Т. 35. М., 1974. С. 1–24.

---

¹ Лонгетисты – сторонники меньшинства Французской социалистической партии, возглавляемого Жаном Лонге. Во время мировой войны 1914–1918 гг. лонгетисты занимали центристскую позицию. Они отвергали революционную борьбу и стояли на позициях «защиты отечества». После победы октябрьской революции в России лонгетисты на словах объявили себя сторонниками «диктатуры пролетариата».

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ НОВГОРОДЦЕВ

**МЕЧТА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ВОПРОСЕ
ОБ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ**

Когда во время выборов в Учредительное собрание мне приходилось выступать с докладами, я всегда развивал ту точку зрения, что предстоящее нам Учредительное собрание может осуществиться и осуществить возложенные на него задачи лишь при исключительно счастливом повороте судьбы. История прошлого показывает, что удача Учредительных собраний есть дело чрезвычайно редкое. Не всегда и не везде умиротворение потрясенной страны совершается этим путем; скорее следует сказать, что в условиях революционных потрясений это путь наименее доступный, сколько бы ни представлялся он желательным».

Ход событий не замедлил подтвердить правильность этих указаний. Учредительное собрание в условиях современной русской жизни оказалось не только эфемерным, но и мертворожденным: с первого дня было видно, что оно носит на себе печать обреченности. Ожидание Учредительного собрания сопровождалось пламенной верой широких кругов. С ноября эта вера постепенно угасает; и если сейчас не только в замкнутых кружках, но и на больших собраниях по-прежнему раздаются призывы к Учредительному собранию, это – не новый огонь, способный разгореться и зажечь массы, это – догорающее старое пламя.

Да не поймут меня так, будто бы я отрицаю самую идею Учредительного собрания. Нет, я отрицаю только возможность его осуществления при наличных условиях русской жизни. Идею Учредительного собрания, о котором так долго мечтали русские народолюбцы, я признаю великой и привлекательной. По своему замыслу и существу Учредительное собрание – это свободное самоопределение народа, это – торжественное провозглашение народной власти. Это – лучший путь к утверждению основных законов, отвечающих народному сознанию. И поскольку работа Учредительного собрания основывается на изучении всех требований, желаний и заявлений, исходящих из самых недр народной жизни, это также и самый правильный путь правообразования, опирающегося в таком случае на глубокое и всестороннее изучение народных потребностей. Но если идея Учредительного собрания прекрасна и заманлива, то осуществление ее представляется чрезвычайно трудным. И когда верили у нас, что под сенью Учредительного собрания Россия достигнет спокойствия и счастья, забывали поучительные уроки истории, забывали весь опыт прошлого.

Начиная с первого Учредительного собрания Франции 1789–1791 гг., со зна-

менитой Конституанты, и до наших дней мы знаем целый ряд собраний этого рода, нередко эффектных, блестящих, многообещающих, и из них – как немного можем указать таких, которые действительно достигали цели устройства и умиротворения страны. Ведь и блестящая Конституанта с ее гениальными ораторами и речами, с ее замечательными декларациями и принципами была лишь прологом к самым бурным актам революционной драмы. Столь же бессильно было вывести Францию из ее затруднений и новое Учредительное собрание, созданное позднее и получившее название Конвента. Можно умножать примеры Учредительных собраний, пронесшихся по истории то как грозный вихрь, то как светлая мечта, и как мало можно указать таких, которые действительно разрешили поставленную перед ними задачу и оставили после себя прочные реальные результаты. К числу последних собраний (более выдающихся из них) относятся только два: французское 1871–1875 гг. [и] бельгийское 1831 г. – те, которые менее всего обещали и по составу своему могли казаться слишком умеренными и слишком трезвыми. Эти собрания создали конституции, которые с известными изменениями существуют и до сих пор. Отвлеченная политическая мысль полагает, что Учредительное собрание силою своей внутренней идеи, авторитетом своего всенародного значения разрешает все стоящие перед ним затруднения. Сила реальных отношений, суровая проза государственного строительства каждый раз опровергает этот отвлеченный способ рассуждений. То поучение, которое дает опыт прошлого, достаточно знаменательно и определенно, чтобы вывести из него и для нас некоторые ценные уроки. И в самом деле, если вдуматься в условия, при которых одни Учредительные собрания проходят бесследно, а другие приносят добрый плод, получаются выводы в одно и то же время ясные и простые и едва ли способные содействовать сохранению иллюзий относительно нашего Учредительного собрания.

Для успеха Учредительных собраний требуется два условия, из которых в нашей действительности нет ни одного. Необходимо, во-первых, чтобы народ и в лице своих представителей, и в своем общем сознании был способен поддерживать некоторое среднее историческое течение, некоторую историческую равнодействующую, соответствующую потребностям и возможностям жизни. Необходимо, во-вторых, чтобы рядом с Учредительным собранием стояла охраняющая и поддерживающая его правительственная власть, достаточно сильная и авторитетная, чтобы обеспечить и гражданский порядок в стране, и осуществление решений Учредительного собрания. Вне этих двух условий работа Учредительного собрания является или непрочной, или и вовсе невозможной. Наличие же этих условий предполагает, что в народе установилось уже некоторое равновесие, что в нем смолкли более острые раздоры, что он пришел к известному единству. Учредительное собрание само по себе не может создать такого единства, и если ему удастся довести до конца свою работу и закрепить ее в прочных учреждениях, это не может быть иначе, как при том условии, что тем или иным путем в стране подготовлено известное единство, которое Учредительным собранием может быть тоже закреплено, но отнюдь не создано.

Столь же мало может Учредительное собрание создать из себя прочную власть, если вокруг него бушуют страсти враждебных стихий. Как подтверждает это и опыт прошлого, в атмосфере разъединения и вражды сами Учредитель-

ные собрания гибнут и проходят бесследно. Бессильные создать твердый порядок, они оказываются бессильными сохранить и собственное существование. Но если так, то не следует ли отсюда заключить, что в настоящий момент Учредительное собрание является для России неосуществимой мечтой? Россия должна еще пройти тяжелый крестный путь к осознанию своего национального единства и к образованию твердой правительственной власти. И только тогда можно будет говорить о каком-либо собрании, которое закрепит устои государственного порядка. Пока Россия раскалывается на две нации – социалистическую и не социалистическую, – о каком единстве народа может идти речь и какое Учредительное собрание может создать это единство? Когда страна погружена в хаос разъединения, вражды и безвластия, не настала пора для органической законодательной работы: прежде надо еще выйти из этого хаоса и спасти себя от гибели окончательного разложения.

Говоря кратко, самая главная и основная проблема, которая стоит сейчас перед Россией, сводится к созданию сильной правительственной власти, способной стать средоточием национального единства, а не к восстановлению деятельности верховного законодательного собрания, призванного к осуществлению учредительных задач. Россия сейчас еле дышит и живет; ей прежде всего надо снова собраться с силами, чтобы жить, а потом уже надо подумать о том, чтобы жить по хорошим и всесторонне обдуманному закону. И если во время старого режима, в эпоху крайнего напряжения сильной центральной власти общим требованием было создание и укрепление народного представительства, в настоящий момент полного безвластия и хаотического разъединения первым требованием всего народа, всех его классов и слоев должно стать создание и укрепление прочной правительственной власти, способной начать дело объединения и собирания русской земли. Национальная власть – таков краеугольный камень строительства России.

Но, отвечая нам, создать такую власть только и может Учредительное собрание «как единственный полномочный представитель всего народа, снимающий своей «общей волей» все частные воли, групповые интересы и местные притязания»¹. «Впитав в себя все животворные соки страны, сочетая силу морального авторитета с возможностью физического принуждения, Учредительное собрание – и только оно одно – сумеет создать необходимую для страны и революции власть, могучую и творчески деятельную». Если бы слова эти, принадлежащие г. Вишняку, были написаны год тому назад, они могли бы казаться бесспорными в своей отвлеченно-теоретической правильности. Кто станет отрицать, что Учредительное собрание, впитавшее в себя все жизненные соки страны, обладающее и моральным авторитетом, и силой физического принуждения, действительно может установить в государстве и власть, и порядок, и хорошие законы? Кто не согласится с тем, что общая воля, возвышающаяся над всеми частными волями, есть единственный источник настоящего законодательства? Все это как нельзя более правильно. Но какой горькой иронией звучат эти безупречные тео-

¹ См. статьи г. М. Вишняка в № 1 газеты «Народовластие» от 11–24 февраля 1918 г. Этот номер весь составлен из статей правого крыла революционной демократии (гг. Чернова, Церетели, Пешехонова, Мартова, Дана, Бунакова и др.), посвященных защите Учредительного собрания (прим. П. Новгородцева).

ретические определения, когда они высказываются сейчас в отношении к нашему Учредительному собранию, не только не обладающему моральным авторитетом и силой принуждения, но не имеющему даже и простой возможности где бы то ни было собраться. И нет никаких оснований ожидать, что обстоятельства изменятся в этом отношении к лучшему. Я могу еще допустить, что более или менее значительной группе членов Учредительного собрания удастся где-нибудь устроить общее совещание, но чтобы отсюда проистекла какая-либо польза для России – это едва ли вероятно. Не следует ли это и из статьи самого г. Вишняка? Не говорит ли он, что сейчас главная задача заключается в создании власти и что эту задачу приходится разрешать при том условии, что «гражданская война испепелила былой пафос русской революции». «Облетели цветы, догорают огни светозарной русской революции», – таково заключение г. Вишняка. Каким же чудом Учредительное собрание, хотя бы сплошь состоящее из представителей революционного социализма, восстановит облетевшие цветы и догорающие огни? Для того, чтобы верить в такое чудо, мало одной веры в народовластие: надо веру Робеспьера сочетать с верой Тертуллиана¹. И, как бы укрепляя наше неверие, в хоре голосов, требующих Учредительного собрания, с особой резкостью раздается самоуверенное слово г. Чернова: «Мы пресечем гражданскую войну между народами России и вызовем к жизни все силы трудовой России, тянущейся к солнцу свободы и социализма»². Тут от очень компетентного лица мы узнаем и о том солнце, которое должно освещать путь Учредительного собрания в его законодательной работе. Свет этого солнца слишком хорошо известен России для того, чтобы сомневаться в том, приведет ли он нас к гибели или к спасению.

По-видимому исходя из того, что у нашего времени нет «призвания к законодательству и юриспруденции» и что, в частности, нет этого призвания и у данного Учредительного собрания, некоторые полагают, что следует собрать Учредительное собрание только для того, чтобы оно поставило в государстве власть и затем себя распустило, отказавшись от законодательной деятельности.

Этот план самоупразднения Учредительного собрания не лишен большого остроумия и некоторого практического чутья. Но согласится ли на это большинство Учредительного собрания? А если согласится, как можно думать, что Учредительное собрание, само будучи бессильным, создаст власть действительно сильную и авторитетную? Упразднив себя и обнаружив таким образом собственное сознание в своей несвоевременности, не отнимет ли она и у власти, им созданной, всякое значение, кроме некоторых признаков формальной законности, столь мало говорящих нашему смутному времени? И какую власть поставит то Учредительное собрание, которое уже обнаружило известным для всех образом преобладающие в нем политические течения? Неужели опять те же Чернов и Церетелли, те же опыты гнилых коалиций и тот же призрак безвластной власти?

Публикуется по изданию:

Русские ведомости. № 42. 22 (9) марта 1918 г.

¹Тертуллиан (160 – после 220) – знаменитый богослов. Говоря о вере Тертуллиана автор имеет в виду его знаменитое высказывание «credo quia absurdum est» – «верю, ибо это нелепо».

²См. в том же номере «Народовластия» передовую статью за подписью г. Чернова (прим. П. Новгородцева).

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ ОЛЬМИНСКИЙ

ПУБЛИЦИСТИКА 1917 г.

СОСТАВ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОМИССИИ¹

Для выборов в Учредительное собрание необходимо выработать правила выборов, или закон о выборах. От того, каков будет этот закон, будет в значительной степени зависеть и состав Учредительного собрания. Для выработки закона о выборах образуется особая юридическая комиссия. На днях опубликован состав этой комиссии. По изложению в «Русских ведомостях», несколько путанному, видно, что состав юридической комиссии будет следующий. Всех членов 41. Из них:

1. Членов явно буржуазных:

По назначению Временного правительства – 10.

От явно буржуазных партий (националистов, центра, октябристов-земцев, октябристов-левых, прогрессистов и кадетов по 1) – 6.

От национальных групп (поляков, украинцев, евреев, литовцев, латышей, эстонцев, грузин, армян и мусульман по 1) – 9.

Итого из буржуазии – 25.

2. От сомнительных (в сущности буржуазных):

«Народных социалистов» – 1.

От Совета кооперативного съезда – 2.

3. От демократических групп, близких к крестьянам и рабочим:

От Совета рабочих и солдатских депутатов – 4.

От Совета крестьянских депутатов и Крестьянского союза – 2.

От партии трудовиков – 1.

От социалистов-революционеров – 1.

От с[оциал]-д[емократов] меньшевиков – 1.

От с[оциал]-д[емократов] большевиков – 1.

Итого от групп и партий, более или менее близких к крестьянам и рабочим – 10.

Возможно, что в мелочах есть ошибка в нашем распределении членов юридической комиссии. Но сущность дела ясна: комиссия будет буржуазной по составу. Ее проект закона о выборах в Учредительное собрание будет составлен в интересах буржуазии. Что Временное правительство и его агенты желают буржуазного

¹ Статьи были опубликованы в газете «Социал-демократ», № 35. 3 мая 1917 г. и № 72. 16 июня 1917 г.

закона о выборах – это естественно и понятно. Но если Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов примут без борьбы такой состав юридической комиссии, то это с их стороны будет началом самоубийства. Согласиться на такой состав юридической комиссии невозможно. Все демократические организации и Советы депутатов должны протестовать немедленно и энергично.

КОМУ ПРАВА?

Как только было опубликовано о составе юридической комиссии для выработки правил о созыве Учредительного собрания, мы тотчас указали, что примириться с таким составом невозможно: юридическая комиссия на три четверти составлена из представителей буржуазии, и только одна четверть ее членов может считаться более или менее близкой к рабочей и крестьянской массе. Теперь юридическая комиссия начала составлять проект, и уже обнаружилось, куда она клонит. Поднялся вопрос, кого следует лишить избирательного права. Зашла речь о бывшей царской фамилии, о Романовых. Демократические члены были против того, чтобы давать им право участия в выборах, а буржуазные за то, чтоб дать. Конечно, решено так, как желает буржуазия. Получит право и бывший царь, и его жена, и все родственники. Конечно, их немного, и их голоса мало значат. Но ведь они получают право не только избирать, но и быть избранными. Какой простор для агитации черной сотни! И разве мы не имеем примера во Франции, где избранный племянник Наполеона быстро превратился в императора?

Другой вопрос о дезертирах. Наша газета только что начала собирать сведения о причинах дезертирства. И уже выяснилось, что самовольно отлучаются солдаты не с фронта, где у них есть дело, а с тыла. Отлучаются из казармы многие из-за безделья, чтобы поработать на своем поле, помочь старикам. Таких – многие тысячи. Они взяли бы отпуск, да не дают. А сидеть в рабочую пору без всякого дела невольно искомному крестьянину. Он беспрекословно вернулся бы в казарму, когда понадобится, по первому требованию. И вот, вместо отпуска, его приравнивают к худшим вора и разбойникам, его лишают права участвовать в выборах в Учредительное собрание. Таким крестьянам-солдатам – тюрьма и бесправие. А царским родственникам и бывшему царю – все права. И все права тем купцам и помещикам, которые дезертировали в «работу на оборону».

Вот куда клонит буржуазия: побольше прав царским родственникам и прищепникам и поменьше прав всему народу. И вот эту-то политику покрывают меньшевики и эсеры, пославшие в правительство Скобелева, Церетелли и Чернова!

Сделан первый шаг к подтасовке Учредительного собрания, к тому, чтобы оно не было результатом всеобщего избирательного права. Новые шаги в том же направлении не заставят себя ждать. Как оценить после этого политику тех господ, которые проповедуют, что до Учредительного собрания земля должна оставаться в руках помещиков, главной опоры самодержавия?

Статьи публикуются по изданию:

Ольминский М.С. Сочинения. Том 2. М., 1935. С. 161–163, 192–193.

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЕШЕХОНОВ

ПРОВАЛИЛОСЬ ЛИ НАРОДОВЛАСТИЕ?

I

Полгода тому назад я начал статью для «Русского богатства» и за недосугом не кончил. Но тема, которой я намеревался посвятить ее, не только не утратила своего значения, но и приобрела еще более актуальный, как принято в таких случаях выражаться, характер. Больше того, теперь, когда я возвращаюсь к ней, она имеет уже злободневный интерес и вызывает остро-болезненное к себе отношение. И мне придется трактовать ее в других тонах – менее мягких, чем я думал сделать это шесть месяцев тому назад. Воспроизведу начало статьи, как оно было написано тогда.

Я писал:

«Да, вера поколеблена; у многих, быть может, даже расшатана... Я имею в виду веру в идеалы, к которым так долго стремилась русская интеллигенция, над осуществлением которых так самоотверженно боролась. И вот она к ним приблизилась, к некоторым подошла, можно сказать, вплотную. Подошла – и уже готова в ужасе отпрянуть: да это совсем не то, о чем она мечтала!

Народная воля... Таков был ближайший идеал, который она перед собой видела. Лишь достигнув его, она рассчитывала осуществить все остальные. Относительно этого идеала в ее среде было меньше всего разногласий. В борьбе за него ею было принесено больше всего жертв... Наконец, преграда, стоявшая на пути к нему, опрокинута.

Народная воля!.. Покойный Н.К. Михайловский¹ когда-то восхищался «поразительной внутренней красотой» русского слова «правда» – слова, какого «нет, кажется, ни в одном другом европейском языке», слова, в котором «истина и справедливость сливаются в одно неразрывное целое». В могучем русском языке имеются и еще такие слова, – и едва ли не самым красивым и содержательным среди них является «воля», особенно в сочетании «народная воля». Оно охватывает и свободу, и власть народа, – притом свободу, как мы привыкли представлять себе, наиболее полную, и власть, наиболее совершенную. Не в слове или сочетании только та и другая неразрывно связаны между собою, но и в самом существе

---

¹ Михайловский Николай Константинович (1842–1904) – социолог, публицист, критик, ведущий представитель т.н. либерального народничества.

своем: истинная свобода возможна ведь только при народовластии, и, наоборот, подлинное народовластие возможно только при свободе. Так мы всегда думали, в это верили, к этому стремились... И что же теперь перед нами открылось?

Вместо свободы – произвол и насилия; вместо народовластия – бесчинства и анархия... Есть от чего прийти в ужас. Самые твердые в вере могут поколебаться. Признаюсь, и у меня бывают минуты, когда хочется сказать: «Верую, Господи, но помоги моему неверию...».

Таково было начало моей статьи, задуманной еще летом минувшего года, начатой и не оконченной осенью. У меня, как публициста, была тогда склонность и готовность до известной степени поддаться сомнениям и колебаниям, какие все больше и больше захватывали русскую интеллигенцию, чтобы вместе с читателями пережить их, передумать и перечувствовать.

Эти сомнения и колебания при данных условиях представлялись мне вполне естественными, пожалуй, даже неизбежными, и, в конечном счете, не так уж страшными. Я понимал, конечно, что это – не легкая зыбь; не то небольшое волнение, какое остается на море после затихшего ветра. Тогда можно совсем бросить весла и руль, всецело отдаться этим, плавно поднимающимся и плавно опускающимся волнам, – они не разобьют лодки, не утонят ее вдаль. Она останется приблизительно на том же месте, и потом достаточно будет одного-двух ударов веслами, чтобы дать ей опять надлежащее направление. А пока – так приятно отдохнуть под этот неспешный ритм и тихий всплеск, помечтать, подумать. Мысли приходят и уходят, как волны, бегут плавно, легко, свободно, как облака в безбрежном небе...

Нет! Не с легкой зыбью – и я видел это – в данном случае приходилось иметь дело. Дул крепкий, порывистый ветер, вздымались и набегали одна за другой высокие, способные захлестнуть, волны. Опасность уже в ту пору, несомненно, была, и в душе быстро нарастала тревога. Но достаточно тверда еще была уверенность, что испытанный челн выдержит и что в среде русской интеллигенции, выдавшей уже виды, не разыграется паника. Нет! – думал я, – ценного груза, какой вверила ей история, за борт она не выкинет и курса в страну свободы, равенства и братства она не изменит. Что по пути туда «будет буря» – это ведь она предвидела; как «нелюдимо наше море», она знала...

Теперь мы проходим, видимо, самую бурную часть его; на нашу долю выпали, быть может, самые тяжкие испытания. «Надо претерпеть», – хотелось сказать мне читателям. И вместе с тем звать их к «спору» со стихией, к борьбе с ней. «Нельзя бросать весла и руль, надо изо всех сил налечь на них!» – такой нотой я думал кончить...

После того прошло полгода. Буря разыгралась вовсю. С бешеной злобой она треплет целую ладью русской интеллигенции, кидает ее, как щепку, грозит разбить вдребезги. Кажется, настал последний час...

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна...

Но где? в каком направлении? Да и есть ли она?

Сомнения уже прорвались. Голоса малодушия уже слышны.

– Напрасно выехали! – ропщут одни. Не туда правили! – кричат другие. – Кидай груз за борт! – командуют третьи.

Моя беседа с читателями в этих условиях, конечно, не может быть столь задушевной, какой она могла бы быть раньше. Волей-неволей мне придется сразу же прервать ее репликами в сторону тех, кто во всех бедах винит идеалы русской интеллигенции, кто спешит сам и зовет других отказаться от них...

II

«Пересмотр идеологии» уже начался... Между прочим, под таким заглавием в «Русских ведомостях» печатаются сейчас статьи г. Белоруссова¹. Приведу несколько выдержек из них, чтобы читатели наглядно могли видеть, как далеко уже зашло дело.

Свой «пересмотр» г. Белоруссов начинает с социализма, но останавливается на нем недолго, уделяет ему всего лишь несколько строчек. Это и понятно. Что социализм виновен и не заслуживает снисхождения, – это сотрудниками «Русских ведомостей» и, в частности, тем же г. Белоруссовым уже установлено. Кто желает ознакомиться с мотивами их приговора, может обратиться к другим статьям. Нас сейчас не социализм интересует и возвращаться к ним мы не будем. Достаточно сказать, что суровый приговор вынесен «Русскими ведомостями» с легким сердцем. Но и это понятно: газета никогда ведь социализма в своем багаже не числила, ну, а теперь и подавно. Чего тут разговаривать! Кидай его за борт. Однако этого, оказывается, уже недостаточно. В самом деле:

«Вся русская интеллигентная мысль, за исключением реакционного правого крыла, – пишет г. Белоруссов, – проникнута народолюбивым чувством и демократическими идеями, то близкими к социализму, то сливающимися с ним рядом малозаметных переходов. Русская прогрессивная демократическая мысль и революционный социализм – как две ветви одного общего символа – питались в значительной мере общими соками. Если поэтому революционный социализм расцвел ядовитым красным цветком, то какова в этом ответственность нашей несоциалистической, общеинтеллигентской мысли, всей нашей духовной и умственной культуры, над которыми трудились последние поколения?»².

Так г. Белоруссов ставит вопрос. Ответить на него «исчерпывающе», с точностью указать, какова ответственность «всей нашей духовной и умственной культуры», он «не претендует». Потом он, быть может, и доберется до корней, до почвы, откуда идут «общие соки». Но пока он ограничивается тем, что находится снаружи, что видно с первого взгляда. Ясно ведь, что недостаточно сорвать лишь «красный цветок». Только Гаршинский безумец мог думать, что вместе с «красным цветком» можно уничтожить все зло мира. Г[осподин] Белоруссов – не безумец;

¹ Белоруссов (Белевский) Алексей Станиславович (1859–1919) – публицист, журналист-народник, сотрудник газеты «Русские ведомости». Редактор екатеринбургской газеты «Отечественные ведомости», поддерживавшей Колчака.

² «Русские ведомости». 24 (11) марта 1918 г. (прим. А. Пешехонова).

во всяком случае, он берется за дело более основательно и считает необходимым оборвать обе «ветви общего символа», т.е. выбросить за борт не только социализм, но и демократизм.

Едва ли нужно говорить, что г. Белоруссов рассуждает в данном случае совершенно здраво. Действительно, социализм и демократизм очень близки друг к другу, прямо «сливаются рядом малозаметных переходов». И отделить их, оторвать один от другого не так-то просто. «Русские ведомости» это по себе знают. Газета немало за последние годы и месяцы потрудилась, чтобы, сохраняя демократизм, отмежеваться от социализма и придать своей идеологии не смутно-социалистический, а явно-буржуазный оттенок. И, тем не менее, до сих пор сбивается. Пишет, можно сказать, отходную за отходной социализму, – и вдруг: многая лета! За примерами далеко ходить нечего. Рядом со статьей г. Белоруссова, которую я только что цитировал, помещена статья Б. Савинкова, который, несмотря на «предательство, измену, малодушие, легкомыслие, празднословие, оплевание родины, непонимание свободы», – несмотря на все, в чем он обвиняет русских социалистов, поименно называя их, видимо, находит в себе силу сказать и пишет: «Да, верую в демократию, да, верую в грядущий социализм». Судите сами, что же в таком случае получается: в одном столбце «ядовитый цветок», а в другом столбце того же номера «да здравствует!..». Это, конечно, явное шатание; но еще труднее, поддерживая демократизм, удержаться от уклona, хотя бы и совсем малозаметного, в сторону социализма.

Суть в том, что связь между социализмом и демократизмом не механическая, а органическая. Прав, – повторяю, – г. Белоруссов, который утверждает, что ствол у них общий. Я бы не сказал только, что это – две ветви; надо просто сказать: это – одно растение, лишь в разных стадиях своего развития. Поэтому и все усилия избавиться от социализма, сохранив демократизм, заранее обречены на неудачу. Если вы насадите демократизм (в умах или в жизни – безразлично), то социализм сам собою уже появится. Если вы сорвете этот «красный цветок» или он почему-либо захиреет, то появится другой, – быть может ярче и больше прежнего. Последовательный демократизм неизбежно переходит в социализм, ибо логическим пределом и историческим завершением политического равноправия является и должно быть социальное равенство. С этим ничего не поделаешь – ни в теории, ни на практике...

При известном складе ума (или безумия, как в рассказе Гаршина) люди могут, конечно, думать, что в «красном цветке» сосредоточено все зло мира. Возможно, что у г. Белоруссова такой именно склад ума. Во всяком случае, по тем или иным соображениям он желает избавиться от социализма, но, как человек, рассуждающий здраво, он понимает, что суть не в цветке, а в растении. Чтобы добраться до него, он и считает необходимым «пересмотр идеологии», «так как не подлежит сомнению, – пишет он, – что вся русская интеллигенция десятки лет готовила почву для растения и ухаживала за ростом и развитием его, – ростом и развитием, который и увенчался расцветом красного цветка позора, унижения и разорения». Как видите, он винит русскую интеллигенцию – притом «всю», а не социалистическую только – именно за растение; цветок – это уже следствие...

Ополчиться против демократизма, конечно, не так легко, как против социализма. По крайней мере, до сих пор ни у кого, «за исключением реакционного правого крыла», как будто не хватало для этого решимости. У г. Белоруссова она нашлась – и именно теперь, в дни «позора и унижения». Одним из первых в так называемом «прогрессивном» лагере поднял он руку, чтобы, пользуясь постигшими демократизм неудачами, совершенно открыто бросить в него камнем. Он стремится, конечно, поразить его в самое сердце и направляет первый удар в идею народного суверенитета.

«Мы создали себе, – пишет г. Белоруссов, – вневременный, беспристрастный, абстрактный идеал неограниченного народоправства и как с писаной торбой разлетелись с ним к народу, не подготовленному к его восприятию: вот тебе неограниченные полномочия, учреждай! Он и учредил!

Но вместе с тем он наступил то лаптем, то рабоче-солдатским сапогом на народные же элементы, способные мыслить государственно и национально, и властно устранил их от общественно-политической роли – в этом и выразилось его неограниченное народоправство. За льстецами же и демагогами он пошел как послушное теля на веревочке. И когда благодаря этому от России остались одни осколки, – что же? Мы будем вновь повторять зады о народном самодержавии – Учредительном собрании?».

Ну конечно нет! – такого ответа, несомненно, ждет от читателей г. Белоруссов на свой риторический вопрос, которым он заканчивает статью. Нельзя же, в самом деле, этому неимоверно грубому и донельзя глупому народу предоставить всю власть! Конечно, она должна быть ограничена...

Кем? в пользу кого? в каких пределах? – этого г. Белоруссов не говорит. Возможны, как мы знаем, монархия и анархия, аристократия и плутократия... Все эти формы достаточно уже скомпрометированы, казалось бы, окончательно. Во всяком случае, у каждой из них бывали свои неудачи – и еще какие! Каждая приводила при тех или иных условиях к «позору, унижению и разорению». После каждой бывало, что от государства оставались лишь осколки. Какую из этих форм имеет в виду г. Белоруссов, мы не знаем. Не говорит он и того, кто эту форму для русского народа выберет. Белый генерал или центральный комитет какой-либо партии? И как он ее утвердит? Огнем и мечом или лестью и подачками? Загонит ли он «послушное теля» в выбранное им стойло кнутом репрессий или приведет его на веревочке демагогии?

Любопытно отметить, что и другие лица, участвующие в начавшемся походе против народовластия, как увидим дальше, об этом умалчивают, не говорят, чем же они намерены заменить народную волю, хотя бы только в момент установления облюбованной ими формы правления. Может быть, они не хотят раньше времени открывать свои карты; может быть, они и сами еще не знают, с какой пойдут масти, какие у них будут козыри. Пока ясно одно: народный суверенитет нужно выбросить...

Лиха беда начать, конечно... Покончив с «писаной торбой», с народным верховенством, г. Белоруссов идет дальше. «Всеобщее, прямое, равное»... «но и его надо применять во благовремени и с разумением».

«Опасно и нецелесообразно, – пишет г. Белоруссов, – давать взрывчатую гранату в руки несмышленишей, и столь же опасно и нецелесообразно вручать судьбу государства и ряда будущих поколений ребятам, которым впору играть в бабки... Отбор избирателей должен происходить тем тщательнее, чем более серьезные государственные вопросы зависят от «представителей народа». Ибо бессмысленно и преступно вручать судьбы народов и человеческой культуры троглодитам, каннибалам, готтентотам...¹

Не в пример «писаной торбе», народному суверенитету, «взрывчатую гранату» («народное представительство»), правда, заключенное уже в кавычки, г. Белоруссов, видимо, желает сохранить. Он только считает нужным подальше отодвинуть эту опасную штуку от «несмышленишей» и вместе с тем «троглодитов, каннибалов и готтентотов», другими словами, от того неимоверно грубого и вместе с тем донельзя глупого животного, которое называется народом: «Отбор способных стать у государственного дела, – пишет г. Белоруссов, – совершенно необходим...».

Кем должен производиться этот «отбор»? в каких пределах? какими способами или по каким признакам? – и этого г. Белоруссов прямо не говорит. Он упоминает и о многостепенности выборов, и о множественности вотумов, и о возрастном, образовательном или «ином» цензе... Разные-де имеются способы отбора, но это мы и без г. Белоруссова знали. А какой он считает нужным – неизвестно.

Упомянув про разные способы, он как будто хочет намекнуть, что, может быть, найдет достаточным отказаться лишь от прямого голосования (многостепенность выборов); но, может быть, он найдет нужным выбросить и равенство избирательного права (множественность вотумов); возможно, что он не пощадит и его всеобщности (тот или иной ценз). Пока он ко всему готовит. Возможно, что в результате предпринятого им «пересмотра» от «всеобщего, прямого, равного» ничего не останется...

Г[осподин] Белоруссов спешит при этом уверить, что он проектирует отбор «не во имя классовых интересов «господствующих» слоев общества, а во имя высочайших государственных и национальных интересов». Не имеем никаких оснований в этом сомневаться. Охотно верим, что он желает лишь отобрать «народные элементы, способные мыслить государственно и национально», чтобы их и приставить к государственному делу. Но как это сделать? Естественнее всего, казалось бы, воспользоваться для этого образовательным цензом. Закроем глаза на то, что этот ценз доступен по преимуществу имущим классам. И за всем тем, даже встав всецело на точку зрения г. Белоруссова, мы не можем забыть, что именно интеллигенция выходила «ядовитый цветок»; как бы опять она не увлеклась «народолюбивым чувством» и не уклонилась в сторону демократизма и социализма! Может быть, г. Белоруссов рассчитывает, что теперь, после «пересмотра», ее идеология получит другой уклон. Но чтобы вся интеллигенция перешла при этом на новую позицию – на это едва ли надеется и сам г. Белоруссов. Очевидно, и в ее среде нужен будет «отбор». Необходим и неизбежен возрастной ценз, – говорит г. Белоруссов. Конечно, необходим. Но и он едва ли в данном случае поможет. Не

¹ «Русские ведомости», 27 (14) марта 1918 г. (прим. А. Пешехонова).

забудем, что русская интеллигенция «десятки лет готовила почву для растения, ухаживала за его ростом и развитием...». Легко понять, что чем дольше люди занимались этим делом, тем труднее оторвать их от него. Пожалуй, среди молодежи г. Белоруссов скорее найдет себе адептов, возможно ведь, что «молодые, да ранние», как их принято называть, появятся теперь в изобилии. Но не думает же г. Белоруссов применить возрастной ценз наоборот – ведь это значило бы наряду с «молодыми, да ранними» призвать к государственному делу и «ребят, которым впору играть в бабки». Очевидно, для отбора придется прибегнуть к «иному» цензу, который г. Белоруссов дипломатично не называет. Но люди с этим «иным» цензом уже обязательно внесут в государственное дело свой классовый интерес. Конечно, этот интерес будет совсем не тот, какой склонны вносить социалисты. Но ведь не для этого же – не для того, чтобы один интерес заменить другим, г. Белоруссов предпринял свой «пересмотр»? А между тем он уже выбросил за борт народный суверенитет, поднял руку на политическое равноправие... Когда я пишу эти строки, он еще не кончил пересмотра. Вероятно, дальше он возьмется за «свободы», и если сохранит их, то разве только для избранных. Одно с другим неразрывно ведь связано. И тогда в том углу русской общечеловечности, где он теперь хозяйничает, ничего от «народной воли» не останется...

III

Читатели вправе, конечно, спросить, почему я уделил так много внимания г. Белоруссову. Некоторые припомнят, быть может, другого писателя, ныне уже покойного, Мих. Энгельгардта. В 1905–1906 гг. он выступал как социалист-революционер, притом самый крайний, – писал максималистские статьи. А потом, когда революция провалилась, он и заявил: «Фефела!». Это – по адресу русского народа, перед которым он только что преклонялся. Велика, – говорит, – Федора, да дура... Бывают такие неуравновешенные люди, которым ничего не стоит от одной крайности перейти к другой; потом они и опять могут перебежать. Тот же Мих. Энгельгардт – доживи он до наших дней – был бы, может быть, теперь большевиком или «немедленным социалистом». Стоит ли на таких писателей, – скажут, быть может, мне, – обращать внимание? Не подорвал веры в русский народ Энгельгардт, не подорвет ее и г. Белоруссов...

Мне кажется, однако, что по отношению к последнему более уместна другая параллель. Я бы сравнил его с боярышней, перед теремом которой Поток-богатырь триста лет тому назад цветок сорвал и которому он был тогда обруган, – можно сказать, теми же самыми словами, из того же лексикона, какими ругает его теперь г. Белоруссов: «поросенок, теленок, свинья, эфиоп...».

Кабы только не этот мой девичий стыд,
Что иного словца мне сказать не велит,
Я тебя, прощельгу, нахала,
И не так бы еще обругала!¹

¹ Из стихотворения А.К. Толстого «Поток-богатырь».

Но и эта параллель не дает ответа на поставленный вопрос. Боюсь, что она еще собьет читателей и они, пожалуй, примут г. Белоруссова за боярышню XVI–XVII столетия. Но эту «боярышню» нужно искать в наши дни в «крайнем правом, реакционном лагере». Тут же перед нами нечто другое...

Если не ошибаюсь, в своих статьях мне приходится упоминать о г. Белоруссове впервые. Но постоянным читателям «Русского богатства» это имя должно быть все-таки знакомо. Несколько лет тому назад в нашем журнале были помещены три-четыре его статьи-корреспонденции из Франции. Предполагалось и постоянное сотрудничество, но таковое не наладилось. В «Русских ведомостях» же г. Белоруссов за последние десять лет является постоянным и видным сотрудником – раньше в качестве корреспондента из Франции, а теперь – как писатель на общественно-политические темы.

Писатель он бойкий и талантливый. Но в моем представлении о нем есть одна особенность: г. Белоруссов из «Русских ведомостей», на мой взгляд, имеет что-то общее с г. Изгоевым¹ из «Речи», и я попробую это общее формулировать.

Дело не в том только, что оба они пришли в к[онституционно]-д[емократические] газеты слева: один – от марксизма, другой – от более радикального народничества; пришли со стороны – и чувствуют себя как дома; больше того: выступают патриотами своего нового отечества и притом чуть ли не самыми правыми. Это бывает, и если я отмечаю данное обстоятельство, то только потому, что оно находится до известной степени в связи с тем представлением, какое у меня сложилось об этих писателях.

Г[осподин] Изгоев производит впечатление человека, уязвленного народничеством. Та борьба между народничеством и марксизмом, в которой он принимал в свое время участие, со стороны последнего давно уже затихла, а г. Изгоев все не может успокоиться. Он не упускает случая чем-нибудь и как-нибудь уязвить своего прежнего противника; как будто все время даже высматривает такие случаи. При этом он часто действует невпопад: поднимает вопросы, давно утратившие значение, припутывает иногда народничество ни к селу ни к городу, теряет подчас самообладание... Тем виднее, что им руководит не только общественный интерес, но и личное чувство.

Г[осподин] Белоруссов производит – и чем дальше, тем больше – впечатление такого же уязвленного человека, уязвленного кем-то или чем-то от социализма и демократизма, и как будто ищет случая, чтобы свести с ними счеты.

В общественной жизни бывают периоды, когда такие именно люди появляются на авансцене. Может быть, примесь личного чувства дает им ту смелость, чтобы выступить в такие моменты на первый план, какой не хватает у других. Может быть, даже не столько смелость тут сказывается, сколько настороженность, готовность при первом же подходящем случае перейти в наступление.

Такой именно случай теперь представился для противников социализма и демократизма. Если бы дело было только в г. Белоруссове, то можно было бы пройти мимо. Но он только больше других выдвинулся вперед, а за ним имеются

¹ Изгоев (Ланде Арон) Александр Соломонович (1872–1935) – историк, социолог, общественно-политический деятель, член ЦК партии кадетов.

и видны уже другие.

Прежде всего – «Русские ведомости». Газета – умеренная, но в приверженности которой к демократизму до сих пор можно было не сомневаться. Правда, «Русские ведомости» теперь, при г. Мануйлове¹, хотя не все это замечают, не совсем то, чем они были при Соболевском² и тем более при Посникове³. Понемногу, но уже давненько они выкидывали из своего багажа народничество, поскольку оно там имелось, и заменяли другим грузом, который все больше и больше давал газете уклон, не совсем совместимый с последовательным демократизмом. Несколько лет тому назад, когда столыпинское «землеустройство» торжествовало, казалось, победу над всеми другими течениями в аграрном вопросе, г. Мануйлов собственными руками втащил в газету груз личной земельной собственности, выбросив вместе с тем из нее не совсем определенное, но достаточно благожелательное отношение к собственности коллективной, какое проявляли прежде «Русские ведомости». Я тогда же этот факт отметил на страницах нашего журнала. Можно было бы напомнить и еще кое-какие факты в том же духе, хотя и менее значительные... Как бы то ни было, демократизма «Русские ведомости» из своего багажа до сих пор не выбрасывали. И только теперь они дошли до этого, выбросив руками г. Белоруссова народный суверенитет и всеобщее избирательное право.

Статьи г. Белоруссова появились в «Русских ведомостях» без всякой оговорки со стороны редакции. Нельзя поэтому думать, что последняя лишь предоставила своему постоянному сотруднику место в газете, не разделяя сама его мнений. Несогласие редакции с сотрудником по такому кардинальному вопросу было бы, конечно, оговорено. Необходимо также отметить, что за два дня до того, как г. Белоруссов начал в «Русских ведомостях» свой «пересмотр идеологий», в той же газете появилась статья П. Новгородцева⁴ «Мечта и действительность в вопросе об Учредительном собрании». Она написана в несравненно более мягких тонах, чем статьи г. Белоруссова, и направлена не столько против самой идеи Учредительного собрания, сколько против данного Учредительного собрания – того, которое предполагалось созвать 28 ноября, которое попыталось собраться 5 января и дальнейшая судьба которого не вполне еще определилась. Относительно идеи Учредительного собрания г. Новгородцев высказывает кое-какие сомнения – главным образом, со стороны ее осуществимости, но в достаточно мягкой форме.

«История прошлого, – говорит он, – показывает, что удача Учредительных собраний есть дело чрезвычайно редкое. Не всегда и не везде умиротворение потрясенной страны совершается этим путем; скорее следует сказать, что в условиях революционных потрясений это путь, наименее доступный, сколько бы ни представлялся он желательным»⁵.

¹ Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929) – экономист, член ЦК партии кадетов, министр народного просвещения Временного правительства.

² Соболевский Василий Михайлович (1846–1913) – журналист, с 1882 г. издатель газеты «Русские ведомости».

³ Посников Александр Сергеевич (1846–1921) – экономист, один из редакторов газеты «Русские ведомости» (1886 – 1897).

⁴ Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) – юрист, философ, профессор Московского университета.

⁵ «Русские ведомости». 22 (9) марта 1918 г. (прим. А. Пешехонова).

Зато против данного Учредительного собрания г. Новгородцев высказывается совершенно определенно, хотя и заканчивает свою статью, как и г. Белоруссов, риторическим вопросом:

«Какую власть, – спрашивает он, – поставит то Учредительное собрание, которое уже обнаружило известным для всех образом преобладающие в нем политические течения? Неужели опять те же Чернов и Церетелли, те же опыты гнилых коалиций и тот же призрак безвластной власти?».

Таким образом, определенному отрицанию народного суверенитета, с чем выступил г. Белоруссов, в «Русских ведомостях» были предпосланы сомнения насчет осуществимости Учредительного собрания вообще в условиях революционных потрясений и не менее определенное отрицание данного Учредительного собрания. Таким образом, позиция, которую занял г. Белоруссов, до известной степени была уже подготовлена в газете.

Можно думать, что в своей статье г. Новгородцев выразил не только свое личное мнение, но и мнение некоторых общественных кругов, притом более широких, чем газетная редакция. По крайней мере, я, проживая в Москве, уже за два дня – притом не из литературных кругов – слышал, что в «Русских ведомостях» появится статья г. Новгородцева указанного содержания. А за три дня до ее появления в «Утре России» была напечатана статья проф. Устинова под заглавием: «Крах идеи Учредительного собрания». Автор ее, к слову сказать, немало потрудившийся, чтобы популяризировать идею Учредительного собрания в первые месяцы революции, отрицает ее теперь, по крайней мере, в применении к России, не менее решительно, чем г. Белоруссов.

«От Учредительного собрания в России, – пишет г. Устинов, – не осталось ровно ничего. Его идея потерпела полный крах... Только неисправимые партийные филистеры могут еще не сознавать, что в России нет и не было почвы для подлинного Учредительного собрания... По воле народа создать совершенный демократический строй на другой день после свержения абсолютизма невозможно по той простой причине, что никакой воли, направленной к определенной государственной организации, в политически безграмотной массе нет и быть не может... Можно ли массу, еще не сознавшую необходимости и желательности связи своей с русским государством, призывать к государственному строительству? Неудивительно, что проделанный опыт окончился столь жалко. И выборы в Учредительное собрание, и состав его, работа его и разгон его – все это свидетельствует, до какой степени русский народ еще не созрел до учредительной власти»¹.

«Можно было это предвидеть», – пишет г. Устинов. И, конечно, он, специалист по государственному праву, так уверенно пишущий теперь, что в «России нет и не было почвы для подлинного Учредительного собрания», мог это предвидеть лучше, чем кто-либо другой. Однако вот не предвидел... Да и теперь – не лишне отметить эту характерную мелочь – г. Устинов, как и г. Новгородцев, как и г. Белоруссов, заканчивает свою статью не решительным отрицанием, а вопросительным знаком: «Надо ли повторять, – пишет он, – этот тягостный опыт для нового подтверждения и без того очевидной истины?». Вопрос, конечно, риторический. Но

¹ «Утро России». 19 (6) марта 1918 г. (прим. А. Пешехонова).

нет ли тут и еще чего-нибудь, кроме риторики? Не остается ли у г. Устинова, равно как и у других, обнаруживших в данном пункте склонность к риторике, хотя маленького сомнения в «очевидной истине»? Оставляя вопрос без прямого ответа, не желают ли они, быть может, совершенно инстинктивно, сами не давая себе в том отчета, сохранить мостик на случай возможного отступления? Как бы, в самом деле, не пришлось еще г. Устинову вновь писать или переиздавать свои брошюры об Учредительном собрании?

Но оставим это... После сказанного, я думаю, читателям ясно, что мы имеем в данном случае дело не с индивидуальным выступлением г. Белоруссова, а с целой кампанией, которая началась против демократизма¹. Меня интересует, конечно, не г. Белоруссов, высунувшийся вперед, – у него могут иметься для этого свои побуждения, и не «Русские ведомости», уже давно начавшие движение в данном направлении, и даже не политические группы, принимающие сейчас в этом походе участие. Я знаю, что политические партии силою обстоятельств вынуждены бывают иногда менять свои тактические позиции, и от их искусства зависит, чтобы при этом не зайти слишком далеко и не растерять свой идейный багаж, а вместе с тем и прежних своих сторонников. Но с политическими партиями на их новых позициях мы еще встретимся, и что они, совершая тактическое движение, потеряли и приобрели, еще увидим.

Начиная статью, я имел в виду не те или иные политические вопросы, а душевный процесс, какой переживает сейчас русская интеллигенция. Меня беспокоит, как бы ее не охватила паника, – особенно теперь, когда в ее среде появились люди, которые, руководясь, быть может, особыми соображениями, начинают выкидывать свой и ее идейный багаж за борт. Мне хочется, как я уже сказал, вместе с читателями продумать их сомнения, пережить их колебания. К этому я и возвращаюсь.

IV

Остановимся прежде всего на Учредительном собрании – именно на данном Учредительном собрании, которое многих сбивает с толку и является теперь если не яблоком раздора, то предметом разногласий между политическими партиями.

Одни считают его мертворожденным и смотрят на него как на труп, который остается лишь закопать в землю. Ни на что другое – говорят они – пригодиться оно не может, что бы оно из себя ни представляло, во всяком случае, это – уже пройденный этап в народной жизни. Другие верят в то, что оно возродится и поможет возрождению России, склонны даже видеть в нем единственную и чуть ли не последнюю надежду. Одни, не желая примириться с данным Учредительным собранием, чтобы начать борьбу даже с идеей народовластия. Другие, опасаясь, чтобы идея народного суверенитета не потерпела крушения, считают необходи-

¹ Моя статья была уже написана, когда появился первый номер новой еженедельной газеты «Накануне», видимо, задающей целью обсуждать эту кампанию. В числе ближайших сотрудников этой газеты мы находим и г. Белоруссова, и г. Устинова, и г. Новгородцева... Очевидно, мы имеем дело с какой-то группой, быть может, с политическим новообразованием (прим. А. Пешехонова).

мым защищать данное Учредительное собрание как ее носителя.

Таковы пределы имеющихся разногласий – пределы, в сущности, не очень широкие. Я не знаю ни одной политической партии, которая готова была бы отстаивать данное Учредительное собрание как безусловную ценность, которая была бы уверена, что оно будет «полновластным хозяином земли русской», которая не сомневалась бы в его силе и способностях, которая не видела бы его недостатков. Если этого некоторые не говорят, то по тактическим соображениям. Прежде всего не хотят лишиться лозунга в борьбе с большевиками. Те говорят: «Вся власть Советам!». А с этой стороны отвечают: «Вся власть Учредительному собранию!». А какому Собранию, может ли таковым быть данное Учредительное собрание, лучше не говорить, чтобы не осложнять своей позиции. Иначе ведь на митингах и в печати придется давать ответы и объяснения, не всегда для нас удобные. Так рассуждают политические деятели, приписывающие «лозунгам» особо важное значение и привыкшие действовать ими, не вскрывая их конкретного содержания, предоставляя каждому понимать их по-своему. А, кроме того, и рано, – прибавляют некоторые из них, – идти на компромисс. Имея Учредительное собрание, состоящее в громадном своем большинстве из социалистов, мы еще можем поторговаться с буржуазией. Потом увидим, что придется уступить, а пока нет оснований отказываться от этой карты. Неизвестно ведь, как развернутся события, возможно, что данное Учредительное собрание окажется в состоянии сделать гораздо больше, чем это позволительно теперь думать. Зачем же заранее отказываться от этой возможности? Подобные речи мне приходилось слышать, например, от меньшевиков... Нет ничего невероятного, что и с другой стороны рассуждают примерно так же: потом посмотрим, быть может, уступим, признаем в тех или иных пределах и это Учредительное собрание, а пока, чтобы не связывать себя, будем считать его как бы не существующим...

Для нас все эти тактические соображения и расчеты политических партий не могут в настоящий раз иметь значения. Нас ведь интересует не политическая проблема, не то, как ее лучше разрешить, а душевный процесс, какой переживает русская интеллигенция, и то, как его облегчить. Поэтому все политические расчеты и соображения мы можем просто откинуть. Взглянем на данное Учредительное собрание, как оно есть, не задаваясь мыслью, как бы его получше использовать или как бы от него поосновательнее избавиться.

Несомненно, дефектов у него очень много. Начну с наиболее видного и бесспорного.

По своему составу данное Учредительное собрание является далеко не полным, настолько неполным, что говорить о нем как о всероссийском мы даже не вправе. Выборы не везде были закончены, а там, где они состоялись, их результаты не везде приведены в известность. Эта работа была прервана большевиками, и закончить ее, быть может, в некоторых случаях уже немислимо. Но этот ущерб не так еще важен. Гораздо важнее другое.

Большевики и левые [социалисты]-р[еволюционеры], составляющие свыше трети Учредительного собрания, ушли из него, и после того, что они с ним сделали, возврат их в то же Учредительное собрание представляется чем-то прямо

противоестественным. А без них – свыше трети народа в Учредительном собрании окажется непредставленным.

Депутаты-украинцы, как известно, в Учредительное собрание не явились, прислали лишь небольшую делегацию. А теперь, когда Украина «самоопределилась», заключила не только мир, но и союз с центральными державами, правильнее сказать – попала в вассальную от них зависимость, могут ли депутаты-украинцы считаться членами Учредительного собрания? Могут ли быть таковыми эстонские депутаты, латышские, бессарабские, крымские, новороссийские, белорусские, псковские? А без них – какое же это Всероссийское Учредительное собрание?

Нам говорят, что от этого Учредительного собрания остались лишь «охвостья», что оно независимо даже от того, признавать или не признавать его разгон большевиками, уже дезорганизовано и восстановить его немыслимо... Надо сказать, что я отметил наиболее определившиеся дефекты в его составе. Но возможны и другие. Так, к открытию Учредительного собрания 5 января не явились казаки, не явилась к[онституционно]-д[емократическая] фракция, не явился целый ряд других видных членов его (начиная с Керенского). Представьте себе, что и вновь многие не явятся – потому ли, что не смогут, или потому, что не захотят, а ведь это возможно со стороны целых фракций, не желающих признавать данное Учредительное собрание. Что же тогда от последнего останется? Даже не «охвостья», а просто одна фракция с[оциалистов]-р[еволюционеров] с кое-какими незначительными и случайными к ней придатками. Да и относительно фракции с[оциалистов]-р[еволюционеров] нельзя сказать, что она из себя представит. Время ведь идет, а время – самый неуклонный дезорганизатор всякого института, находящегося в состоянии анабиоза. Одни члены фракции с[оциалистов]-р[еволюционеров], быть может, уже умерли, другие – махнули рукой на политику и ушли в частную жизнь. Тех и других можно, конечно, заменить – закон это позволяет – следующими по спискам той же партии лицами. Но ведь так дело пойдет, пожалуй, до «последней», до людей совершенно неведомых, включенных в кандидатские списки лишь «на затычку», а таких людей, как известно, было особенно много в списках именно Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]... Можно ли положиться, что Учредительное собрание в таком, всячески ущербленном составе, выразит мысль и волю русского народа?

Немало сомнений данное Учредительное собрание возбуждает и с другой стороны... Избрано оно – если мы примем во внимание тот темп, каким идет теперь жизнь, уже давно, еще более давно были заявлены кандидатские списки. После того произошел ряд событий, совершенно исключительных. Группировка общественных сил существенно изменилась, произошли, несомненно, крупные перемены и в настроении избирателей. Если бы выборы произвести теперь, то они, конечно, велись бы с совершенно иными лозунгами, на них фигурировали бы уже не прежние кандидатские списки, и результаты выборов были бы совершенно иные. В этом нельзя сомневаться, и никто оспаривать этого, вероятно, не будет.

Даже в обычных условиях, при совершенно установившихся отношениях нередко возникает потребность обратиться к стране проверить мысль и волю изби-

рателей при помощи новых выборов. Английский парламент, как известно, почти всегда распускался до истечения семилетнего срока своих полномочий. Мы живем теперь таким темпом, что месяц приходится считать больше, чем за год, чуть не за век. Во всяком случае, семь последних месяцев – это куда больше, чем семь лет в обычной жизни английского народа.

Насколько и в каком направлении изменились мысль и воля избирателей – мы в точности, конечно, не знаем и без новых выборов узнать не можем. Но мы знаем кое-что о том, как изменились и даже чему изменили люди, выбранные в свое время в Учредительное собрание. Напомню одно очень яркое в этом отношении явление, произошедшее еще до окончания выборов, – явление, на которое я тогда же в печати указал. В списках, заявленных Партией с[оциалистов]-р[еволюционеров], по многим местностям правые с[оциалисты]-р[еволюционеры] были перемешаны с левыми. А затем, прежде чем выборы произошли, партия раскололась. Люди, которые пошли на выборы рука об руку, вступили в борьбу между собою чуть не на смерть. Переменить списки было уже нельзя, отказаться от них у партии не хватило духу или еще чего-то. На выборах эта партия получила абсолютное большинство, но ведь мы так и не знаем, за какую партию эти голоса были поданы – за левых с[оциалистов]-р[еволюционеров] или правых?.. И после того в людях и в позициях, какие они занимали и занимают, происходили, конечно, перемены, порой очень существенные. Некоторые – и мы знаем таких – из интернационалистов сделались как будто патриотами, другие – с классовой точки зрения перешли на государственную, третьи, наоборот, раньше были сторонниками всенародной власти, а теперь являются приверженцами классовой диктатуры... Я не знаю, выставлялись ли где на выборах в Учредительное собрание кандидатами гг. Белоруссов и Устинов, но если выставлялись, то, конечно, как сторонники народовластия. А теперь они ведут поход против него. Тогда они не были выбраны и, по-видимому, не были даже выставлены. А теперь – за то, что они были бы выбраны, я не поручился бы, но их непременно, конечно, выставили бы. Те группы, для которых они сделались идеологами, несомненно, об этом позаботилась бы.

Может ли данный состав Учредительного собрания выразить теперь мысль и волю страны – мы не знаем. По меньшей мере, это очень сомнительно. Надо, однако, сказать, что в этом приходилось сомневаться и раньше – тотчас после выборов. В настроении Учредительного собрания, когда оно только еще собиралось, был, несомненно, крупный изъян. В нем совсем не чувствовалось воли к власти и вовсе как будто не было чувства ответственности перед народом. Выше я упомянул, что некоторые члены Учредительного собрания, даже целые фракции не явились к его открытию, не присутствовали в этот самый ответственный, быть может, момент в жизни верховного органа народной воли. Как это могло быть? Говорят: не рисковать же им было своей жизнью! Позвольте! Если они взяли действовать именем народа, осуществлять его волю, то о своей личной жизни, о собственном самосохранении они могли бы и не думать. Если от граждан можно требовать мужества – мужества, доходящего до самозабвения, то именно в такие моменты и на таких постах. И этого мужества проявлено не было. Не обнаружи-

ли должного мужества и те депутаты, которые в Учредительное собрание явились, – иначе ведь разгон последнего большевиками не дался бы им так легко и не обошелся бы так «дешево»...

С не меньшею наглядностью уже обнаружилось, что данное Учредительное собрание не имеет надлежащей силы и надлежащей воли, чтобы противопоставить себя узурпаторам государственной власти. Ведь ни малейшей попытки – ни тогда, когда Собрание открылось, ни потом, в течение долгих месяцев, – взять власть в свои руки им сделано не было. Что так будет, это уже раньше чувствовалось; не к тому, чтобы взять власть, собиравшиеся депутаты готовились. Они были озабочены тем, как бы «укрепить» Учредительное собрание, что и рассчитывали сделать при помощи «лозунгов». А о том, что они сразу же должны проявить народную волю, даже как будто и не думали. И такой воли – воли непреклонной и действенной, – очевидно, в себе они не чувствовали...

Почему?.. Не виновных я ищу и не в обвинение кому-либо я все это пишу. Я понимаю, конечно, что дело тут не в личных свойствах тех или иных депутатов, что в данном случае действовали более общие и глубокие причины. Я не сомневаюсь, что при других обстоятельствах, при ином общем настроении тот же Керенский явился бы в Учредительное собрание, чтобы дать ему отчет в действиях Временного правительства; явился бы и Каледин¹, явился бы и Набоков – явились бы хотя бы для того только, чтобы умереть, выполняя свой долг перед народом. Не сомневаюсь я, что в зале Учредительного собрания среди явившихся к его открытию депутатов при других обстоятельствах нашлось бы немало людей, способных проявить решительность и готовых идти на самопожертвование за народное дело. Но ни этой решительности, ни этой готовности проявлено все-таки не было...

Почему?.. В явлениях коллективной психологии мы многого до сих пор не понимаем, много еще в ней для нас темного и загадочного. Но одну из основных причин этого, по меньшей мере, странного для Учредительного собрания настроения – его безволия и внутреннего бессилия, – мне кажется, указать все-таки можно: ее следует искать в тех условиях, при каких происходили выборы, и в том, как они производились.

Выборы происходили в исключительной, совершенно невозможной обстановке, в предчувствии и под шум большевистского переворота, когда внимание граждан и политические силы страны были отвлечены совсем к другим вопросам. Предвыборной агитации, можно сказать, не было, во всяком случае ту, которая велась, нельзя сравнить по ее размерам даже с агитацией при выборах в первую и вторую Гос[ударственные] думы, хотя и тогда было не бог весть что. Предвыборные собрания, по общему правилу, если и устраивались, то в совершенно недостаточном количестве, чтобы пропустить через них сколько-нибудь значительную часть избирателей и заинтересовать их предвыборной борьбой. Предвыборной литературы было мало и распространялась она очень слабо; газеты избирательной кампанией почти не интересовались и не занимались. Политические деяте-

¹ Каледин Алексей Максимович (1861–1918) – военачальник, генерал от кавалерии (1916). С 1917 г. атаман Донского казачьего войска и глава войскового правительства.

ли, выставленные кандидатами от центров, за единичными исключениями даже не выезжали на места – им было не до того, они были заняты другими делами и заботами. Да и местным деятелям нередко было не до выборов. Я уже не говорю о расстройстве в сношениях – телеграфных, почтовых, железнодорожных – при каком должна была идти избирательная кампания. Не буду говорить и о репрессиях и всяких эксцессах – едва ли еще при каких выборах они отливались в такие формы и достигали такого количества... Оглушенное и сбитое с толку большевистским переворотом, напуганное в одной части репрессиями и всякими напастями, а в другой – взбудораженное несбыточными обещаниями и неизведанными перспективами, лишенное возможности уяснить себе, что происходит и за кем лучше идти, население не могло, конечно, сознательно и обдуманно отнестись к выборам, сказать в них, что оно думает и чего хочет.

Прибавьте к этому «самый совершенный избирательный закон»... Массе избирателей, не усвоившей еще толком политической арифметики, было предложено выразить свою мысль и волю в алгебраической формуле. Она должна была иметь дело не с конкретными, а с абстрактными величинами. Ей приходилось голосовать не за лиц, а за партии, за их программы, которых она, в сущности, не знала и которые за время избирательной кампании ей разъяснены не были. В действительности она голосовала за «номера», часто вовсе не давая себе отчета, что каждый из них значит.

Ответ должна была дать личность – в ней ведь первоисточник мысли и воли народной. Но эта личность, едва лишь поднимающаяся в народных низах и далеко еще не окрепшая, впервые лишь выступающая на политическую арену, чувствующая себя вообще робко и нерешительно, в описанных условиях, естественно, должна была растеряться и спряталась за массу.

Приходилось ли вам бывать на экзаменах в сельской школе? Если приходилось, то вы, конечно, знаете, как много значит обстановка, в какой они происходят. Если вы войдете в класс спокойно, ласково объясните ученикам, чего вы от них ждете, какое значение будут иметь их ответы, и начнете их спрашивать серьезно, но просто, в возможно доступной для них форме, то экзамен пройдет блестяще. После нескольких вопросов с вашей стороны и более или менее удачных ответов с их стороны эта кучка ребятишек оживится, у них заблестят глазенки, каждому захочется отличиться и все они наперебой будут стремиться вам ответить. Некоторые, быть может, будут отвечать невпопад, но в общем вы всецело будете удовлетворены их смышленностью, их толковостью, их знаниями... Но если экзаменатор ворвется в школу с шумом и криком, если на улице будет продолжаться вызванная его приездом суматоха и еще начнется ювый скандал, который будет все время отвлекать внимание школьников, если экзаменатор, ничего не объяснив толком, начнет предлагать отрывистые вопросы и еще в самой замысловатой форме, как бы нарочно, чтобы срезать экзаменующихся, ну, тогда пиши: пропало. Ребятишки растеряются и окажутся не в силах сосредоточить внимание на том, что их спрашивают, никто из них не высунется вперед, все собьются в кучу, один будет стараться спрятаться за другого. Сколько-нибудь толковых ответов от них уже нельзя будет добиться, школа неизбежно провалится...

Это, приблизительно, и произошло на экзамене, каким явились для русского народа ноябрьские выборы в Учредительное собрание... Граждане как раз перед самыми выборами были ошарашены, внимание их все время рассеивалось, вопрос им был предложен в замысловатой форме, и они оказались не в состоянии толково на него ответить. Личность в массе спряталась, отвечали не граждане, а безличные толпы, отвечали все скопом. Так было во многих деревнях, в казармах, а кое-где и на фабриках сообща решали, какой подавать «номер», и не позволяли никому от этого отступать, даже уничтожали все остальные списки, чтобы не вышло какой ошибки. И личность не протестовала, своих прав не отстаивала, напротив, охотно пряталась за других.

Так шли выборы... Конечно, мы и не вправе были рассчитывать, что они будут происходить при общем спокойствии, пройдут без сучка и задоринки. Не в такое время мы живем, да и нигде – даже при обычных условиях – этого не бывает. Шероховатости неизбежны. Но тут ведь было, как я уже сказал, нечто исключительное, совершенно невозможное... Во всяком случае до первоисточников народной мысли и воли – и это мы прямо должны сказать себе – мы не добрались, и уже поэтому Учредительное собрание не могло явиться тем стремительным и мощным потоком, который способен все снести на своем пути и который, во всяком случае, скорее разобьется, чем остановится в своем беге. Если Учредительное собрание не было таковым в самом начале, то едва ли оно может сделаться таким теперь, после того, как оно всесторонне «ущерблено», течение его остановлено и оно долгое уже время представляет из себя – да извинят меня деятели, принадлежащие к его составу, – застоявшуюся лужу.

Я знаю, что мне скажут: но ведь ничего лучшего у нас нет и в ближайшее время быть не может; нужно этим, как-никак представительным и всероссийским собранием воспользоваться... Да, и я думаю, что им можно воспользоваться – не для переустройства России по мысли и воле народной, для чего оно не годится, а для санкции государственной власти, которая, очевидно, помимо него должна будет сложиться. Такая санкция поможет упрочению государственной власти и вместе с тем сделает для нее обязательным новое обращение к первоисточникам народной воли при помощи всеобщего и равного избирательного права. Но это – уже вопрос политического такта, а политическими вопросами мы условились в настоящий раз не заниматься.

Нас интересовало данное Учредительное собрание как попытка создать верховный орган народной воли. Положа руку на сердце, я думаю, мы можем и должны признать, что эта попытка потерпела неудачу.

Что, однако, из этого следует?

V

Следует ли из этого, как убеждает своих читателей проф. Устинов, что «от Учредительного собрания в России не осталось ровно ничего», что «его идея потерпела полный крах»? Значит ли это, как убежден, по-видимому, сам ученый профессор, что «повторять этот тягостный опыт для нового подтверждения и без

того очевидной истины», а именно, что «русской народ не созрел еще до учредительной власти», – не следует?

Не будем забывать логики: из единичных фактов нельзя делать общих выводов... Ставя опыт, подлинный ученый принимает все меры, чтобы устранить могущие осложнить его и помешать ему обстоятельства, но и за всем тем одним опытом, если он даже совсем не удастся, он не ограничится. Вновь и вновь он его проделает, стараясь каждый раз обеспечить ему более благоприятные, менее «возмущающие» условия, прежде чем он откажется от вывода, к которому он пришел в своей мысли. Вероятно, и профессор Устинов в других случаях поступает так же, в некоторых опытах он проявляет, по-видимому, даже чрезмерную настойчивость. Ведь вот он пишет и пишет об Учредительном собрании, хотя прежние его опыты о нем с его теперешней точки зрения не могут, конечно, считаться удачными. Только к самому Учредительному собранию, к идее народного суверенитета он строг и не милостив: раз опыт не удался, то и кончено – повторять его незачем.

«Опытов было уже достаточно», – спешит к нему на помощь г. Белоруссов. «Массы, – пишет он в своей новой статье, – устали от имеющегося опыта народовластия»¹. И повторять «зады» незачем. Демократия уже довела страну до позора, унижения и разорения. Если так, то, конечно, не до опытов с нею...

Допустим, что г. Белоруссов прав: в том, что мы пережили за последний год, виновата демократия, – это она довела Россию до гибели. Но если так, то позволительно спросить – где же были до сих пор сторонники плутократии, аристократии или монархии?² Почему они до сих пор не появились на политической арене и не предотвратили постигших нас несчастий?

Не в качестве упрека им я ставлю этот вопрос. Я представляю себе, что они выступили бы в феврале, в апреле, в июле, в октябре... И для меня ясно: ничего бы они не сделали – ни в эти месяцы кризисов, ни в какое другое время бурного года. Г[осподин] Белоруссов вправе, конечно, сказать: нас и не послушали бы... Верно. Но из этого ведь следуют и еще кое-какие выводы.

Стало быть, они ждали и ждут, когда расхолодившееся народное море успокоится. Тогда они и поставят свой опыт плутократии, аристократии или монархии. До сих пор они сидели у моря и ждали погоды. Но только теперь – в надежде, быть может, что народ скоро уже перебесится и настолько устанет, что его можно будет, «как послушное теля», повести на веревочке, повести назад или куда-то в сторону, – они выступили... С этой точки зрения они, конечно, имеют преимущество перед сторонниками демократии, которые все время около разбушевавшегося моря суетились. Едва ли, однако, это преимущество – преимущество людей, которые не терпели неудач только потому, что ничего не делали, – можно поставить в особую заслугу перед родиной.

После того, как народное море успокоится, и даже тогда, когда оно начнет успокаиваться, поставить опыт государственного устройства России будет, ко-

¹ «Свобода России». 13 апреля (31 марта) 1918 г. (прим. А. Пешехонова).

² Мы не знаем, как уже было отмечено, какую форму государственного устройства г. Белоруссов и другие противники народовластия считают для России наиболее подходящей. Но это в данном случае и не важно – я называю для примера несколько из наиболее известных (прим. А. Пешехонова).

нечно, гораздо легче, чем тогда, когда оно бушевало. Почему же мы должны при этом отказаться от демократии, от того, чтобы повторить опыт с нею при более благоприятных условиях? Я бы понял противников народовластия, если бы они привели какие-нибудь доводы от разума, от справедливости. Но таких доводов они не приводят, их аргументация идет от опыта.

Они посмотрели, как бушует море, как массы бросаются из стороны в сторону, и решили, что народовластие не годится. Бурю они приняли за народовластие – в этом и заключается недоразумение. В действительности же никакого народовластия у нас еще не было и мы его не видели.

«Эти самые массы, – пишет г. Белоруссов, – и являются субъектом народовластия», и на это я г. Белоруссову уже ответил, что «эти массы далеко не народ, – не тот «демос», который имеют в виду, говоря о демократии, также как толпы солдат, хотя бы очень большие, далеко не армия, которую имеют в виду, когда говорят о защите родины». «Мы имеем в виду, – продолжал я, – организованный народ, и притом народ, включающий в себя и «массы», и интеллигенцию. Такого народа в России мы еще не видели»¹.

Демократии у нас еще нет и не было... Некоторые говорят, что у нас имела и имеет место охлократия. Я бы этого не сказал. В действительности, после того, как пало самодержавие, у нас нет никакой ни «архии», ни «кратии», – нет государственной власти. В этом и заключается наша беда, основная причина всех наших несчастий. По этой причине до сих пор и не могла установиться демократия, как

¹ «Народное слово». 14 (1) апреля 1918 г. Не только г. Белоруссов, но и другие впадают иногда в это недоразумение: принимают «эти массы» за народ, отождествляя последний с простонародьем и противопоставляя ему интеллигенцию. До известной степени впадает в это недоразумение А.М. Редько в статье, напечатанной в настоящей книге. Соглашаясь всецело с первой половиной известной формулы, являющейся девизом Н[ародно-]с[оциалистической] партии, «все для народа», он считает необходимой оговорку ко второй ее половине – «все через народ». Спорным для него представляется в этой части слово «все». «Много ведь, – пишет он, – совершается не через народ. Стоит только вспомнить науку, искусство, литературу». «И в политической области, – продолжает он дальше, – творчество тоже совершается не через народ. Инициатива – творчество принадлежит и здесь интеллигенции, которая должна убедить «народ» в ценности тех или иных достижений интеллигентской мысли». Отсюда ясно, что интеллигенцию А.М. Редько исключает из народа, противопоставляет ему. Между тем в нашем народническом понимании, и притом уже давно – я мог бы привести этому много доказательств, – интеллигенция включается в народ, который мыслится, правда, как совокупность трудящихся классов, но трудящихся не только физически, но и умственно. Я думаю, что А.М. Редько не впал бы в это недоразумение, если бы, желая напомнить о творческой и производительной роли, какую играет интеллигенция в народной жизни, он не начал с пресловутого деления труда на «производительный» и «непроизводительный», т.е., в сущности, с марксистской схемы, которую народничество (на моей, по крайней мере, памяти) никогда не пользовалось и которую, напротив, всегда оспаривало. В указании А.М. Редько, что не все совершается через народ, есть, конечно, мысль по существу совершенно справедливая, но ее следовало бы выразить в иной форме, к которой и подходит А.М. Редько. Нужно было бы взять слово не «народ», а «масса»: конечно, не масса творит, а личность. Последняя достаточно высоко для этого поднялась в среде интеллигенции, но по мере того, как она растет в простом народе, и он привлекается к творчеству. Но это не значит, конечно, что всякая развитая личность выходит за пределы народа; напротив, мы можем и должны представлять себе, что весь народ когда-нибудь сплошь будет состоять из таких развитых личностей. К этому и приходит в конце концов А.М. Редько. Считаю нелишним во всяком случае отметить, что недоразумение, в которое он впал, отнюдь не влияет на его отношение к народовластию, не делает его противником последнего. Приписывая – и совершенно правильно, конечно, «инициативу» в политической области интеллигенции, – он говорит вместе с тем, что она «должна убедить народ». Вот, по его мнению, взаимные отношения интеллигенции и народа в области политической жизни. Отсюда ясно, что он вовсе не думает, будто интеллигенция может что-либо насильно навязывать народу или пытаться осчастливить его помимо его воли и ведома. Но это ведь и значит, другими словами, что она должна делать «все через народ...» (прим. А. Пешихонова).

не могла бы установиться и никакая другая форма правления.

Суть в том, что наша государственность разрушена. Мы впали – как и указывают некоторые – в догосударственное состояние. И мы переживаем, в сущности, не «революцию», а «смуту»...

Что наша революция получила такой именно характер, на то были, конечно, свои причины. Не забудем, что она произошла совершенно стихийно. Никто планомерно ее не подготовлял, и никто ею не руководил. Для меня, близко видевшего, как она надвигалась и как разразилась, это особенно было ясно и как нельзя более памятно. При случае я как-нибудь поделюсь своими впечатлениями и воспоминаниями. Но сейчас едва ли в этом есть надобность: никто, конечно, не станет спорить, что февральский переворот был делом стихийным. Но не все, быть может, сознают, что и до сих пор мы находимся во власти все той же стихии.

Февральским переворотом государственная власть была низвергнута, но организованных сил в стране, которые были бы в состоянии сразу же подхватить и утвердить ее на новых началах, в стране не оказалось. И эта власть до сих пор не установлена. Если смута не сразу разыгралась вовсю, то благодаря, с одной стороны, инерции, жизни, продолжавшей течь большею своей частью в известном русле, а с другой – призракам власти, какие мы имели, зачатками ее, какие удавалось создавать.

Попытки установить настоящую – «сильную и крепкую» – государственную власть все время делались, но из них ничего почти не выходило. Пожалуй, самой решительной является та, которую делают теперь большевики, но едва ли и она удастся: слишком уж своеобразны начала, на которых они попытались ее установить, и им приходится самим все время разрушать то, на чем они обосновались. Если они все-таки держатся, то не столько благодаря своей решительности, сколько благодаря народной усталости и нерешительности других. Во всяком случае, пока не они управляют событиями. И они едут не туда, куда хотели, а туда, куда их несут волны – притом волны далеко уже не те, какими на первых порах они пользовались.

В неудаче более ранних попыток обычно винят: одни – Советы, другие – Временное правительство. Напомню вкратце, как было дело. В момент восстания государственную власть принял Комитет Государственной думы. Я был в Таврическом дворце, когда г. Родзянко¹ взял себе четверть часа, чтобы подумать, и помню, с каким нетерпением мы ждали его решения и с каким удовлетворением узнали, что он согласился. Временный комитет власть «принял», но чисто номинально и так же номинально через два дня передал ее Временному правительству. Чтобы обладать действительную государственную властью, последнему нужно еще было создать государственную организацию, так как старая в Петрограде была совершенно разрушена, да и в стране, если не сразу, то очень скоро начисто развалилась. Без организации же правительство было совершенно бессильно и не имело никакой власти ни в Петрограде, где хозяйничали «бессвязные толпы», ни в стране. К сожалению, в этом самом важном и неотложном государственном деле

¹ Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – политический и государственный деятель, один из лидеров октябристов, крупный помещик. В 1911–1917 гг. председатель Государственной думы. С 1920 г. – в эмиграции.

Временное правительство не проявило надлежащей энергии и решительности.

«Революционная демократия» его опередила. Г[осподин] Родзянко еще думал – принимать или не принимать власть, а в другой зале Таврического дворца в это время уже заседал «Совет рабочих депутатов», конечно, самочинный, совершенно случайный, наскоро составившийся из кое-каких революционеров и рабочих, явившихся в Таврический дворец. И он сразу же начал действовать.

Это был кристаллик в насыщенном растворе, к которому потянулись все активные элементы и около которого быстро стала складываться советская организация. Эта организация, сыгравшая потом роковую роль в развитии смуты, и спасла нас на первых порах от анархии.

У нас много говорили о двоевластии. Но в действительности Исполнительный комитет Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] тоже не был властью. Как и Временное правительство, это был только призрак власти, призрак, в который массы больше верили и которого больше поэтому слушались. Но «революционная демократия», как принято называть кучку интеллигентов, ставших во главе советской организации, не столько владела и управляла массами, не столько сдерживала народные волны, сколько качалась на них. Порой она превращалась просто в пену, притом далеко не чистую.

Как бы то ни было, уже с самого начала нетрудно было видеть, что советская организация – это только временные бараки, в которых если и можно было кое-как укрыться от непогоды, то регулярная государственная жизнь ни в коем случае идти не может. Нужно было спешно, не медля ни дня, ни часа, особенно при тех внешних обстоятельствах, в каких находилась страна, строить новое, постоянное государственное здание, которое мы представляли себе, да и сейчас продолжаем еще мечтать об этом, в виде просторного и светлого дворца, в котором народ мог бы расположиться на свободе и с комфортом. Но Временное правительство, как я уже сказал, медлило с этим делом и на первых порах оно совсем не двигалось. Нужно было, конечно, прежде всего заложить фундамент нового здания и казались бы, декреты о местном управлении и самоуправлении должны были быть изданы в первые же дни – я бы даже сказал: в первые часы революции. Но дни шли, шли недели, а декретов все не было.

В эти первые дни и недели я был комиссаром в одной из частей Петрограда. Я «явился» туда, чтобы установить новую народную государственную власть. Мне особенно ясно было, как трудно это сделать явочным порядком снизу, без всякого содействия и регулировки, даже без санкции сверху. Из членов Временного правительства мне в то время приходилось встречаться только с покойным А.И. Шингаревым¹, и я каждый раз приставал к нему с вопросом: когда же? когда же законы о самоуправлении правительством будут изданы?.. Их все не было, они еще вырабатывались.

Вырабатывались «самые совершенные законы»... Когда мы, социалисты, вступили в правительство, некоторые проекты были уже подготовлены, и только при нас они были изданы. С этим, насколько только можно было, торопились, но

¹ Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) – общественный и политический деятель, врач. Один из создателей Конституционно-демократической партии, член ее ЦК. В ночь с 6 на 7 января 1918 г. вместе с Ф.Ф. Кокошкиным убит матросами-анархистами в Марининской больнице.

время было уже упущено. Слишком поздно появились органы всенародной власти в городах, еще позднее в волостях, еще позднее в уездах и губерниях. Запоздало из-за этого и Учредительное собрание.

Во время июльского кризиса я возбудил во Временном правительстве вопрос о необходимости прекратить дальнейшее присвоение и расхищение государственной власти. Моя мысль была сразу же воспринята, и И.Н. Ефремов, бывший в то время министром юстиции, через день представил по поручению Временного правительства проект закона, карающего за присвоение государственной власти не уполномоченными на то органами. Но когда этот проект стали обсуждать, то обнаружилось, что почти никаких законных органов власти в России нет. Даже комиссары¹, как оказалось, правили губерниями и уездами – если правили, конечно, – на основании лишь телеграммы кн[язя] Львова, посланной им в день вступления в правительство на имя председателей губернских и уездных земских управ. Никакого положения о них издано не было – оно было издано лишь потом, при Авксентьеве, и чуть ли даже не еще позднее, чуть ли не при Никитине.

Никаких преград волнам поставлено не было, и они приобретали все более и более широкий размах... Органы самоуправления начали, наконец, возникать, но, как я уже сказал, было поздно. Окрепнуть и упрочиться, сосредоточив в своих руках местную власть, они не успели, как буря разыгралась вовсю – произошла «октябрьская революция»...

Мы не должны забывать, [что] единственными упорами в народной жизни, которые оказались противопоставленными этой буре, были именно эти органы всенародной власти. Они были еще слишком слабы, чтобы сдерживать стихию, и были ею смыты. Но свой долг они, во всяком случае, выполнили.

В действительности только такую демократию – только самые слабые ее зачатки – мы до сих пор и имели. И я думаю, что, положив руку на сердце, мы можем сказать, что этот опыт не дает еще права отворачиваться от всенародной власти.

«Самодержавный строй, – писал я еще в 1905 г., – не Юпитер, и демократия – не Минерва, не готовую она появится перед нами. В нестерпимых муках она родится, невероятных трудов она будет стоить»².

Между тем некоторые и по сей час думают, что раз пало самодержавие, то имеется, стало быть, демократия. А некоторые, пользуясь этим, и спешат на демократию свалить все беды.

В действительности же, повторяю еще раз, демократии, за исключением кое-каких слабых ее зачатков, мы еще не видели. Демократию нужно еще установить.

Трудное это дело – и особенно трудно оно теперь. Раньше нужно ведь воссоздать русскую государственность, воссоздать государственную власть. Этого нельзя сделать путем всеобщего равного голосования – она должна появиться раньше, чтобы такое голосование сделалось возможным. Она возникнет, скорее всего, самочинно, в процессе борьбы с внешними врагами или внутренней сму-

¹ Имеются в виду губернские (областные) и уездные комиссары Временного правительства.

² «Русское богатство». 1905 г., март (прим. А. Пешехонова).

той. При этом необходимо, конечно, приложить все усилия, чтобы эта самочинная власть была не противницей, а сторонницей народовластия и, сделав свое дело, преклонилась перед народной волей.

Мы верим, что русский народ воссоздаст свою государственность и надеемся, что эта государственность будет демократическая.

Но что бы ни случилось, мы, во всяком случае, не потеряли и не потеряем веры, что

Там, за далью непогоды,
Есть желанная страна...

Она далеко еще нами не достигнута. Мы проходим сейчас, как я уже сказал, самую бурную часть нашего нелюдимого моря. И это была лишь иллюзия, что мы подошли вплотную к одному из идеалов русской интеллигенции. Нет! он еще далеко впереди, и разочаровываться в нем, по меньшей мере, преждевременно.

Со своей стороны мы зовем наших читателей не обращать внимания на трусов и малодушных, на людей близоруких и своекорыстных и смело продолжать путь туда – в сторону свободы, равенства и братства.

*Публикуется по изданию:
Пешехонов А.В. На очередные темы.
Провалилось ли народовластие? //
Русское богатство. 1918.
Январь–март. С. 303–329.*

ПЕТР МОИСЕЕВИЧ ПИЛЬСКИЙ

ГОСПОДИН ПЕТРОГРАД (К спорам об Учредительном собрании)

Из современной политической пьесы.

...Но, господа, где же быть, наконец,

Учредительному собранию?

Петроград (*уверенно*). У меня! Где же еще? Конечно, у меня!

Москва (*спокойно*). Вот как? Отлично!..

Перережу железнодорожную ветку и тогда
посмотрим, через сколько дней этот господин умрет с голоду!..

Россия (*встревоженно и потрясенно*). О, Господи!..

– Петроград – голова великой России!

– Петроград – ее мозг!

– Петроград – ее гордость!

– Петроград – ее революционный авангард!

Какой вздор!

Не хватало еще, чтобы быть бесстыдным и нелепым до конца, заявить, что:

– Петроград – ее совесть.

Нет, это не голова, а подлый и уродливый немецкий котелок, который слетит в тот самый момент, когда этого захочет тот, кто его вот уже двести лет столь безропотно и покорно носит.

– Мозг!

Мозг, который ничего не выдумал, кроме туманов, мозг – вор, заимствователь и подражатель, мозг, развративший здоровые инстинкты, извративший человеческую натуру, перевернувший циферблат часов, обративший ночь в день и день в ночь, переменявший часы суток, обворовавший в своем бессильном хищничестве Русь и Запад, Москву и Азию, подписывающий исторические счета вместо того, чтобы платить по ним, – это гордость, это – совесть, это – мозг? <...>

В тихие, но зловещие, в эти чисто петроградские белые и безглазые ночи, глядя на поднимающиеся полупрозрачные ткани тумана, вдруг ясно и тревожно чувствуешь, как вместе с этим густым и легким пологом к небу незаметно поднимается и весь этот город-Призрак, город-Выдумка, город-Случайность, город-Сон и

большая мистика... При чем же тут революция и революционность? При чем тут они с их здоровым умом, и крепким духом, и смелым сердцем, и сильными руками, они, стоящие на земле, верящие в единую реальность, бодрые и исполненные воли? Петроград – зыбкость, а они – каменные, мраморные, твердые. Петроград – видение, а они – земное здоровье.

Петроград и революция – есть ли более смешное и дикое сопоставление слов, есть ли более странное соседство представлений? <...>

И вот все-таки Петроград, это бессилие с гримасой бесстыдства и душой труса, этот политический атеист, равнодушный холоп всякой случайной и неслучайной власти, теперь вдруг, по капризу неисповедимой прихоти, объявляет себя главой революционного народа, передовым застрельщиком восстания, инициатором великого переворота и требует и желает, чтобы вся честь подвига и весь восторг народных хвал были отданы ему, ему одному, и никому больше, ему – главарю, ему – зачинщику и вершителю, ему – устройтелю новой судьбы огромной, измаявшейся страны!!!

Ему – честь, ему – признательность истории, ему – памятник славы, ему и будущее Учредительное собрание!..

Он начал, он свершил, он перевернул, он полил своей кровью эти боевые пути и площади, где зародилось и вззошло русское счастье, – он, единственно он, – Петроград!.. Однако... Однако, позвольте-с! Почему Петроград? Какой Петроград? По какому праву Петроград? Кто сказал, кто выдумал, кто сочинил, что это дело его рук и его риска, и его почина, и его крови, и его жертв, и его мужества и силы, и вызова, и стойкости, и героизма, и великой любви?

При чем тут был Петроград? И был ли он вообще тут?

И на этот вопрос нужно ответить точно и определенно: по отношению к революции Петроград *ни при чем*. И еще: во время революции никакого «Петрограда» не было. Петроград был во время реакции; Петроград был вместе с самодержавием во время самодержавия и на стороне самодержавия. Но собственно в революцию с революцией он не был, не был никогда и, по всем законам природным, историческим и логическим и не мог быть... Утверждение чудовищное? Знаю.

Обида, ни с чем не сравнимая? Понимаю... Пощечина, нанесенная гордецу? Чувствую!.. И все-таки, и все-таки это – факт, это правда и несомненность...

Доказательства... О, Боже мой, да их сколько угодно, – без конца и без меры...<...>

Прежде всего: какой этой такой «Петроград» «сделал революцию»? Булыжный, т.е. мостовая, которая, действительно, является «петроградской» и по которой ходили революционные войска и революционный народ? Едва ли. Мостовые лежат, а не восстают, как лежало в жилетном кармане «революционно-настроенное» сердце петроградца, колотилось, сжималось и молило небо о ниспослании... вы думаете: новой жизни и нового строя, побед и свободы? О, нет! Оставьте романтизм и забудьте хоть на минуту пышно-красивые слова! Петроградец молился, как всегда, о своем корректном «европейском» покое и боялся до смерти, как бы чего не случилось... Только. Его душа, как и асфальт его улиц и площадей, была сера и по ним *прошла* революция, как по неизбежной дороге, окрасив ту и другую

в красный цвет с той разницей, что мостовые были красны от крови, а грудь петроградца от алой шелковой розетки.

Нет, революцию свершал, вел к победе и короновал не петроградский умница, не он, политический бухгалтер и осторожный взвешиватель риска и шансов «за» и «против». Те, кому эта революция обязана своей победой, – не петроградцы. И они, во всяком случае, не то, что называется «Петроградом». На небольшом куске земли, убитой камнем и дворцами царей, схватилась со старым порядком *Россия*. Здесь боролась за счастье и волю, за свои судьбы и будущее великая страна, и в рядах борцов здесь стояли волжане и Кавказ, Печора и Новороссия, Урал и Дон, Сибирь и Украина – русские люди, переодетые историей и военным временем в серые шинели, вооруженные ружьями, но и верой, ведомые на подвиг горем и слезами своих сел, нищетой своих деревень, угнетением своих областей, проклятым рабством, в котором жили, изнемогали и гибли их отцы, их деды и прадеды, сотни и тысячи поколений, пока глаз хватает историческую даль прошлого. Армия – не петроградцы. А та армия, которая сразу взяла в свои руки инициативу и власть, провозгласила лозунги и двинулась вперед на схватку с врагом, не была даже истинно солдатской и не являла собой даже настоящей гвардии, где могло еще жить веяние и влияние действительно петроградских и реакционных сил. Это была великая провинция, огромная толпа, пришедшая в петроградские казармы, и принесшая сюда свой дух и свой порыв, решимость и волю к новой жизни. Петроград на этих людей только взирал. Как степенный и во всех отношениях установившийся хозяин, он принял незваных гостей, а сам сел в угол и ждал, уйдут или не уйдут. И остался не слишком доволен, когда гости, к его беспокойству, не ушли. Далекый от России, ей чуждый, ее не понимавший и не понимающий, он не мог сначала даже понять смысла происходивших событий и некоторое время был искренно и сонно уверен, что это «чернь просит хлеба», «на улице идут беспорядки», и надеялся, в непоколебимой вере своей в силу вчерашнего дня, что все обойдется и уляжется, войдет в колею и воды потекут, как текли.

Быть может, и казаки были тоже петроградские? Невские, а не донские? И рабочие были – петроградцы, а не псковичи, не орехово-зубовцы, не москвичи, не новгородцы и бакинцы, не саратовцы и не тульчане?..

И, наконец, Государственная дума. Что ж она? Также – ваша, тоже петроградская? И Родзянко не из глубины России, и Гучков¹ не из Москвы, и Керенский не с широкой и многоводной великой Волги? Как солдатские казармы стали маленькими думами, собранием невольных представителей окраин, губерний и областей, так и Дума государственная в лице своем представляла *Россию*.

Революционный пафос, революционные кадры, революционный порыв, как и революционный мозг, были не петроградские, с Петроградом ничего общего не имели, вышли не из петроградских корней, и вся рвущаяся, смелая, вольная сила революции, с ее решительностью, коротким ударом, быстротой и ясностью, со всей своей ни на кого не похожей самостоятельностью, дышит иным воздухом – не петроградским, исполнена жизни и мятежа крови, которых нет у Петрограда,

¹ Гучков Александр Иванович (1862–1936) – политический и государственный деятель, один из создателей и лидер партии октябристов. Депутат и с 1910 г. председатель III Государственной думы. В 1917 г. военный и морской министр Временного правительства. С 1919 г. – в эмиграции.

бодрой мощью молодости, которой Петроград не знал никогда.

Есть явления органически-географические, вскрывающие тайну территориальной психологии, и есть явления случайные. Естественно, законно и необходимо, чтоб Данте родился во Флоренции, чтоб Мопассан и Париж были неразлучны в нашем представлении, понятна Волга и – Горький, автор «Записок охотника» – и средняя Россия, и то, что Мамин есть именно Сибиряк, Крушеван – бессарабец, а Зелим-хан – кавказский горец...

И есть явления необъяснимые, нелогичные, неорганические – дети случая и капризов судьбы, которая тоже бывает беременна и иногда не знает, где разрешится ребенком. Вот такое-то акушерское недоразумение и случилось у нас в февральские дни... То, что русская революция произошла в Петрограде, ничем, как только случаем, объяснить невозможно. Где угодно, только не на невских берегах. Где угодно, только не здесь, среди казенного города, казенных людей, казенной истории, казенных домов, казенного режима, казенной психологии, казенных памятников, казенных казарм и департаментов, казенного обезличенного бескровного языка, казенных ужасов казенной России, казенно-каменной самоуверенности, отрешенности и оторванности, презрения ко всему на свете, казенной могильной успокоенности...

Разве среди каменных и гранитных кладбищ бывают революции? <...>

Если что было в те незабываемые дни истинно-петроградского, так это только рахитическое сопоставление околевавшего порядка, взрослого и расцветшего в этом ужасном воздухе ужасного города живых мертвецов, привыкших к политической плесени своего огромного чулана, надышавшихся этими болотными испарениями, вобравшими в себя всю болезненную немочь этой гнилой и разлагавшейся жизни. Да, это было действительно петроградское.

Петроградскими были раззолоченные сановники, от одного удара народной палки слетевшие со своих полутронов, как китайское болванчики в бездну позора, в прах и забвение. Петроградскими людьми, петроградского воспитания и петроградских связей были все эти Сухомлиновы, Штюрмеры, Щегловитовы¹ и Курловы², все эти прихлебатели и ставленники дворцов и умершего порядка, продававшие свободу России ради удобства сановитого Петрограда, а судьбы ее – ради империалистически-картинной политики Вильгельмов.

Петроградскими были и те пулеметы, из которых переодетые в черное люди без совести и стыда расстреливали «мусор», как назвал «свой» народ Николай, тоже петроградский.

Петроградскими посланцами всероссийского усмирения и порабощения на местах были губернаторы и градоначальники, рассыпанные, как отравы и сыпь, по лицу огромной страны, осуществлявшие волю Петрограда, служившие Петрограду, работавшие на Петроград, приносившие кровавые жертвы на петроградский алтарь.

¹ Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) – государственный деятель. В 1906–1915 гг. министр юстиции. В 1917 г. председатель Государственного совета. После Февральской революции арестован. Расстрелян по приговору ВЧК.

² Курлов Павел Григорьевич (1860–1923) – государственный деятель, товарищ министра внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов. С 1918 г. – в эмиграции.

Вот это все было действительно *петроградским*, как и весь петроградский период русской истории служил и действовал во имя все того же укрепления самодержавия и централизации, возвеличения и воспевания царей, министров, сановников и полководцев.

Петроград, как Петроград, как хозяин, коренник, как *туземец*, в дни революции или бездействовал, в лучшем случае, или противодействовал – в большинстве случаев. И в этом остался верен себе, постоянный, неизменный, мертвый и в своей чугунной отлитости давно оравнодушенный ко всему, неумелый, беспомощный, малокровный, уныло-скептический и очень усталый, неизвестно от чего, неведомо с каких пор и как...

Этот душевный лежебок, с ленивыми переживаниями, ироническим отношением к миру и жизни, не русский, но и не европейский, межеумок и ублюдок, болеющий и всегда болевший собачьей старостью, но жадный, как все больные, захватчик по всем привычкам и всем сновкам своего прошлого – теперь вдруг воспрянул духом, поднял голову, принял гордую позу революционера, самозванно объявил себя спасителем народа, освободителем России и к пустой груди приколол атласный бант, красный цвет которого для него должен бы давно, однако, стать не знаком и печатью крови, а символом «Красного фонаря» на тех убежищах, домах и душах, о которых в своем романе рассказывает госпожа Иерузалем...

Теперь он потянулся еще за Учредительным собранием! Ему – одному ему и никому больше! – видите ли, принадлежит это право и эта честь...

Ему! Ему?

Увы!

По слову поэта, даже наиболее пылкие поклонники могли бы сказать ему только –

Мы славим прах, Твое Величество!..

Но Россия не желает славить его даже ради красивых рифм и заманчивых знамений, и она должна сказать и скажет ему:

– *Прощайте*, Ваше Величество!

– Прощайте – и да сгинет отныне Ваша былая власть, Ваша опека и вся та историческая глупость, чудовищная чепуха, ражая бесчестность, слепота и постыдное варварство, во власти которых ты, нехитрый деспот и чванный дурак, держал меня столько лет и веков, и уродовал мою жизнь, и калечил мой ум, подобно караибским женщинам, сдавливающим головы своих младенцев!

– Прощайте, господин Петроград, и да будет отныне и до века проклята Ваша черная память всероссийского кровососа, забубенного палача, великолепного изменника и индейскопетушиного хвастуна!..

– Прощайте!..

Публикуется по изданию:
Пильский П. *Господин Петроград.*
(К спорам об Учредительном собрании).
Памфлет. Пг., 1917. С. 1–2, 11–16.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СВЯТИЦКИЙ

БОЛЬШЕВИКИ И ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Учредительное собрание распущено декретом «коммунистического» правительства, и демонстрировавшие в честь его толпы рабочих разогнаны и расстреляны толпой вооруженных солдат, красногвардейцев и матросов.

Кто еще недавно в России поверил бы, что мечту и надежду десятков поколений русских граждан так грубо, так безжалостно осквернит власть, именуемая себя «рабочим и крестьянским правительством»? Что именно эта власть пойдет по стопам Столыпина¹ и посягнет на полномочное представительство всего русского народа? Никто не поверил бы этому, и прежде всего не поверили бы сами большевики...

А между тем такое посягательство произошло. Невероятно, но факт. Многими неожиданностями подарила нас развертывающаяся панорама событий трагичнейшей из революций. Но эта неожиданность останется наибольшей из всех.

<...>

Нужно быть русским, чтобы в полной мере понять и представить себе, чем была до сих пор для каждого русского демократа и социалиста идея всенародного Учредительного собрания – детища победоносной революции, – полномочного органа, избранного на основе всеобщего избирательного права для выработки основных законов свободного демократического государственного строя. Впервые идея эта была провозглашена в знаменитом «письме» исполнительного комитета Партии народной воли, обращенном к царю Александру III в 1881 году, через несколько дней после казни Александра II. И вот с тех самых пор в продолжение 37 лет борьбы русского народа с самодержавием царей требование созыва Учредительного собрания являлось основным политическим требованием в программах всех без исключения революционных партий в России. Всем поколениям русских демократов Учредительное собрание представлялось венцом революции, закрепляющим в законодательной форме все социально-политические завоевания революционного народа.

---

¹ Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – государственный деятель. В 1903–1906 гг. саратовский губернатор. С 1906 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров.

Россия, при той жалкой политической роли, которую играла в ней до сих пор буржуазия всех рангов, была и останется страной трудового населения, по преимуществу страной пролетариата и трудового крестьянства. Было поэтому очевидно, что Учредительное собрание, избранное всем народом, будет, во всяком случае, плотью от плоти народной трудовой революции и, будучи само народно-трудовым парламентом, приведет к благополучному завершению те исторические задания, которые лягут в основу революции.

Всегда и среди всех направлений русского социализма жило доверие к всенародному Учредительному собранию – равносильное доверию к народу, вере в народ. Не то, чтобы при выборах народ, неопытный в политике, не мог сделать ошибок. Но ведь еще Лассаль¹ сказал, что всеобщая подача голосов есть оружие, которое само же залечивает те раны, которые может нанести не умеющий обращаться с ним. И вот почему по отношению к идее Учредительного собрания вплоть до революции 1917 года не было никаких различий среди всех фракций и направлений русского социализма. Было различное понимание характера и обыкновенных целей грядущей революции, но, несмотря на это, все социалистические фракции – и обе фракции социал-демократии: большевики и меньшевики и социалисты-революционеры и социалистические группы, стоявшие правее и даже левее этих партий (максималисты), – все они сходились на безусловном признании Учредительного собрания. Большевики старались даже в этом отношении выказать себя более преданными ему, чем какая-либо другая партия. Когда меньшевики в годы реакции, наступившей после революции 1905–1906 гг., находили возможным и целесообразным сузить программу ближайших и конкретных достижений демократии и найти какие-то этапы, не включавшие полностью «демократической республики» и «Учредительного собрания», то большевики обвинили их в измене с[оциал]-д[емократической] программе. Они тогда утверждали, что никакого иного требования, кроме созыва Учредительного собрания, социал-демократ выставлять не имеет права. Всякий, хотя бы временный, отказ от этих лозунгов они заклеямили именем «ликвидаторства». Теперь, сами выступив в той же роли, они могут в свое оправдание сказать разве лишь то, что они занимаются «ликвидаторством слева»...

Но ликвидаторство все же остается ликвидаторством. И недаром большевики в конце концов ликвидировали в самом имени своей партии термин «социал-демократизм», заменив его «коммунизмом».

<...>

Когда 27 февраля 1917 года в России грянул революционный взрыв и рушился старый государственный строй, то необходимость созыва Учредительного собрания была очевидной, само собой подразумевающейся для всех социалистов России. В первом же соглашении, заключенном на другой день после переворота, между Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов и Ис-

¹ Лассаль Фердинанд (1825–1864) – немецкий политический деятель, публицист, адвокат. Один из основателей Всеобщего германского рабочего союза (1863).

полнительным комитетом Государственной думы была совершенно ясно и категорически сформулирована необходимость скорейшего созыва этого учреждения, подготовить и провести выборы в него было главной задачей образованного в результате этого приглашения Временного революционного правительства. Должно было, однако, пройти восемь долгих и чреватых событиями месяцев прежде, чем граждане России могли приступить к выборам. Ответственность за эту «задержку», в значительнейшей мере послужившую первопричиной всех дальнейших бедствий и зол революции, не может быть исключительно и целиком возложена на какую-нибудь одну политическую партию. Это в значительной степени общая вина, а более всего общая беда. Различие между отдельными партиями скорее было количественным. За более отдаленные сроки созыва высказывались цензовики, частью озабоченные более безупречной с формальной стороны организацией всего дела, частью уповавшие на то, что уляжется наконец революционная лихорадка и выборы произойдут в более спокойной атмосфере. Но своя доля вины в замедлении лежит на всех нас, на всех партиях, на всех вообще учреждениях и органах только что родившегося демократического государства. И грех этой задержки был в значительной степени невольным грехом, невольной данью как тому необычайно сложному сцеплению политико-государственных обстоятельств, в которых должна была протекать революция, так и той медлительности всех творчески-организационных процессов, которая вообще являлась и является характернейшей чертой русской жизни.

Сложность политического узора, развернутого русской революцией, острота вопроса о создании государственной власти, пользующейся признанием всего населения, необходимость скорейшего разрешения в законодательном порядке наиболее назревших и важных революционных реформ, множество внешних и внутренних осложнений, возникших в ходе попыток этого разрешения, хотя, с одной стороны, и заставляли чувствовать огромный пробел в виде отсутствия «полновластного хозяина земли русской», но, с другой стороны, поглощали и отвлекали все внимание, все силы участников событий и тем самым отодвигали и тормозили работы по созыву. Даже буржуазия, в массе своей (исключения, конечно, были, но не меняли общей картины) сознавала, может быть скрепя сердце, что Учредительное собрание – единственное средство разрешить безболезненно великий спор, возникший между обоими социальными лагерями, спор о власти в стране, спор, сводившийся к более глубокому спору о целях и задачах происходящей в России революции. Всеобщее голосование признавалось «последней инстанцией». На благоприятное для себя решение этой инстанции не теряли надежды обе спорившие стороны.

В той агитации вокруг и за Учредительное собрание, которая открыта была в стране на другой же день после революционного переворота, большевики принимали не только живейшее участие, но даже старались взять самые высокие ноты в общем хоре и в погоне за популярностью в массах неоднократно старались показать и внушить народу, что именно они, большевики, и являются самыми революционными защитниками лозунга скорейшего созыва Учредительного собрания. Как же можно было выделиться из ряда вон в таком вопросе, по которому

была единодушна вся демократия? Да очень просто: изобрести несуществующих врагов и «саботажников» этого Собрания и повести против них кампанию, дышащую ненавистью и злобой.

Если правительство Львова–Милюкова и было повинно в замедлении созыва Учредительного собрания, то косвенно, поскольку оно медлило с земской реформой, ибо в составлении избирательных списков – самой большой, сложной и кропотливой работе – новые земские учреждения были осью всей работы. Но большевики к закону о местном самоуправлении, ныне ими разрушенному, с самого начала отнеслись с суеверным презрением (стоит вспомнить лишь речь Троцкого в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, когда он третировал такие меры, как волостное земство и всероссийская поземельная перепись). Запоздание в приступе к работам Особого собрания по выработке закона о выборах обусловлено было отчасти медлительностью и социалистических партий, и самого Совета рабочих и солдатских депутатов, не сразу приславших в него своих представителей. С тех же пор, как оно начало свои работы, большевики, как непосредственные участники работ, могли воочию убедиться, что все партии лояльно в них сотрудничают. Если и наблюдались некоторые, быть может излишние, медлительность и скрупулезность в работах Совещания – как и в том плане избирательной кампании, который был выработан этим Совещанием, – то вина в этом распределяется между всеми участниками.

С осени (сентябрь) работы Особого совещания закончились, закон о выборах был выработан и избирательная кампания фактически в провинции уже началась. Дальнейшее ускорение темпа работ по приближению срока выборов отныне зависело, таким образом, уже не столько от центрального правительства, сколько от местной власти – от органов земского и городского самоуправления. Формирование этих органов запоздало не только потому, что поздно изданы были законы о новых земских учреждениях, но и потому, что «страна наша велика и обильна, а порядку в ней нет», и всякие лозунги, даваемые из центра, крайне нескоро докатываются до периферии, слабея и замедляясь прямо пропорционально расстоянию. И вот почему выборов не удалось произвести в назначенный срок. Не кто иной, как местные органы самоуправления, ходатайствовали о том, чтобы выборы были несколько отсрочены, и они назначены были, наконец, на 12 ноября. И вот, когда до первого дня выборов оставалось уже каких-нибудь три недели, большевики совершенно внезапно заявили, что буржуазия составила заговор для срыва Учредительного собрания и что правительство Керенского виновно в соучастии с нею. Троцкий, покидая вместе со своими политическими друзьями Предпарламент, именно этим обвинением мотивировал свое решение о демонстративном уходе, которое могло означать только объявление войны и переход с пути легальности на путь переворота. Верили ли эти люди сами в то, что говорили? Это более чем сомнительно. Но заявить, что во имя спасения Учредительного собрания надо свергнуть Временное правительство, о, это было так удобно для того, чтобы собрать вокруг своего знамени широкие народные массы и с полной удачей произвести наконец 24 октября 1917 года свой, давно задуманный переворот. Начиная с сентябрьского Демократического собрания и в

течение всех первых трех недель октября большевистская пропаганда шла в гору с необычайной, сказочной быстротой. Почва для ее успеха была подготовлена давно. Сознательный отказ коалиционного правительства последних составов от проведения в жизнь широких революционных реформ до момента созыва полномочного народного представительства; недостаточно энергичная мирная политика; неустойчивость власти ввиду разнородного в социальном отношении ее состава; частые министерские кризисы, ряд частных промахов, бестактностей и ошибок – все это подрывало авторитет Временного правительства в широких массах – рабочих, крестьян и солдат. Корниловская эпопея и последующие за нею разоблачения довели общественную смуту до крайних пределов. Травля на Советы справа озлобила массы, Корниловский мятеж взбаламутил армию, стихийный подъем демократических чувств и страстей не нашел нормального удовлетворения в правительственных актах; разветвления корней, пущенные корниловщиной в правительственные сферы, нанесли последний, непоправимый удар престижу и авторитету власти. Большевики использовали все это с большим политическим темпераментом и редкой энергией. С середины октября большевистская партия начинает обращаться к массам с открытыми призывами к совершению революционного переворота и встречает сочувственный резонанс в низах и довольно вялое противодействие других партий. Несмотря на наличие в составе правительства социалистических министров – персонально наименее ярких и авторитетных, – отношение этих партий к политике правительства становилось все более и более холодным, а поддержка ее – натянутой и лишенной всякого одушевления. Партия с[оциалистов]-р[еволюционеров] и с[оциал]-д[емократы] меньшевики отнюдь не были в восторге от status quo, но скорее сознательно предпочитали скрепя сердце, «перетерпеть» его в течение того короткого времени, какое оставалось до созыва народного представительства. Предпочитая не осложнять остающихся до прихода «хозяина» земли трех-четырёх недель политическими пертурбациями и возможной гражданской междоусобицей, социалистические партии старались все же подчеркнуть, что в их отношении к мирной проблеме и к земельной реформе они идут единственно разумным путем к тому же, чего хотят добиться рискованными экспериментами и азартной политической игрой большевики. В декларации, с которой выступили эти партии в Совете республики, было указано, что они ставят своей целью добиться даже от правительства Керенского вполне определенных мероприятий в области внешней и земельной политики.

Что касается третьего большевистского лозунга – созыва в срок Учредительного собрания, то о нем спорить не приходилось: до того очевидны были для всех его бесспорность и нарочитая искусственность выдвигания его в этот момент большевиками... Теми самими большевиками, которые в своей партийной прессе уже обсуждали вопрос о постановке ему – в случае успеха переворота – ультиматума: либо подчиниться, либо быть разогнанным.

Позиция небольшевистской части социалистической оппозиции – лицом к лицу с лозунгами переворота, по существу, была выгодной: ей предстояло отвратить массы от революционного безумия всего за три недели до выборов полномочного «хозяина» России – Учредительного собрания. К чему, говорили мы, все ужа-

сы новой революции, новой гражданской войны, раз все те цели, ради которых готовится революция, безболезненно и во много раз более успешно могут быть осуществлены полномочным представительством всего народа? Вы хотите, говорили мы петроградским большевикам, мира и земли? Но неужели вы полагаете, что трудовой народ России пошлет в Учредительное собрание таких депутатов, которые не захотят добиваться скорейшего мира, передачи земли крестьянам и всех тех реформ, которые в то же время являются и нашими реформами? Будьте спокойны, народ русский сумеет избрать своих представителей, и если вы, большевики, полагаете, что большинство трудового населения идет именно за вами, а не за кем другим, то вам и предстоит случай попытать свое счастье на предстоящих выборах. Не безумие ли – бесцельное пролитие крови, если спор, ради которого вы готовы пролить эту кровь, и может, и должен быть разрешен через каких-нибудь несколько недель самим народом?

Однако все эти неотразимые по своей логике аргументы разбивались, как горох об стену, об одно возражение большевиков: «Да, мы не верим, что Учредительное собрание будет созвано!». И вот тут-то наша позиция умеренной части русской социалистической демократии становилась довольно безнадежной. В самом деле, убеждать самих большевиков было напрасным трудом, ибо с их стороны это был простой маневр, а вовсе не искреннее убеждение. Что же касается до темной массы солдат, измученных войной и желавших добиться мира какой угодно ценой, части рабочих Петрограда и Москвы, «разочарованных» в правительстве Керенского, то в них проснулось все вековое, затаенное недоверие к «чистой публике», к «верхам». Большевики апеллировали именно к этому первобытному, темному инстинкту, твердя с упорством опытных гипнотизеров: «Вас обманывают! вам изменяют! вас предают! Сбросьте всех долой, сами возьмите все в свои руки: и власть, и мир, и хлеб!».

<...>

В недрах большевистской партии, в верхах ее к этому времени уже довольно заметным стало идейное перерождение. Из социалистов и марксистов большевики превратились в крайних максималистов, из демократов – в проповедников диктатуры. Диктатуры над пролетариатом, выдаваемой за диктатуру пролетариата. Как известно, Ленин уже давно проделал лично эту эволюцию, но его собственные сторонники терялись и не сразу могли решиться сделать вместе с ним этот «прыжок в неизвестное». И самый октябрьский переворот протекал еще вне лозунга «Советской республики», переросшей демократию, чтобы идти на всех парах к социализму. Официальным партийным *credo* все это стало уже позже переворота – в ноябре и даже в декабре месяце. В это время, опьяненные победой и властью, большевики шли за своими вождями куда только им было угодно.

И все-таки, чтобы облегчить сомневающимся и колеблющимся дело приятия лозунгов «красной столыпинщины» и разгона Учредительного собрания, потребовалась переходная стадия. Вооруженный переворот первоначально был выставлен как лучшее средство, стоя у кормила власти, повести энергичную *предмет*

ную пропаганду своей программы рядом декретов, идущих без оглядок навстречу всем самым популярным лозунгам и чаяниям масс. И большевики, рядовые большевики, в массе своей верили, что берутся за оружие не для того, чтобы сорвать, а лишь для того, чтобы «заполнить» собой Учредительное собрание, победить во что бы то ни стало на предстоящих всенародных выборах.

Большевики к октябрю месяцу представляли собой уже весьма серьезную и внушительную силу, в особенности в столицах и в армии. Но во всей стране они далеко не были «первой партией». Надо было, следовательно, популяризировать себя перед всей страной. Истекшее время достаточно показало, в чем главная сила самых популярных партий. Нужно было не постесняться обогнать их: например, взять эсеровскую земельную программу и внушить крестьянам уверенность, что большевики идут дальше самих эсеров в смысле удовлетворения крестьянских интересов, что они, большевики, – люди дела, а эсеры говоруны и что получают крестьяне землю из рук большевиков, а не эсеров. А если, к тому же, еще добиться какой угодно ценой мира, то, понятно, население не выдержит, и, обстреливаемое со всех сторон самыми соблазнительными с виду декретами, пошлет и во Всероссийское Учредительное собрание своих новых благодетелей-владык, щедрых большевиков.

Выборы, как известно, начались в назначенный срок – 12, 13 и 14 ноября. Но большевистский мятеж, как и следовало ожидать, вверг всю страну в состояние хронической гражданской войны. И последствия этой войны и связанного с нею полного развала всего государственного аппарата не замедлили сказаться и на ходе выборов. Вместо предполагавшихся одной-двух недель выборы растянулись почти на три месяца и в некоторых избирательных округах еще не были закончены, когда само Учредительное собрание было уже распущено и разогнано.

Растянувшись на многие недели, выборы в Учредительное собрание не могли, разумеется, сразу обнаружить свои результаты. Первые вести стали поступать об исходе выборов в городах. Городские выборы были благоприятны двум крайним крыльям российского социально-политического мира: кадетам и большевиками, причем последние по числу полученных голосов шли все-таки впереди кадетов.

Это окрылило надежды большевиков. Но, увы, эти надежды были преждевременны... Когда стали приходить известия о результатах голосования деревни, а именно деревне принадлежит решающий голос в конечном исходе выборов, то оказалось, что деревня, подавляющее большинство многомиллионного крестьянства, по-прежнему высказывается за Партию социалистов-революционеров.

На всероссийских всенародных выборах победила именно эта партия. Конечные итоги выборов весьма показательны и для большевиков, претендующих на то, что за ними шло и идет огромное большинство трудового народа России, – прямо-таки убийственны. По сведениям, публикуемым нами в отдельной брошюре¹, из 36 миллионов голосовавших в 54 избирательных округах за эсеров разных национальностей голосовало всего 20 миллионов избирателей, что составит 57 процентов всех поданных на выборах голосов. За большевиков же голосовало всего 9 миллионов избирателей, или 24 процента.

¹ См. мою брошюру «Итоги выборов» (изд-во «Земля и воля») (прим. Н. Святыцко).

Из 703 избранных депутатов по спискам русской Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] прошло 338 депутатов, по спискам с[оциалистов]-р[еволюционеров] других национальностей – 90, по спискам с[оциал]-д[емократов] меньшевиков – 18, по другим социалистическим спискам – 16, по спискам буржуазных национальных групп и партий – 16 и, наконец, по спискам большевиков – 168.

Отсюда видно, что большевики на всероссийских выборах и в самом Учредительном собрании не получили и $1/4$ всех депутатских полномочий. Учредительное собрание ускользало из рук большевиков, оно не могло стать слепым орудием в осуществлении их доктринерских прожектов. Такое положение дела диктовало большевикам необходимость покончить с сомнениями и колебаниями и занять по отношению к Учредительному собранию ярко-враждебную позицию. Исход выборов, как уже было сказано, определился не сразу. Поражение на выборах большевистской партии стало очевидно для всех тоже не сразу. Кроме того, в составе тех депутатов эсеров, которые прошли по спискам Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], было некоторое количество так называемых левых эсеров, стоявших на большевистской позиции и с момента октябрьского переворота заключивших с большевиками тесный блок. Таких эсеров, однако, оказалось очень немного. Но левые эсеры успели внушить большевикам веру в свои силы. Если бы эта вера оправдалась, выход был бы сравнительно прост. Если бы вместе с левыми эсерами большевики составили – пусть не абсолютное большинство Учредительного собрания, а лишь группу, численностью своею превышающую соединенные силы меньшевиков и партийных эсеров, тогда можно было бы пустить в ход маневр, долго обсуждавшийся в Смольном у новоиспеченных союзников. Советская власть должна была объявить кадет «врагами народа» и организовать давление на Учредительное собрание извне с целью их исключения. Пока же, до того момента, когда соотношение сил окончательно определится, большевикам ничего не оставалось делать, как занять выжидательную позицию, постепенно подготавливая «низы» к тому, что Учредительное собрание лучше всего «держат под подозрением» и заставить его «служить народу». Этим делом и были заняты большевики и левые эсеры весь ноябрь и декабрь месяцы, медовые месяцы своего торжества, популярности и безраздельной, хотя и узурпаторской власти. Тем временем обнаружилась эфемерность надежд левых эсеров. Стало ясным, что большинства в Учредительное собрание нельзя натянуть никакими неправдами. Оставалось опорочить все Учредительное собрание и прежде всего – опорочить данный состав его, опорочить итоги выборов.

Придаться, казалось, было так просто. Ведь кандидатские списки для выборов были составлены Партией с[оциалистов]-р[еволюционеров] еще до раскола: левые эсеры не успели выставить своих самостоятельных списков на выборах. Этим-то и можно было воспользоваться, заявив, что партийные эсеры или «центровики» (большевики, разумеется с упорством опытных гипнотизеров называли их «правыми эсерами») прошли контрабандой, цепляясь за популярность «левых». Придирка была явно несостоятельна. Во-первых, после того, как большевики приняли эсеровскую земельную программу, что мешало крестьянам голосовать пря-

мо за большевиков там, где эсеровский список состоял из «правых»? Во-вторых, если большинство эсеровской массы стояло за ушедшими из партии «левыми», то как могло случиться, что не из них были составлены списки кандидатов в Учредительное собрание? Ведь списки эти составлялись не из центра партии, а местными организациями партии и местными (губернскими) Советами крестьянских депутатов на равных друг с другом основаниях. И организация партии, и, в особенности, губернские Советы, несомненно, отражали настроение крестьянской массы, почему в тех местах, где это настроение было левым, вернее – большевистским, – списки партии и оказались составленными из левых эсеров. В результате из 338 депутатов, прошедших по спискам Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], 39 депутатов оказались «левыми эсерами», основавшими в Учредительном собрании свою самостоятельную фракцию, дружескую большевикам. В других же местах левые эсеры пытались выступить со своими конкурирующими списками против партийных, и что же оказалось? Число голосов, полученных ими там, где они открыто выступали как партийные раскольники, оказалось совершенно ничтожным. И, осмелюсь левые эсеры везде выступить так же с «открытым забралом», они прошли бы в Учредительное собрание в еще меньшем количестве. Для них было счастье, что кое-где они успели использовать авторитет партийной фирмы. И они это сами понимали. Будь иначе, что бы помешало большевикам – ведь у них была «своя рука владыка» – разрешить, ввиду изменившихся обстоятельств, разъединение эсеровских списков?

По мере выяснения неблагоприятного для большевиков исхода избирательной кампании последние все более и более вплотную придвигались к проблеме насильственного разгона Учредительного собрания. Раз большевики не могли опереться в своих quasi-социалистических и антигосударственных экспериментах на всенародное представительство и раз в то же время они решились удерживать власть в своих руках какой угодно ценой, – им ничего не оставалось более, как пойти на открытую борьбу с волей народа, рассчитывая на его утомление в результате войны на фронте и войны гражданской. Созданная ими к этому времени антидемократическая идеология облегчала их враждебные действия по отношению к Учредительному собранию. Понятие «весь народ» почиталось уже категорией буржуазной, принципы народовластия считались уже пройденными ступенями в развитии революции. Против «демократии» выдвинули «трудократию». Российское государство должно представлять из себя «Республику Советов», в которой политическими правами пользуется лишь трудовое население. Но трудовой народ имеет уже свои парламенты – Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. От добра, как говорится, добра не ищут – зачем еще трудовому народу какое-то Учредительное собрание?

Но ведь широкие массы помнят еще, как распинались за это Собрание сами же большевики? Приходилось, следовательно, показать, что не с легким сердцем решается большевистская власть на такую меру, как разгон Учредительного собрания. «Разгон» был бы принят населением легче, если бы был изобретен какой-нибудь, хотя бы и заведомо неприемлемый для Учредительного собрания компромисс, принять который это Собрание «злостно» отказалось бы и тем самым само

пошло бы навстречу разгону.

Такой компромисс большевиками был найден. Приоритет большевистских Советов как верховного государственного органа для большевиков был, конечно, непоколебим. Но и Учредительное собрание, на худой конец, большевики стали бы «терпеть», если бы это Учредительное собрание признало за советскими органами всю полноту законодательной и исполнительной власти. В этих целях Учредительное собрание должно было, с одной стороны, признать власть Совета народных комиссаров, а с другой стороны, в своей законодательной работе следовать программе и предначертаниям Центрального Исполнительного комитета Советов. Другими словами, из верховного органа, обладающего всей полнотой власти, учредительной, законодательной, исполнительной и судебной, Учредительное собрание должно было стать второстепенным в государстве учреждением, безвластным и законосовещательным.

Таковы были последние условия, продиктованные советской властью народному представительству... Они и были ему предъявлены большевиками и левыми эсерами в первое же и пока единственное заседание Учредительного собрания, в памятный исторический день 5 января.

Сбылась мечта поколений российских демократов – Всероссийское Учредительное собрание было открыто... Но в каких же поистине дьявольских условиях суждено было осуществиться этой мечте...

У входа в здание Таврического дворца народных избранников ожидали уже пулеметы и вооруженные банды солдат и матросов. На улицах расстреливали безоружных демонстрантов-рабочих, в первую голову пострадали обуховцы. Внутри здания была подобрана самая «твердокаменная» анархо-большевистская «публика» и такой же отборный «караул» из матросов, солдат и красногвардейцев, «готовый на все». Внутри здания депутаты наткнулись сразу на грубейшие оскорбления и всяческие препятствия, издевательства. Самый зал заседания представлял из себя невиданную еще картину разнузданных страстей и неприличного беснования на одной половине – большевистской – и сосредоточенного спокойствия, мрачного углубления в себя – на скамьях большинства, на скамьях депутатов-социалистов. Зал заседания Учредительного собрания был охвачен не обычной атмосферой страстной политической борьбы, а атмосферой намеренного грубого и тупого глумления. Большевики не только решились пойти на разгон народного представительства, но и сочли возможным совершить этот разгон в обстановке оскорбительной и недостойной для всякого приличного собрания. Они как бы старались показать и подчеркнуть, что в их руках власть и что им нипочем поиздеваться и разогнать народных избранников. Так поступают ничтожные людишки, у которых совесть нечиста.

Учредительное собрание, конечно, сочло для себя недостойным даже обсуждать условия, предъявленные советской властью. Не добившись постановки на обсуждение этого вопроса, большевики и левые эсеры покинули зал заседания.

Оставшиеся депутаты глубокой ночью продолжали заседать и, несмотря на угрозы ареста и расстрела из наведенных с хоров матросских ружей, обсуждали вопросы о мире и о земле. В момент, когда Собрание приступило к чтению зако-

на о земле, в залу ворвалась рота вооруженных матросов и потребовала, чтобы собрание разошлось, ибо они, матросы – охрана дворца, – устали и, кроме того, имеют такую «инструкцию». Это произошло в 5 часов утра 6 января.

«Никто не может помешать Учредительному собранно слушать закон о земле», – отвечал председатель матросам. Собрание продолжало слушать «закон» и под наведенными ружьями. Только под угрозой, что будет тотчас же потушено электричество, оно ускорило темп своей работы, и, только приняв основные положения закона о земле, а затем проголосовав резолюцию о мире, обращение к союзникам и декрет о форме правления, постановило объявить перерыв до пяти часов вечера того же числа.

Этот перерыв продолжается вот уже три месяца. Всенародное Учредительное собрание замерло. Но настанет момент, и оно очнется от временной летаргии. Покуда будет существовать государство – оно не сможет обойтись без народного представительства. Кто бы и когда бы ни ополчился на демократию – царизм или большевизм – победит всегда демократия. Большевизм – преходящ и ничтожен. А идея всенародного представительства – вечная!

*Публикуется по изданию:
Свяцицкий Н.В. Большевики и Всероссийское
Учредительное собрание //
Большевики у власти. Социально-политические итоги
октябрьского переворота. Сб. ст.
Пг.; М., 1918. С. 107–122.*

ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОРОКИН

ПУБЛИКАЦИИ 1917–1918 гг.

ЗАКОН ОБ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ¹

1. Возрастной избирательный ценз

В перечне вопросов избирательного права, разосланных Юридическим совещанием, первый вопрос гласит:

«Начиная с какого возраста граждане должны пользоваться активным избирательным правом? Не следует ли для военнослужащих установить более низкий возраст, чем для остальных граждан?».

Комиссия, избранная Особым совещанием, к единогласному решению по этим вопросам не пришла. В понедельник, завтра, вопрос будет решаться на пленуме Особого совещания. Как оно решит их – пока нельзя предвидеть. Но зато уместно здесь развить ту точку зрения, на которую встало меньшинство комиссии, в числе коего был я, и за которую, после моего доклада, высказалось большинство членов Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов.

Мое мнение таково: 1) Правом участия в выборах пользуются все российские граждане, достигшие 20 лет возраста. 2) Воинские же чины, призванные на военную службу, пользуются избирательным правом безотносительно возраста.

Таким образом, по моему мнению, следует установить различный возраст для военнослужащих и остальных граждан. По противоположному мнению, напротив, возрастной избирательный ценз должен быть одинаковым для той и другой категории.

Каковы же те мотивы, которые заставляют высказаться в пользу первого решения? Вкратце они таковы. Исходным положением для меня является тот факт, что все, призванные к отбыванию воинской повинности, не могут быть лишены избирательного права.

За это говорят и доводы принципиальные, и доводы политические. Первые состоят в том, что, раз государство признает возможным привлекать ту или иную категорию граждан к несению публично-правовой обязанности, каковой является военная служба, оно должно признать за ними и публично-гражданские пра-

¹Серия из шести статей, опубликованных П.А. Сорокиным в петроградской газете «Воля народа» в мае-июле 1917 г. в связи с подготовкой и принятием Положения о выборах в Учредительное собрание (1 – № 25 (28 мая), 2 – № 26 (29 мая), 3 – № 46 (июнь), 4 – № 50 (27 июня), 5 – № 53 (июнь), 6 – № 60 (8 июля)).

ва, в частности, право участия в выборах в Учред[ительное] собрание. Человек, на которого государство налагает обязанность жертвовать жизнью для защиты родины, не может быть лишен этого права. Человек, которому государство вручает великую публично-правовую задачу быть не только пушечным мясом, но нести великую службу защиты государства, *eo ipso*¹ должен быть признан достаточно зрелым для участия в выборах.

Политические же доводы заключаются в том, что лишение всего войска или его части права участия в выборах способно вызвать ряд крупнейших расстройств и беспорядков. Это не только факт «вероятный», но почти неизбежный. Такое лишение будет понято войском как неза заслуженное оскорбление или обделение в своем основном праве. Беспорядков же у нас и так достаточно. Нет никаких оснований плодить их еще больше.

Таковы краткие мотивы за участие всех военнослужащих в избирательной кампании. Раз это исходное положение принимается, то решение вопроса об избирательном возрасте остальных граждан возможно двояким образом: можно 1) или сравнить избирательный возраст граждан с военнослужащими, или 2) установить особый возрастной предел для граждан. Я высказывался и высказываюсь за последнее и находил бы целесообразным установить таким возрастным пределом 20-летний возраст. Мотивы за это решение таковы. Если установить одинаковый возраст для граждан и военных, то общий избирательный возрастной критерий будет чересчур низким. Низким потому, что в войска призваны 18-летние и есть даже по ошибке призванные, но, тем не менее, оставленные там 17-летние граждане. Возраст же 17, 18 лет низок. Только в двух кантонах Швейцарии имеется 18-летний избирательный возраст. Во всех остальных государствах он выше. У нас же 18-летний возраст как норма для участия в выборах опасен еще и потому, что большая часть избирателей-граждан будет состоять из женщин, до сих пор стоявших в стороне от политической жизни. Легко понять, какие опасные результаты могут получиться при таких условиях.

Нормой должен быть 20-летний возраст для гражданского населения. Он не низок и не высок.

Но говорят нам: «Устанавливая различные возрастные нормы для солдат и военных, вы нарушаете принцип равенства, вводите какое-то кастовое начало, даете привилегии военным и обделяете невоенных».

Возражение веское с первого взгляда. Начнем с нарушения принципа равенства. Да, формально он нарушен. Но не является ли часто принцип формального равенства вопиющим неравенством по существу? Ведь формальное равенство требует, например, одинакового налога со всех: и богатых, и бедных. Но не ясно ли каждому, что принципу равенства соответствует не этот «формально равный налог», например, по 5 рублей с каждого, а прогрессивно-подоходный налог, формально неравный, но вряд ли противоречащий принципу подлинного равенства.

То же и тут. Военные несут добавочную публично-правовую обязанность, не лежащую на «штатских», и обязанность тяжелую. Не вправе ли государство связывать с этой добавочной обязанностью в данное исключительное время и право

¹В силу этого (лат.).

на участие в выборах? Не привилегию, а именно право. Разве привилегией является освобождение от налога лиц, бюджет которых ниже жизненного минимума? И разве может быть названо наказанием увеличение налога сообразно увеличению доходов? То же и тут.

Государство одних призывает к воинской службе, других нет. Как непризвание не означает привилегии, а призвание – наказания, так же не является наградой для солдат и наказанием для остальных граждан и тот факт, что государство найдет возможным связать с фактом несения военной службы право пользоваться участием в выборах безотносительно возраста. Это будет не «привилегией», а как раз осуществлением принципа: из всякого публичного права вытекают и соответственные обязанности, и обратно – из всякой публично-правовой обязанности вытекают и соответственные права.

Таковы краткие доводы за предлагаемое решение. Думается нам, что оно является и наиболее правильным, и наиболее целесообразным. За него же говорит и тот факт, что армия на фронте в силу технических условий принуждена будет голосовать отдельно от гражданского населения.

2. Мажоритарная или пропорциональная система

Судя по большинству комиссии Особого совещания по выработке закона об Учредительном собрании, которое высказалось за пропорциональную систему выборов, и судя по настроению большинства Особого совещания, вопрос о системе выборов можно считать предрешенным. Принята будет, по-видимому, система пропорциональных выборов, а не мажоритарная.

При других условиях лично я мог бы только радоваться такому решению. Радоваться потому, что считаю в принципе пропорциональную систему более правильно выражающей волю народа, более справедливой и более совершенной, чем систему мажоритарную.

Но... в применении к России, как это ни странно с первого взгляда, при данных условиях я склонен голосовать скорее за мажоритарную, чем за пропорциональную систему. В этом отношении знаменательным является тот факт, что принципиальные сторонники мажоритарной системы, какими являются многие теоретики из Партии народной свободы, сейчас высказываются за пропорциональную систему. И обратно, некоторые принципиальные сторонники пропорциональной системы, как, например, В.В. Водовозов, В.А. Мякотин, высказываются за мажоритарную систему. К ним же примыкаю и я.

Примыкаю потому, что в условиях русской жизни я боюсь за то, что пропорциональная система даст в итоге большее искажение воли страны, чем мажоритарная.

Почему? Потому что первая для своей успешности предполагает ряд условий, которые у нас отсутствуют. Есть ли у нас широко развитая партийная жизнь? Пока ее нет. Знакомо ли население с сущностью пропорциональной системы? Мало, почти не знает ее. Достаточно ли оно культурно, чтобы правильно использовать ее? Сомнительно. Имеются ли достаточные гарантии для предупреждения

злоупотреблений, весьма легко возможных при данной системе? Почти никаких.

Раз отсутствуют эти условия, правильность результатов этого порядка выборов подвергается большому риску.

Мотивы, заставляющие, например, кадет высказываться за эту систему, весьма понятны. Само собой разумеется, что только при этой системе они могут рассчитывать на кое-какой успех при выборах. При мажоритарной же системе они потонули бы в общей массе крестьянских голосов, на которые они едва ли могут рассчитывать. Партии же крестьянские и, прежде всего, Партия социал[истов]-революционеров при мажоритарной системе могли бы рассчитывать на исключительный успех.

Но... не это соображение «выгодности» мажоритарной системы для социал[истов]-революционеров заставляет меня высказываться против пропорциональной системы, а ряд иных более серьезных опасений. Пройдет, по-видимому, та форма пропорциональных выборов, которая носит название системы «связанных списков». Население должно будет голосовать за весь список, а не за тех или иных отдельных лиц, имеющих в нем. Все списки, с вычеркиванием тех или иных отдельных имен списка, с дополнениями и изменениями, в счет не пойдут, будут забракованы. Учитывая это и позволительно спросить: все ли население будет голосовать за такие списки?

Едва ли. Многие воздержатся от голосования потому, что не захотят голосовать за того или иного отдельного кандидата, почему-либо им нежелательного.

Другие, не зная недопустимости изменений списков, будут подавать их в измененном виде. Такие бюллетени будут забракованы. Заранее можно предполагать, что процент таких забракованных бюллетеней будет громадным. Крестьянское население, насколько можно судить, за неизвестных ему лиц голосовать не будет. По личному опыту я могу сказать, что крестьяне требуют, чтобы кандидат показал хотя бы свое «лицо». Без этого «лица» они едва ли будут голосовать за целый список. Не зная о недопустимости изменений списка, они, естественно, будут изменять последние. Эти измененные списки будут забракованы. В итоге получим громадный процент забракованных бюллетеней, в силу этого получим искажение воли страны, уже не говоря о недовольстве избирателей, голоса коих пропали; а присоединив сюда процент прямо воздержавшихся, получим такое искажение мнения народа, какое едва ли дала бы и мажоритарная система.

Но это не все. Вторым итогом ее, при допустимости выставления одной кандидатуры во многих округах, станет то, что население будет невольно вовлечено в обман. Всякая партия будет украшать свои списки популярными в стране именами. Можно предвидеть, что чуть ли не во всех социал-революционных списках будут фигурировать такие имена, как А.Ф. Керенский, В.М. Чернов и др. То же будет и в других списках. Население, не зная, что это лишь прием «уловления избирательских душ», с чистым сердцем будет подавать голос за такой список, полагая, что оно голосует за А.Ф. Керенского.

Каково же будет его удивление, когда оно узнает, что голоса его шли не за Керенского, а за ряд лиц, за которых оно, быть может, и не думало бы голосовать. Такой эффект вряд ли очень хорош.

Плохо здесь и то, что решающими органами будут комитеты. В силу необходимости данная система вызовет внутрикомитетские трения, борьбу за место в списке, будет раздражать самолюбие, вызовет взаимные счеты и т.д., и т.д. Эти «взаимные счеты» будут особенно остры тогда, когда кандидат соберет большую часть голосов, но сам, стоя в списке не на первых местах, не пройдет. Легко понять, что это вызовет недовольство у населения. Оно голосовало за А., рассчитывая, что пройдет А. А. действительно получил большинство. Но проходит не А., а М., стоящий на первом месте в списке и получивший лично ничтожное число голосов. Масса будет думать, что ее обманули, провели. Мало того, такой результат способен будет компрометировать самый принцип выборности. Такой эффект едва ли может быть желательным. Немаловажным обстоятельством служит и тот факт, что при этой системе легко возможны злоупотребления. Выборочная кампания в Петрограде уже дала кое-что в этом роде поучительное. Я не буду приводить дальнейших опасений. Их немало. И сказанного достаточно, чтобы понять, почему целый ряд сторонников пропорциональных выборов в применении к России стоит против них. Избирательная система тем выше, чем правильнее она выражает физиономию страны. Пропорциональная система при наличии ряда условий может делать это лучше, чем мажоритарная. Поэтому я – сторонник ее. Но так как в России эти условия отсутствуют, то не исключен тот факт, что она даст искажение мнения народа больше, чем система мажоритарная. Посему приходится голосовать скорее за последнюю, чем за первую.

3. Об избирательном праве

Работы Особого совещания по выработке проекта положений о выборах в Учредительное собрание подходят к концу. Основные положения избирательного закона выработаны, и со вчерашнего дня Особое совещание приступило к окончательному обсуждению формулировки этих положений в том виде, в каком они приняты редакционной комиссией. Правда, положения, выработанные Особым совещанием, юридически являются еще не законом, а только законопроектом. Они нуждаются еще в санкции Временного правительства. Но вряд ли последнее будет что-либо изменять в них. В силу этого можно рассматривать их фактически как положения закона.

Так как срок выборов уже назначен, так как он близок, то сама собой понятна необходимость немедленного ознакомления с законом о выборах широких народных масс. Этим мотивом объясняется и оправдывается наше задание – посвятить ряд статей систематическому положению и объяснению избирательного закона. В этих статьях мы будем держаться текста законопроекта, цитируя его статьи и сопровождая их надлежащими разъяснениями там, где они нужны. Ввиду указанного чисто практического задания мы не будем заниматься теоретическими выкладками или критикой тех или иных статей законопроекта. Такие задачи сейчас практически излишни, ибо изменить принятые положения они не в состоянии.

Следуя тексту законопроекта о выборах, свои комментарии его мы начнем с

1-го раздела, озаглавленного «Об избирательном праве».

Этот раздел точно определяет условия активного и пассивного избирательного права, или, говоря проще, указывает: кто может избирать в Учредительное собрание и кто не может; кто может быть избранным в него и кто не может.

Нижеследующие статьи отвечают на эти вопросы. Обойдем первую декларативную статью и перейдем сразу ко 2-й статье. Ст. 2-я гласит: «Все российские граждане обоего пола, коим к 17 сентября 1917 г. исполнится двадцать лет, пользуются правом участия в выборах в Учредительное собрание».

Вторая часть этой статьи добавляет: «Правом участия в выборах пользуются военнослужащие, достигшие к 17 сентября 1917 г. возраста, установленного для последнего досрочного призыва»¹.

Согласно этой статье, правом участия в выборах пользуются все российские граждане, достигшие 20 лет к 17 сентября 1917 г., т.е. ко дню производства выборов. Различия по полу нет. Избирательным правом пользуются и женщины на основаниях, одинаковых с мужчинами...

Вторая часть статьи относится к военнослужащим, т.е. ко всем тем, кто призван к отбыванию и несению военной службы. Для этой части граждан избирательный возраст понижен. Как известно, досрочному призыву подлежали 19-летние, 18-летние, 17-летние, взятые по разъяснению Сената ошибочно, но, тем не менее, оставленные в рядах войск. Все эти, досрочно призванные, имеют право участия в выборах. Если предположим, что до 17-го сентября 1917 г. досрочно будут призваны и 16-летние, то в силу этого получают избирательное право и они. Однако закон нельзя толковать так, что он распространяется и на всех добровольцев-военнослужащих. Закон понижает избирательный возраст и для них, но не ниже возраста последнего досрочного призыва. Посему в применении к добровольцам его приходится толковать так: добровольцы-военнослужащие, достигшие к 17 сентября 1917 г. возраста, установленного для последнего досрочного призыва, получают право участия в выборах, добровольцы же более молодого возраста такого права не получают.

Таков текст 2-й статьи, определяющий возраст, дающий право участия в выборах в Учредительное собрание. Тот же возраст требуется и для того, чтобы быть избранным в члены Учредительного собрания.

Следовательно, в Учредительное собрание может быть избранным всякий российский гражданин обоего пола, достигший к 17 сентября 1917 г. двадцати лет, и всякий военнослужащий, достигший к этому сроку возраста, установленного для последнего досрочного призыва.

Выходит, таким образом, что в депутаты Учредительного собрания у нас могут быть избраны и женщины на правах, равных с мужчинами.

Следующие статьи вводят ряд ограничений, лишаящих избирательного

¹ В официальном тексте I раздела Положения о выборах в Учредительное собрание, утвержденном Временным правительством 20 июля 1917 г., значится следующее: «3. Правом участия в выборах в Учредительное собрание пользуются российские граждане обоего пола, коим ко дню выборов исполнится 20 лет. Примечание. Военнослужащие пользуются правом участия в выборах, если они достигнут ко дню выборов возраста, установленного для последнего досрочного призыва». Дата выборов – 17 сентября – установлена Временным правительством 14 июня, но затем голосование было перенесено на 12 ноября, а срок созыва Собрания – на 28 ноября 1917 г.

права те или иные группы. О них завтра.

4. Какие учреждения заведуют выборами в Учредительное собрание

Выборы в Учредительное собрание требуют большой подготовительной работы. К ней приходится приступать теперь же. В силу того, что выборы назначены на 17 сентября и что на местах еще не созданы новые учреждения городского, губернского и земского самоуправления, члены которых должны были бы войти в состав избирательных комиссий и вести эту подготовительную работу по выборам, ее приходится возложить на иные учреждения и лица.

Принятые в этом отношении Особым совещанием положения гласят следующее.

1) Подготовительная работа по составлению избирательных списков возлагается на существующие общественные или государственные организации, указываемые особыми постановлениями Временного правительства.

2) До образования на местах учреждений самоуправления члены комиссий по делам о выборах в Учредительное собрание, избираемые органами самоуправления, временно замещаются лицами указываемых Временным правительством местных учреждений и организаций.

3) По Положению о выборах ряд функций должен выполняться административными отделениями окружных судов, в частности, товарищами председателей оных отделений и административными судьями. Пока такие отделения и такие должности не учреждены, обязанности товарищей председателей административных отделений возлагаются на товарища председателя гражданских отделений окружных судов, а обязанности административных судей – на уездных членов окружного суда или на мировых судей, по выбору мирового съезда.

Таковы вкратце заместители тех лиц, на которых возложены определенные подготовительные работы по выборам.

Что касается учреждений, ведающих самими выборами в Учредительное собрание, то таковыми являются:

1) Всероссийские, окружные, уездные и городские по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии и участковые избирательные комиссии;

2) городские, поселковые и волостные земские управы.

Начнем обзор с Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии.

Она намечена в составе Председателя, назначенного Временным правительством, и 24-х членов, назначенных Временным правительством по представлению Особого совещания. Кроме того, при рассмотрении вопросов, касающихся отдельных категорий избирателей (напр., по национальности и т.д.), в комиссию приглашаются представители этих категорий.

На Всероссийскую комиссию возлагается: 1) наблюдение за ходом выборов в Учредительное собрание, 2) выработка инструкций, 3) разъяснение сомнений, 4) составление общего списка лиц, избранных в Учредительное собрание, 5) принятие мер к разработке статистических и иных данных по выборам в Учредительное собрание, 6) сюда же по окончании выборов поступает и все выборное произ-

водство с тем, чтобы затем быть переданным Учредительному собранию по его открытии.

Всероссийская комиссия одна. Она возглавляет собою все остальные комиссии по выборам. В каждом избирательном округе (губернии) образуется окружная по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия. Председателем ее состоит председатель губернского земского собрания (или его заместитель), членами: товарищ председателя окружного суда по административному отделению или его заместитель, два члена по выбору управы губернского города и губернской земской управы; кроме того, в ее состав входят по одному лицу из каждой группы избирателей, заявившей кандидатский список.

В каждом уезде образуется уездная комиссия. Ее состав: председатель – административный судья или указанные выше его заместители, члены – два мировых судьи, по выбору уездного мирового съезда, два члена по выбору уездной земской управы и два члена по выбору городской управы. Кроме того, и сюда приглашаются по одному лицу от избирателей, заявивших кандидатский список. В уезде образуется несколько участковых избирательных комиссий. Каждая из них состоит из четырех членов, избираемых городской, поселковой или волостною земскою управою. Приглашаются сюда и по одному лицу от каждой группы избирателей, заявившей кандидатский список.

Такова «иерархия» комиссий. Начиная с Всероссийской, спускаясь к окружной и уездной, они кончаются участковыми. Но эта постепенность нарушается некоторыми исключениями. Петроград и Москва выделены в особые избирательные округа. Поэтому в них выборами заведуют особые столичные комиссии, состоящие из городского головы, товарища председателя окружного суда, двух его членов по выбору общего собрания суда и пяти членов городской управы.

Рядом с этой столичной комиссией образуется здесь и ряд участковых комиссий, составленных из четырех лиц, выбираемых городской управой.

Особые городские комиссии образуются и в губернских городах, и в городах с населением свыше 50 000 человек.

Главными предметами ведения каждой из этих избирательных комиссий, сообразно пространству, на которое распространяется их деятельность (округ, город, уезд, участок), являются: 1) наблюдение за своевременностью открытия действий по делам о выборах комиссий; 2) утверждение распределения избирательных участков и рассмотрение тех или иных заявлений о неправильностях, допущенных при таком распределении; 3) забота о своевременном составлении избирательных списков и выставление их для всеобщего обозрения; 4) принятие, рассмотрение и нумерация кандидатских списков (только для окружной комиссии); 5) заготовление избирательных конвертов и избирательных записок (только для окружной комиссии); 6) подсчет голосов; 7) объявление избранных членов Учредительного собрания (только для окружной комиссии); 8) рассмотрение протестов и жалоб на составление избирательных списков и на неправильные действия тех или иных учреждений самоуправления.

Таковы основные предметы ведения избирательных комиссий. Что же касается учреждений местного управления и самоуправления, то таковые оказывают всяческое содействие комиссиям по делам о выборах в Учредительное собрание в

исполнении последними возложенных на них обязанностей.

5. Об избирательных списках

В моих предыдущих статьях я рассмотрел вопрос о том, кто может и кто не может участвовать в выборах.

Лица, имеющие право участия в последних, заблаговременно должны быть внесены в избирательные списки. В этих списках обозначается имя, отчество, фамилия, адрес и род занятий каждого избирателя. Такой список избирателей составляется отдельно по каждому избирательному участку. Каждый избиратель может быть внесен только в список одного участка, не более.

Составление избирательных списков возлагается на городские и поселковые управы по принадлежности. День, в который они приступают к составлению списков, определяется для всего округа окружной комиссией по выборам в Учредительное собрание.

В список каждого участка вносятся все лица, имеющие право участия в выборах и проживающие на данном участке ко дню начала составления избирательных списков. (Временная отлучка из данного участка не мешает внесению в список). Могут быть внесены в список участка и лица, прибывшие туда позже этого срока, однако не позднее, чем за три дня до окончания срока, установленного для подачи жалоб (т.е. в течение семи дней после первого опубликования избирательного списка). Для этого внесения необходимо собственное заявление такого лица, подаваемое одновременно с заявлением об исключении его из избирательного списка по прежнему месту проживания.

По окончании составления списка он немедленно, и во всяком случае не позднее 40 дней до дня выборов (т.е. не позднее 7 августа), публикуется во всеобщее сведение с тем, чтобы каждый мог обозреть [его] и познакомиться с ним. Если окажутся в списках неполнота, пропуски и те или иные ошибки, то всякий избиратель в течение десяти дней после опубликования списка имеет право подавать жалобы на неправильность или неполноту списка. Право протеста против этих недостатков в течение того же срока предоставлено и высшему представителю местной администрации.

Эти жалобы и протесты подаются в городскую или поселковую и в волостную земскую управу.

Последние своей властью удовлетворяют справедливые жалобы на невключение жалобщиков в список или на помещение о них неверных сведений. Об удовлетворении этих жалоб управы ставят в известность жалобщиков.

Все остальные жалобы этими учреждениями препровождаются с объяснениями в трехдневный срок в уездную по делам о выборах комиссию.

После исправления выяснившихся недостатков избирательного списка не позднее, чем за день до истечения 10-дневного срока, публикуется новый, дополнительный список, куда вносятся лица, неправильно внесенные в первый избирательный список, и лица, переселившиеся в этот участок позднее дня начала составления списка и заявившие о своем желании быть внесенными в список данного участка.

И на этот дополнительный список, если в нем снова допущены ошибки, возможно принесение жалоб и протестов в тот же срок и при тех же условиях, как и на первый список (в течение 10 дней по его опубликовании и т.д.). Но эти жалобы и протесты решаются уже не городской, поселковой или волостной управой, а уездной или городской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссией в порядке рассмотрения дел административными судьями. При рассмотрении жалобы могут присутствовать все заинтересованные в ней лица.

Решения этих комиссий, в свою очередь, могут быть обжалованы или опротестованы в десятидневный срок в окружной суд, который должен рассмотреть их в течение 5-дневного срока.

Окончательно исправленный таким образом список не позднее, чем за 10 дней до дня выборов (т.е. не позднее 7 сентября), вновь публикуется во всеобщее сведение.

Такова механика составления избирательных списков, сроки обжалования и опубликования органов, ведающих этим делом.

В силу грандиозности задачи, трудности составления избирательных списков, спешности, которая неизбежна ввиду приурочения дня выборов к 17 сентября, при выполнении этой задачи почти несомненно будут допущены крупные ошибки и промахи.

И нельзя будет особенно винить в этом управы, на которых будет лежать эта обязанность.

В силу этого сами избиратели должны здесь прийти на помощь управам, тщательно познакомиться с опубликованным списком, указать в порядке жалобы или протеста [на] его неполноту, ошибки и др. неправильности и тем способствовать наибольшей полноте и правильности избирательных списков.

Здесь общество должно проявить максимум своей энергии и заботы. Последние требуются важностью задачи. Нужно полагать, что выборами определяется состав Учредительного собрания, а последнему придется определять судьбы России.

6. Как определить число депутатских мест, падающих на каждый кандидатский список. Соединение списков

В предыдущих отчетах было указано, что избирательные голоса будут подаваться не за того или иного отдельного кандидата в члены Учредительного собрания, а за целый список, включающий в себя всех кандидатов данного округа. Ввиду этого в каждом избирательном округе (в губернии) будет предложен различными партиями и организациями ряд списков. Каждый гражданин-избиратель должен будет подавать свой голос в тот или иной из предложенных списков. Изменять его он не может. Нельзя в списке вычеркивать того или иного кандидата и заменять его другим. Никакое изменение списка не допускается. Всякий измененный список будет считаться недействительным. Это нужно помнить.

Чем больше голосов будет подано за тот или иной список, тем больше депутатских мест он получит. Предположим, что от губернии нужно избрать 5 депутатов. Предположим, что заявлено всего 4 списка (№ 1 от социал[истов]-

революционеров, № 2 от социал-демократов, № 3 от народн[ых] соц[иалистов], № 4 от кадетов). Если бы все голоса были поданы за какой-либо один список, тогда все 5 мест и получили бы кандидаты этого списка. Но таких случаев почти не бывает. Голоса обычно разбиваются. Одни будут голосовать за список № 1, другие – за № 2 и т.д.

Теперь и спрашивается: сколько же депутатских мест должно быть представлено каждому списку? Ответ гласит: такое количество мест, которое соответствует числу поданных за список голосов. Это определение числа мест, падающих на каждый список, производится следующим образом (система д'Ондта).

Предположим, что всего в губернии было подано 47 000 голосов. Из них за список № 1 подано 24 000, № 2 – 11 000, № 3 – 9000, № 4 – 3000.

Каждое из этих чисел делится на ряд натуральных чисел: 1, 2, 3, 4. Если бы подано было пять списков, то числа делились бы на 1, 2, 3, 4, 5; при шести списках – на 1, 2, 3, 4, 5, 6 и т.д.

Делим:	1) 24000	11000	9000	3000
	2) 12000	5000	4500	1500
	3) 8000	и т.д.,	и т.д.	
	4) 6000			

Теперь полученные цифры располагают по их величине. Располагаем: 24 000 (1), 12 000 (2), 11 000 (3), 9000 (4), 8000 (5).

Так как требуется всего пять мест, то каждая пятая цифра и будет тем, что зовется избирательным знаменателем. Сколько раз она содержится в числе голосов, поданных за тот или иной список, столько депутатских мест и получает последний. Делим 24 000 на 8000 – получаем 3. Значит, список № 1 получает 3 места, т.е. из выставленных в нем кандидатов депутатами избираются первые три лица в том порядке, в каком они выставлены в списке. В 11 000 – 8000 содержится один раз, значит, список № 2 получает 1 место. Список № 3 – тоже одно ($9000:8000 = 1$). Список № 4 не получает ни одного места.

Такова система определения числа депутатских мест, падающих на тот или иной список. Ее можно и не знать избирателю. Подсчитывать голоса и определять число депутатских мест, падающих на тот или иной список, будет комиссия. Но не мешает знать систему подсчета и избирателю.

Таким образом, по этой системе в нашем примере список № 1 получает три места, № 2 – одно, № 3 – тоже одно. В каждом из этих списков избранными считаются те кандидаты, фамилии которых являются первыми в списке. Так, если в списке № 1 первым кандидатом является Петров, вторым – Иванов, третьим – Павлов, то они и считаются избранными. Остальные кандидаты не получают депутатских мест.

Отсюда понятно, какое значение имеет самый порядок кандидатов в каждом кандидатском списке. Кандидаты, поставленные на первые места в списке, могут вполне рассчитывать на прохождение в члены Учредительного собрания. Кандидаты же, фамилии которых стоят на последних местах, почти никогда не пройдут.

Такова вкратце система определения количества депутатских мест, падающих на каждый кандидатский список.

В связи с ней нелишне будет коснуться и так называемого соединения спи-

сков, принятого нашим избирательным законом. Сущность соединения списков состоит в том, что за определенное число дней до дня выборов (по нашему закону за 15 дней) уполномоченные представители каждого кандидатского списка заявляют окружной избирательной комиссии, что такие-то списки (например, списки № 1, № 2, № 3) при определении числа депутатских мест, падающих на каждый список, должны считаться как бы за один список. Каждый из этих соединяемых списков продолжает оставаться самостоятельным, но при определении депутатских мест все они считаются как бы за один список.

Поясним сказанное на примере, из которого понятной будет и та цель, которая достигается при соединении списков.

Предположим, что от данного округа должно быть избрано 7 депутатов. Предположим даже, что всего предложено 4 кандидатских списка (список № 1, № 2, № 3, № 4). Допустим, что список № 1 получил 8000 голосов, № 2 – 22 000, № 3 – 11 000, № 4 – 34 000. По системе д'Ондта избирательный знаменатель будет 8500. В силу этого список № 1 не получает ни одного места, № 2 – получает 2, № 3 – одно, № 4 – 4 места. Таково будет распределение мест между списками без соединения их.

Теперь предположим, что за 15 дней до дня выборов уполномоченные представители списков № 1, № 2 и № 3 подали заявление о соединении их списков. Тогда списки № 1, № 2, № 3 при определении числа депутатских мест должны считаться за один. При подсчете голосов получается, следовательно, только два списка: 1) соединенный список № 1, № 2, № 3, в сумме обладающий 41 000 голосов, и 2) список № 4, за который подано 34 000. Применяя систему д'Ондта, при подсчете получаем избирательный знаменатель в виде цифры 10 250. Делим 41 000 на 10 250 и получаем 4 депутатских места на объединенные списки № 1, № 2, № 3 и 3 места на № 4.

Таким образом, благодаря соединению первых 3-х списков они выиграли одно лишнее место, а список № 4 потерял его.

Отсюда ясна та задача, которую преследует соединение списков. Оно дает возможность соединить остатки голосов родственных списков, из этих остатков составить сумму, достигающую цифры избирательного знаменателя, и этим путем «оттяпать» лишнее место у других списков, в данном случае у списка № 4.

После распределения депутатских мест между соединенным списком (в данном примере – списками № 1, № 2, № 3), с одной стороны, и остальными списками (№ 4) – с другой, распределение депутатских мест между самими соединенными списками происходит по той же системе д'Ондта.

У нас списки № 1, № 2, № 3 благодаря соединению получили 4 места. Теперь распределяем места между этими списками. № 1 получил 8000 голосов, № 2 – 22 000, № 3 – 11 000. Избирательный знаменатель будет цифрой 8000. Следовательно, список № 1 получает 1 место, № 2 – 2 места, № 3 – одно.

Соединение списков в итоге дало выигрыш одного места для списка № 1, который без соединения этого места не получил бы.

ТРАГЕДИЯ РЕВОЛЮЦИИ¹

Трудно быть в одно и то же время зрителем и участником той великой пьесы, которую сейчас дает история. И, однако, это делать приходится. И делая это, приходится отметить новый этап в процессе революции. Этап ее спада. Невесело констатировать такой факт, но ничего не поделаешь, ибо такова действительность. Месяца два тому назад я писал, что всякая революция проходит через три основных этапа: первый – этап подъема, этап ее начала и роста, второй, наступающий после первого, – этап обратного поворота революционного маятника. Раскачнувшись влево и достигнув максимального отклонения, революционный маятник начинает ползти обратно. Третий этап – этап окончательного установления общественного равновесия, закрепления того нового порядка, который представляет среднюю равнодействующую между старым режимом и тем положением революционного маятника, который является максимальным его отклонением влево. В зависимости от ряда условий это окончательное положение общественного равновесия бывает ближе то к последнему, то к первому пункту. Чаще всего, однако, бывает последнее.

Те же этапы, по-видимому, суждено пройти и русской революции. История не знает привилегий и заставляет все страны и народы проходить, в общем, один и тот же стаж. И русская революция с добросовестностью послушного ученика этот стаж проходит. Был первый этап. Революционный маятник безудержно полетел влево, ликвидируя в своем полете все остатки старого режима и человеческой неслободы.

Снесена была монархия и заменена фактической республикой. Больше того. Снесена была всякая власть. Республика не исключает сильной власти. У нас же не было почти никакой. Снесены были всяческие ограничения свобод. Установлены были такие пределы личных прав человека и гражданина, каких не знала ни одна страна. Принудительная основа общественного порядка заменена была основой, покоящейся на доброй воле, на полной свободе говорить, действовать и поступать как кому заблагорассудится. Уничтожено было неравенство всех форм и видов: и сословное, и религиозное, и национальное. Амнистированы были и политические, и уголовные преступники. Отменена была смертная казнь.

Снесены были всякие принудительные ограничения не только граждан, но и военной части общества. Старая дисциплина была уничтожена в корне. Ее основы – разрушены.

В итоге тут и там с человека были сняты все принудительные путы. Каждый оказался свободным от них. Всякий в своих словах, мыслях, поступках оказался предоставленным своей совести, своей воле и своему разумению.

Маятник революции летел вверх и сносил одну принудительную преграду за другой.

И люди, еще вчера носившие на себе цепи самодержавного рабства, еще вчера покорно гнувшие шею перед тяжестью всяческих ограничений и бесправия, еще вчера безропотно тянувшие тяжелую колымагу старого режима, почувство-

¹ Впервые опубликовано в газете «Воля народа» 13 июля 1917 г. № 64.

вав свободу, возможность сбросить этот гнетущий груз, стали разрывать одну цепь за другой, сметать одну преграду за другой, сбрасывать одно ограничение за другим.

Люди опьянели от свободы. И, опьянев, заговорили кто что хочет, делали кому что заблагорассудится. Вспыхнули тысячи appetitов. Появились тысячи сепаратизмов. Каждый appetit заявлял себя суверенным. Каждый требовал удовлетворения. Ни один не хотел знать, уместно ли в данный момент его требование или нет; вредно ли оно для того целого, частью которого он является, или нет.

Всякий требовал, требовал и требовал. Требуя и добиваясь осуществления своих желаний, растаскивал, распылял общий фонд революции, ослаблял ее силы, и в итоге... все, вместе взятые, этот фонд растащили. Революцию распылили... Революцию истожили...

Теперь фонд живых сил революции истощен. До последнего момента у нее хватало еще энтузиазма, внутреннего благородства, великодушной снисходительности и всепрощающей кротости ко всем, кто тратил ее силы. Вместо наказания виновных до сих пор революция прощала. Вместо грозного окрика революция увещевала. Вместо расправы революция апеллировала к высоким мотивам. Вместо принудительного усмирения революция защищала свободу каждого поступать и действовать по своему усмотрению. До сих пор ее живой силы хватало на это...

Теперь она иссякла. Маятник революции дрогнул. Он уже не ползет вверх. Напротив, он начинает стремительно лететь вниз.

Повторяется в сотый раз то, что сотни раз уже было в истории. Как и у нас, во всякой большой революции маятник последней сначала резко раскачивался влево. Разве не то же было и во время Французской революции? Разве и здесь, в ее первые медовые месяцы, не были снесены всякие ограничения свободы? Декларация прав человека и гражданина, полная свобода совести, слова, печати, собраний, союзов, уничтожение всякого неравенства, попытки отмены смертной казни (предложения Лен. Сен-Фаржо и Кондорсэ) и т.д., и т.д. – все это было и во Французской революции. И как скоро все это пошло там насмарку. Шаг за шагом появлялись ограничения, росли, множились, и в итоге свободу, как основу порядка, заменили принуждением; неограниченные конституционные гарантии превратили в весьма скромную и в весьма стеснительную свободу слова, печати, союзов, собраний и т.д. Снисхождение и прощение заменили террором. Бездейственную власть – диктатурой.

В меньшем масштабе и не столь резко, но то же происходило почти во всех революциях.

То же происходит и у нас.

Весна и стремительный полет революции влево кончились. Она начинает ощетиниваться. Она берется за орудие принуждения. Она начинает отбирать обратно то, что она же сама дала. Неважно, кто это делает. Социологу не интересно, чьими руками совершается это обратное отбирание даров революции. Ему важно лишь, что это так.

До сих пор мы имели безвластие – с одной стороны, и полную свободу гражданина – с другой. Теперь это состояние исчезло. На место безвластия объявлено

правительство с неограниченными полномочиями. Использует ли эти полномочия данное Временное правительство или другое, – это неважно. Для меня несомненно лишь одно, что кто-то их использует.

Тон правительственных актов начинает резко меняться. Ноты снисхождения, длинные и благородные слова увещания слышатся в этих актах реже и реже. Место их занимают краткие, ясные и решительные ноты приказа, слова повеления.

Неограниченная свобода личных прав уже исчезла. Введены ограничения. Кривая арестов резко ползет вверх. Начинают закрываться газеты. Воспринимаются определенные виды агитации. То, что еще недавно допускалось, начинает преследоваться. На улицах меньше говорящих толп. Лица серьезные. Жесты резче. Слова – скромные. Призывы – умеренные.

Голоса крайних левых делаются глуше. Голоса правых громче, смелее, призывы их решительнее.

При конфликтах и эксцессах место слов занимают действия, действия лиц, вооруженных штыками и ружьями. Аргументы логики заменяются аргументами приказов и выполняющих их вооруженных сил.

Место гарантий, которые ограничили права любого агента власти, занимают «неограниченные полномочия» последних. Раз даны «неограниченные полномочия», о гарантиях речи быть не может.

Шаг за шагом революция начинает идти обратно и отнимать то, что она же щедрой рукой бросила в первые весенние месяцы своего расцвета. Фонд ее живых сил растащили. Он исчерпан. И, в силу законов необходимости, она прибегает к иным средствам.

Начинается ее трагедия, величайшая из всех трагедий, когда-либо кем-либо написанных. Она принуждена отбирать то, что сама дарила, разрушать то, что сама создала. И эта трагедия, как эхо, в тысячах душ откликнется тысячами личных трагедий. Трагедий, заключающихся в том, что это самоограничение революции тысячи революционеров принуждены будут делать собственными руками. Тысячи лиц силою рока обязаны будут отрицать то, что утверждали, вводить меры, которые им противны, прибегать к средствам, которые они отрицают.

Как яркое проявление такой трагедии можно указать на фактическое введение недавно отмененной смертной казни. Она уже введена на фронтах. Ряду лиц дано право применять расстрел. О том же ходатайствует и ряд комиссаров. Во вчерашних газетах появилось ходатайство Б. Савинкова и др. о предоставлении им такого права. Это ли не трагедия? Революционер, взявший на себя великий крест террора во имя уничтожения смертной казни, автор «Коня бледного», человек, как и тысячи других лиц, после отмены смертной казни со вздохом облегчения сказавший «ныне отпускаешь», волею судьбы снова принужден взяться за это страшное орудие и принужден ходатайствовать о предоставлении ему такого права.

«Я, Борис Савинков, бывший комиссар 7-й армии, и мой помощник Владимир Губечиа привели 7-ю армию в состояние, которое дало возможность наступать. Герои пали в бою, и армия, увлеченная ими, сражалась доблестно, а теперь их нет и она бежит. Как я отвечу за пролитую кровь, если не потребую, чтобы не-

медленно были введены с железной решимостью в армии порядок и дисциплина, которые не позволили бы малодушным безнаказанно по своей воле оставлять позиции, открывать фронт, губить этим целые части и товарищей, верных долгу, покрывая незабываемым срамом революцию и страну. Выбора не дано: смертная казнь тем, кто отказывается рисковать своею жизнью для родины за землю и волю».

«Выбора не дано: смертная казнь тем...». Один ли он, кому поставлена такая дилемма? Не перед ней ли стоит и А.Ф. Керенский, и Церетели, и все Временное правительство? Не перед ней ли стоят сотни тысяч тех, кто был и остается истинным противником смертной казни? И что всего трагичнее, как и Савинков, все они обязаны будут сказать «да», все они скажут: иного выхода нет. Можно ли представить себе большую трагедию?

Можно ли изобрести более яркое доказательство поворота революции? Можно ли еще сомневаться в том, что этот поворот наступил? Революция поистине начала отбирать то, что она дала.

Значит ли все сказанное, что революция погибла? Означает ли все это, что остается для каждого один путь – путь безвольного предоставления естественному ходу вещей, путь сидения «слова руки»? Нет, не значит.

Все указанное говорит лишь о том, что предоставленная революцией свобода оказалась доступной для значительной части общества. Вместо употребления этой свободы эта часть злоупотребила ею. Вместо укрепления революции она подрывала ее. Вместо порядка свободы она установила беспорядок анархии.

В силу этого во имя собственного спасения революция принуждена самоограничить себя и объем своих завоеваний. Проявлением этой самозащиты и являются констатируемые факты. Там, где нападающего на революцию не останавливает сила убеждения, место последнего должна заменять сила принуждения. Революция к этому приступила. Отсюда понятно, почему революция «ощетинилась».

ШТЫК И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ¹

В чем трагедия России?

В том, что высшим правителем объявлен его величество – г. Штык!

В том, что высшим доказательством и высшим судьей признан его величество – г. Штык!

В том, что у нас нет ни аристократии, ни демократии, а есть штыкочетия...

В том, что вместо разума, вместо народа на трон вошел и утвердился г. Штык – Штык, ни о чем не рассуждающий, ничего не понимающий, не ведающий сам, чего он хочет, не имеющий своей воли, а делающий то, что ему прикажет тот, кто случайно его околдует, кто случайно его захватит.

Демократия, при наличности всеобщего права голосования, решает вопросы избирательными бюллетенями. Штык решает вопросы силой.

¹ Впервые опубликовано в газете «Воля народа» 13 ноября 1917 г. № 171.

В демократическом государстве уважается воля всего народа. Она – высший закон. В штыкокрации, как у нас, волю народа не спрашивают. Всякий, кто имеет штык, тот считает свою волю за волю всего народа. Кронштадтские матросы и петроградский гарнизон, имеющие штыки, позволяют себе говорить от имени всего народа. Кучка большевиков, располагающая штыками Красной гвардии, не спрашиваясь народа, свергает власть и, больше того, не стесняется угрожать Учредительному собранию.

В демократии воля народа выражается избирательными бюллетенями. В штыкокрации, как у нас, на избирательные бюллетени не обращают никакого внимания. Если результаты выборов дают итоги иные, чем те, которые угодны штыкодержцам, они объявляют волю народа не существующей и штыками разгоняют думы, созданные всеобщим, равным, тайным и прямым голосованием. Так случилось с Московской городской думой, та же участь ждет Петроградскую городскую думу, ту же участь большевики обещают и Учредительному собранию.

Штыкокрация слепа и стихийна. Она всегда вела народ к гибели, ведет его и нас. Те самые солдаты и рабочие, которые остриями штыков утверждали власть большевиков, сами не ведая того, топчут свои демократические основы, подрубают тот сук, на котором держится воля народа и их собственные блага...

Грабители расхищают народное достояние – Государственный банк. Солдаты и рабочие допускают этот грабеж, не понимая, что разграбляют свое собственное достояние и достояние всего народа...

Проходимцы революции разгоняют думы, избранные всеобщим голосованием. И солдаты, и рабочие, сами выбиравшие эти думы, своими же штыками разрушают то, чем они сильны. Демократия всегда требовала свобод. Во имя их завоеваний боролся ряд поколений. Теперь сами же солдаты и рабочие помогают распитию этих свобод и аплодируют закрытию ряда газет...

Так «демократия» топчет душу подлинной демократии. Так при «штыкокрации» разрушается руками самих же рабочих и солдат дело народа.

Что же скажут они, когда придет подлинный диктатор, Романов или новый Наполеон, и, следуя их же методу, отберет все завоевания революции? Разве он не вправе будет сказать им: «Я делаю то же, что делали и вы сами. Если вам позволено нарушать заветы демократии, то почему же их не могу нарушать я?». И ему возразить будет нечем.

Раз мы дошли до штыкокрации, то приход нового деспота почти неизбежен. Я уже вижу, как приближается он, и вижу, что скоро слепой штык руками тех же рабочих и солдат будет делать дело идущих деспотов и губить дело народа. Этим всегда кончалась штыкокрация. Этим она должна кончиться и у нас, если только слепой штык не будет признан орудием, не годным для решения политических вопросов, если только те же штыконосцы не поймут, что штык не есть доказательство истины и права.

Необходимо всем, и в особенности солдатам, запомнить раз и навсегда простые истины демократии:

1. Выше всего – воля народа. Она – закон.
2. Воля народа определяется не штыками, а избирательными бюллетенями.
3. Никакой гарнизон при всеобщем избирательном праве не может за весь

народ решать дело силой оружия.

4. Штыки должны подчиняться только тому, кто выражает волю всего народа, проявленную путем выборов. Да подчинится штык избирательному бюллетеню!

5. Учредительное собрание – выразитель воли всего народа. Пусть же подчинится штык грядущему хозяину Земли Русской.

Вне этих истин нет спасения.

ГРАЖДАНЕ! НАРУШЕНЫ ПРАВА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ¹

В момент, когда суд уничтожен, вместо суда приходится обращаться к народу по поводу преступлений, совершаемых против основных прав народа и революции. В таких случаях каждый из граждан обязан защищать интересы и права народа и каждый имеет право выступать обвинителем тех, кто эти права и интересы нарушил.

Как один из граждан России я обращаюсь ко всему народу, ко всем крестьянам, рабочим, солдатам и ко всем гражданам России и пред лицом их публично обвиняю совет комиссаров и военно-революционный комитет в нарушении прав Учред[ительного] собрания как единственного полномочного хозяина земли русской. Это преступление указанных лиц выразилось в том, что они:

во-первых, в лице Зиновьева-Радомысльского и Володарского-Когана угрожали Учредительному собранию разгоном, если оно не будет подчиняться воле большевиков;

во-вторых, в нарушении права иммунитета или неприкосновенности членов Учредительного собрания. Это нарушение выразилось: 1) в обысках и попытках ареста членов Учред[ительного] собрания от Петрограда П.Н. Милюкова и Винавера, 2) в лишении свободы члена Учред[ительного] собрания от Петрограда Г.И. Шрейдера, 3) в аресте и в содержании под стражей члена Учред[ительного] собрания от Смоленской губ[ернии] А.А. Аргунова.

В-третьих, посягательство на права Учредительного собрания дано в попытке г. Ленина-Ульянова ограничить суверенность и верховенство прав хозяина земли русской. Эта попытка выразилась в его предложении Центр[альному] Исполн[ительному] комитету Совета раб[очих] и солд[атских] депутатов навязать Учред[ительному] собранию помимо его воли и ведома институт отзыва депутатов и институт перевыбора их по постановлению Сов[ета] раб[очих] и солд[атских] депутатов. Такая мера является не чем иным, как ограничением прав Учредительного собрания и подчинением его Советам депутатов, иными словами, посягательством на верховные права хозяина земли русской.

Усматривая во всем этом ряд преступлений против Учред[ительного] собрания и его членов, я, как один из граждан России, считаю своим долгом обратиться ко всему народу и сказать ему: «Революционный народ! Граждане России! Со-

¹ Впервые опубликовано в газете «Воля народа» 23 ноября 1917 г. № 179.

ветом народных комиссаров и военно-революционным комитетом нарушены ваши основные права, совершено преступление против Учред[ительного] собрания, выразителя воли всего народа и полновластного хозяина государства Российского.

Путем нарушения прав последнего и права неприкосновенности его членов совершено преступление против прав всего народа. Члены Учред[ительного] собрания, избранные всеобщим, равным, тайным и прямым голосованием, арестуются. На это преступление не отваживался даже царизм. Учред[ительное] собрание пытается свести на роль приказчика и исполнителя желаний кучки большевистских комиссаров... Ему угрожают разгоном...

Совершается и готовится величайшее насилие над волей народа. Революционный народ не может и не должен допустить такого издевательства над своими правами. Эти права уже нарушены. Первые преступления против Учред[ительного] собрания уже совершены.

Поэтому все граждане, весь народ обязан немедленно стать на защиту прав Учред[ительного] собрания и потребовать указанных преступников к всенародному суду как узурпаторов воли народа. Необходим немедленный, самый решительный всенародный протест против таких преступлений, необходима всенародная борьба с теми, кто попирает основные права народа. Здесь не может быть никаких сомнений и никаких колебаний. Насильники народа должны быть немедленно посажены на скамью подсудимых. Граждане! Ваши права, права народа пограны.

Требуйте к суду преступников против основных прав всего народа. Такие преступления не могут и не должны оставаться безнаказанными».

ТРАГЕДИЯ ИСТОРИИ¹

Открывается Учредительное собрание. Приходит долгожданный и желанный день, исполняется исконная мечта многих поколений борцов за свободу, а на душе невесело. Радости нет и не видно. Лица пасмурны. Взгляды тревожны. В воздухе пахнет кровью...

Тяжело, больно и гадко. Больно оттого, что все, из-за чего гибли поколения, все это осквернено, разбито и поругано. Все это брошено в грязь. И кем? Теми, кто называет себя революционерами. Все это топчется и яростно попирается. Кем? О, если бы каблуками самодержавия и его холопов. О, если бы лакированными ботинками буржуазии. Это было бы в порядке вещей. Но в том-то и трагедия, что святыни революции топчутся ногами самой демократии, самого народа. Пусть не всего, пусть не весь народ участвует в разгроме своей свободы, но часть его участвует несомненно. В том и ужас наших дней, что не только свобода, но и родина, родина народа разрушается его же собственными руками или руками его части...

Чьими руками разрушены свободы? Руками матросов, солдат и красногвардейцев. Кто поддерживает, пусть не отдавая себе отчета, выдачу России с голо-

¹ Впервые опубликовано в газете «Воля народная» 28 ноября 1917 г. № 1.

вой императору Германии? Тот же народ в лице части солдат. Кто помог овладеть большевикам народным достоянием в виде Госуд[арственного] банка? Опять-таки те же рабочие, те же солдаты...

Я знаю, что часть их искренне убеждена, что это нужно для спасения революции и народа.

Я видел огонь убежденности и чистого энтузиазма в глазах многих из них.

Но от этого не легче. Быть может еще тяжелее, тяжелее потому, что люди губят родину и революцию, сами не сознавая того, что они делают.

Снова и снова повторяется вечная сказка истории. Сказка о том, как народ собственными руками убивает необходимую ему свободу, собственными руками роет себе могилу и собственными руками кует свои цепи.

Сбросив одних идиологов, он снова создал других. Вместо фетиша самодержавия возведены на пьедесталы проходимцы революции в красной мантии, вместо царских министров судьбы народа вручено решать шпионам, провокаторам и самым худшим слугам старого режима, вроде гг. фон Шнеура, Комиссарова, де Зобри, Орлова, де Верка, Крадека и К. Вместо укрепления свободы и культуры народ или его часть, как и раньше, разрушает их и бьет по приказу свыше тех, кто является его истинным защитником и служителем. Раньше, в холерные годы, народ бил и убивал докторов, учителей, студентов и интеллигенцию как врагов народа. Теперь повторяется то же, только под другим именем и под другими лозунгами. Теперь бьют их как «буржуев». Раньше народ в лице своих солдат таскал революционеров в тюрьмы. Теперь часть его же снова бросает их в те же тюрьмы как «контрреволюционеров». В 1905 г. солдаты в составе карательных экспедиций расстреливали крестьян и рабочих на улицах Москвы и в других губерниях. Теперь повторяется то же, но под другими именами... Штык, ружье пущены в ход против своих же братьев. Под именем контрреволюционеров убиваются и арестуются люди, всю жизнь отдавшие на борьбу за интересы народа.

Наконец, готовится последний акт – разгон Учред[ительного] собрания. Какие-то руки, уже обогранные в крови, заряжают ружья и револьверы, оттачивают или обтирают штыки для его разгрома – разгона последнего оплота и последнего щита народных интересов. И кто знает, быть может, суждено нам испытать и эту горькую чашу, быть может, многим из нас вместе с падением Учред[ительного] собрания суждено будет и самим пасть на посту защиты этого спасителя родины и революции... Можно ли представить себе что-либо более трагическое! Народ, собственными руками разгоняющий Учред[ительное] собрание, свой последний оплот и покров свободы!.. Народ, этим актом обрекающий себя на голод, на войну, на смерть, на дикость и в конце концов на новое самодержавие, – такая картина куда драматичнее трагедий Шекспира и других великих драматургов. Как далека она от Верхарновского: «Народ галлюцинат – в безумии святой!». И как ярко подтверждает она его же изречение: «Все то же вновь и вновь, доньше и от века». В прошлом сам народ или часть его убили свою свободу и плоды революции. То же повторяется и теперь. Сюжет один и тот же, только обстановки иные... В прошлом, начиная с Христа, народ распинал своих спасителей... То же повторяется и теперь. «Сын человеческий – агнец Божий», продолжает закалаться на алтарь истории и побиваться руками народной толпы.

Как и раньше, «судьба жертв искупительных просит». Да, просит. Их пало уж немало... И будущее сулит еще более кровавый урожай... Поле русской «бескровной» революции уже достаточно полито кровью невинных жертв. И будет полито еще обильнее, еще богаче..., синодик «невинно убиенных» и умученных революцией революционеров и невинных граждан сулит возрасти до бесконечности.

Это ли не трагедия?

А дальше... Оглянитесь на то, что делается с частью этой самой демократии. Она разлагается. Она творит под гипнозом мерзавцев такие ужасы, от которых волосы становятся дыбом. И что всего ужаснее, творит во имя революции и народа.

Во имя революции и народа родина отдается под каблук Германии.

Во имя революции разрушается Кремль и исторические святыни. Во имя революции умышленно или случайно убиваются дети и женщины, молодые и старые, убиваются с истязаниями невинные люди... Во имя революции раздирается Духонин, и толпа – народная толпа – два дня издевается над его трупом со вставленной в рот папиросой. Во имя революции красногвардейцы и «матросы революции» громят газеты и типографии, разгоняют своих избранников в лице городских дум. Наконец, во имя революции люди, как голодные псы, набрасываются на винные склады, вроде склада Зимнего дворца, напиваются, тонут из-за вина, стреляют друг в друга из ружей и пулеметов, а потом из-под полы продают наворованные бутылки первому встречному и тем же «буржуйам»...

Страна и революция при смерти, а в столице – шум, балы и маскарады, карты и пьянство, пьянство и разврат...

Куда дальше идти? Какой драматург в состоянии изобрести еще большие ужасы, еще более драматичные моменты!

Догорает священный огонь революции. От него остался только пепел. Зато разгорается гибельное, несущее великие бедствия пламя анархии, междоусобия и развала... Синие языки его лижут храм родины и свободы. Они отравили и отравляют душу народа. Падают великие стропила земли русской. Все окутано черным дымом... Осталась одна надежда – на Учред[ительное] собрание. Только этот пожарный способен потушить смертельный пожар.

Но уцелеет ли он? Не разгонят ли и его «во имя революции»?.. Если «да», это будет означать, что народ или его часть не только вырыли сами себе могилу, но сами и захлопнули на долгие годы гробовую крышку над своей головой и обрекли себя на могильную темноту и беспросветный мрак.

Социолог же по этому поводу напишет: «Каждый народ достоин той участи, которую он сам себе приготовил». Это, быть может, и истина, но едва ли утешительная!... Открывается Учред[ительное] собрание, а на душе темно и тревожно... Страшно за свободу, за родину и за весь народ русский... И хочется крикнуть всему и всем: «Эй, жив человек, отзовись! Видишь ли ты, что творится кругом? Понимаешь ли, что земля родная висит на волоске? Если да, то готов ли ты спасти ее? Готов ли отдать за нее жизнь и кровь? Готов ли грудью стать на защиту последнего оплота свободы и родины – Учред[ительного] собрания?».

Если да, то действуй! Медлить больше нельзя ни минуты! Наступает день судный!

УЛЬТИМАТУМ БОЛЬШЕВИКОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОМУ СОБРАНИЮ¹

Большевистский курс «на разгон Учредительного собрания», одно время как будто изменившийся, продолжается. Вчерашняя «Правда» напечатала «Тезисы об Учредительном собрании». Эти «тезисы» пока что еще не подписаны лженародными комиссарами, но, по-видимому, они представляют проект того закона, путем которого совет комиссаров намерен покорить и обуздать Учредительное собрание.

Мы не будем останавливаться на подробном разборе этой наглой галиматши. Для нашей цели достаточно привести лишь 17, 18 и 19 статьи этих тезисов. Они гласят следующее:

Ст. 17. «Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формально-юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны, является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии».

Это значит: с точки зрения совета комиссаров изменой делу пролетариата является всякая попытка рассматривать Учредительное собрание как суверенное, полномочное учреждение, не подчиненное никому, в том числе и совету комиссаров.

Положение большевистского проекта не ново: оно всегда выдвигалось на сцену, но не социалистами, не теми поколениями борцов за свободу, которые шли на эшафот за идеал Учредительного собрания, но монархистами и Наполеоном III...

Далее следует ультиматум Учредительному собранию.

Ст. 18. «Единственным шансом за безболезненное разрешение кризиса (не соответствие Учред[ительного] собрания желанию гг. комиссаров) является осуществление права перевыбора членов Учред[ительного] собрания, присоединение самого Учред[ительного] собрания к закону Ц[ентрального] И[сполнительного] к[омитета] об этих перевыборах и безоговорочное заявление Учред[ительного] собрания о признании советской власти и всей ее политики».

Комментарии к этой статье излишни.

За ультиматумом следует угроза.

Ст. 19. «Вне этих условий кризис в связи с Учред[ительным] собранием должен быть разрешен только революционным путем, путем энергичных, быстрых и решительных мер со стороны советской власти... Всякая попытка связать руки советской власти в этой борьбе была бы пособничеством контрреволюции»...

Ясна вполне и эта статья...

Смысл всех их один: либо Учред[ительное] собрание подчинится власти лженародных самозванцев, либо его не будет, т.е. путем решительных, быстрых и т.д. мер гг. комиссары, в случае неподчинения им Учред[ительного] собрания, его ликвидируют.

Ультиматум и угроза звучат странно. Но понапрасну пугают гг. комиссары. Угроза эта не новость, не новость и то, что они все сделают, чтобы

¹ Впервые опубликовано в газете «Воля народа», декабрь 1917 г. № 193.

Учредит[ительное] собрание опрокинуть. Но «страшен сон, да милостив Бог». Запугать им никого не удастся... Ультиматум их принят не будет. Бой между советом комиссаров и Учред[ительным] собранием неизбежен.

А кто кого опрокинет – это покажет будущее... Ясно только одно: или Учредит[ительное] собрание откроется и будет существовать, тогда не будет совета лженародных комиссаров.

Или в борьбе они оба погибнут, ибо уничтожение Учред[ительного] собрания будет означать и гибель родины и свободы, и самого совета комиссаров...

*Tertium non datur*¹.

Это отлично понимают как сами самодержавные захватчики власти, так и члены Учред[ительного] собрания; это начинают понимать и самые темные массы населения. Потому-то почва большевиков с каждым днем и становится зыбче, потому-то крестьянство, рабочие и солдаты и зашевелились и начинают организовывать защиту Учред[ительного] собрания, потому-то ненависть к большевикам в народных массах растет и растет, потому-то целые области с оружием в руках и восстают против них, потому-то крестьянство и прекратило подвоз хлеба, потому-то и готовится всеобщая политическая забастовка и т.д., и т.д.

Намерения гг. большевиков были ясны без этих «тезисов». Великий народ! Готовься! Тебе предстоит новая борьба... Занесена рука над Всенародным Учредительным собранием... И свобода, и родина, и твой долг призывают тебя к его защите!

Член Учред[ительного] собрания **Питирим Сорокин**

ЗНАЮТ ЛИ?²

Прибывает ряд депутатов и рассказывает, как провожала их деревня при отъезде в Петроград. Крестьяне целым селом собирались на проводы, служили молебен, подносили в напутствие хлеб и соль и крепко-накрепко заповедовали бороться за землю и волю, за закон и порядок и за вечную мужицкую правду. Проводы превращались в религиозный обряд, Учред[ительное] собрание – в святыню, деятельность депутата – в почетный и трудный подвиг, в священную борьбу за интересы народа.

Так провожали депутатов не только в «российских» областях, но то же имело место и на Украине... Так относится деревня к Учред[ительному] собранию.

А как относятся к нему здесь, в Петрограде, и в ряде других крупных городов? Как к нему относятся так называемые «трудовые» слои в этих центрах?

Увы! Учред[ительное] собрание, бывшее идеалом для ряда бойцов, Учред[ительное] собрание, избранное всенародно, они в лучшем случае готовы терпеть, если оно будет послушной овечкой, в худшем – готовы разогнать его. Но для темных масс такое отношение еще хоть частично извинительно. Зато совер-

¹Третьего не дано (лат).

²Впервые опубликовано в газете «Воля народа» 28 декабря 1917 г. № 203.

шенно непонятно и непростительно отношение к нему многих депутатов. Я уже не говорю про большевиков и так называемых «левых» эсеров. Что они изменили своему долгу, что они изменили народу, что они, отрицая полновластность Учред[ительного] собрания, изменили своим словам и себе самому, – это ясно. Если они отрицают полновластность Учред[ительного] собрания, если они хотят его разогнать, то зачем же они шли туда, зачем выставляли свои кандидатуры в члены Учред[ительного] собрания? Почему о ненужности Учред[ительного] собрания они не говорили раньше?

Их измена ясна и несомненна.

Зато мне непонятно подобное же отношение к Учред[ительному] собранию кое-кого из депутатов окраин, в частности, кое-кого из украинских депутатов. Знают ли их избиратели, что кое-кто из них позволяет себе говорить о неполновластности Учред[ительного] собрания и о дозволенности его разгона?

Знают ли украинские крестьяне, что кое-кто из тех депутатов, которых с хлебом, солью и с молебнами они провожали как на подвиг, прибыв сюда, предает это Учред[ительное] собрание за чечевичную похлебку большевистских обещаний? Знают ли украинские солдаты, умирающие в бою с большевистскими полками, что кое-кто из украинских депутатов здесь преклоняется, признает, одобряет и жмет руку тем самым большевикам, «левым» эсерам и их комиссарам, которые посылают войска против Украины и против них?

Знает ли рядом с этим и русское крестьянство, как собирается поступить с Учред[ительным] собранием так называемое «рабочее и крестьянское правительство»? Знают ли они, что многие из их земляков-солдат по темноте своей и невежеству готовы отдать свои штыки для разгона Учред[ительного] собрания? Знают ли они, что преступление против Учред[ительного] собрания готовится?

Задача дня – широко оповестить о готовящемся разгоне Учред[ительного] собрания всю Россию и, в особенности, деревню. Задача дня – поднять ее на ноги и заставить заговорить ясно, твердо и властно.

В руках крестьянства – много средств для защиты Учред[ительного] собрания. Помимо приговоров и резолюций, отказа давать хлеб большевикам и организации физической силы каждая деревня должна знать, кто из ее солдат участвует или будет участвовать в разгоне Учред[ительного] собрания и в нарушении прав крестьянства.

Таких солдат крестьяне должны исключить из своей среды и лишить их надела.

Другим солдатам крестьяне могут приказать встать на защиту Учред[ительного] собрания.

Рядом с этим все избиратели, и прежде всего крестьянство, должны поднять вопрос: могут ли быть их депутатами те, кто участвует в заговоре против Учред[ительного] собрания, поднимает на него руку и отрицает его полновластность?

Очевидно, таким депутатам в Учред[ительном] собрании не место, и если бы они хоть чуточку имели сознание своего долга, они из Учред[ительного] собрания должны были бы уйти.

Вероятнее всего, Учред[ительное] собрание соберется 5 января, 5-го же ян-

варя или шестого его, вероятно, попробуют разогнать. Пусть Россия знает это и пусть готовится к этому дню. Учред[ительное] собрание должно быть защищено и спасено.

*Статьи публикуются по изданию:
Сорокин П.А. Заметки социолога.
Социологическая публицистика.
СПб., 2000. С. 46–59, 97–101,
217–219, 234–235, 239–241,
251–252, 258–260.*

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ¹

Сим довожу до сведения граждан-избирателей Вологодской и Северо-Двинской губ[ерний] и членов Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], что я: 1) отказываюсь от звания члена Учредит[ельного] собрания и всех прав и обязанностей, связанных с этим званием, 2) выхожу из состава Партии соц[иалистов]-р[еволюционеров].

Основные мотивы, побуждающие меня к этому шагу, таковы: 1) ввиду резко изменившихся со времени выборов в Учред[ительное] собрание политических и социальных условий страны, а равно и политического настроения народа, я не могу считать себя правильным выразителем воли народа, 2) ввиду того же обстоятельства и чрезвычайной сложности современного внутрисударственного положения я затрудняюсь не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и брать на себя ответственное дело политического руководства и представительства народных масс.

При таких условиях каждый честный общественный деятель обязан сделать для себя надлежащий вывод, а именно: обязан отказаться от политики и прав и обязанностей политического работника. Этот вывод настоящим письмом я и делаю.

Сказанное объясняет и мой выход из Партии соц[иалистов]-р[еволюционеров]: раз я отказываюсь от всякой политической деятельности, то, естественно, я не могу состоять ни в какой политической партии, не желая, с одной стороны, числиться в партии мертвой единицей, с другой – нести ответственность за ее политику.

К этим общественно-политическим мотивам должен присоединить еще мотив личного характера. Он состоит в моем горячем желании вернуться к прерванной чисто научной работе и к работе по культурному просвещению народа. Истекший год революции научил меня одной простой истине: политики

¹ Это письмо было написано П.А. Сорокиным в тюрьме Великого Устюга, где он находился, сдавшись Чрезвычайной комиссии, и ожидал расстрела. Оно было напечатано в газете «Крестьянские и рабочие думы. Орган Северо-Двинского Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» (№ 75. 29 октября 1918 г.). По указанию Ленина письмо было опубликовано в «Правде» 20 ноября 1918 г., а на следующий день там же появилась статья Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина». Вскоре П.А. Сорокин был переведен из В. Устюга в Москву и освобожден.

могут ошибаться, политика может быть общественно-полезной, но может быть и общественно-вредной, работа же в области науки и народного просвещения – всегда полезна и всегда нужна народу, в особенности же в эпохи коренного переустройства всей государственной и общественной жизни.

Этой работе, от которой на год с лишним я был оторван событиями и которую всегда считал делом моей жизни, я и отдаю отныне все свои слабые силы.

Прив[ат]-доц[ент] Петроградского университета и Психоневролог[ического] института, бывший член Учред[ительного] собрания и бывший член Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров],

Питирим Сорокин

*Материалы публикуются по изданию:
Сорокин П.А. Общедоступный учебник по социологии.
Статьи разных лет.
М., 1994. С. 303–308, 330–331.*

ИОСИФ ВИССАРИОНИВИЧ СТАЛИН

К ВЫБОРАМ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ¹

Выборная кампания в Учредительное собрание началась. Партии уже мобилизуют свои силы. Будущие кандидаты кадетов уже разъезжают по России, проверяя шансы на успех. Соц[иалисты]-революционеры созвали в Петрограде совещание губернских представителей крестьян в целях «организации» выборов. Другая группа народников в тех же целях созывает съезд Всероссийского крестьянского союза² в Москве. Одновременно возникают самочинные беспартийные «гарнизонные Советы крестьянских депутатов» в целях, между прочим, успешного ведения выборов в деревне. С той же целью появляются многочисленные рабочие землячества, снабжающие деревню литературой, людьми. Наконец, отдельные заводы посылают в деревню специальных выборных для избирательной агитации. Мы уже не говорим о бесчисленном множестве «делегатов» одиночек, главным образом, солдат и матросов, объезжающих Россию и делящихся с крестьянами «новостями из города».

Очевидно, важность момента и решающее значение Учредительного собрания сознается самыми широкими слоями населения. При этом все чувствуют, что решающая роль принадлежит деревне, представляющей большинство населения, что именно туда следует направить все свободные силы. Все это в связи с распыленностью и неорганизованностью сельскохозяйственных рабочих – главной опоры нашей партии в деревне – значительно осложняет наши задачи в деревне. В отличие от городских рабочих, наиболее организованных из всех слоев городского населения, сельские рабочие представляют самую неорганизованную массу. Советы крестьянских депутатов организуют, главным образом, средние и зажиточные слои крестьянства, естественно склонные к соглашению «с либеральным помещиком и капиталистом». Они же и ведут за собой пролетарские и

¹ Статья была написана в связи с началом избирательной кампании в Учредительное собрание, выборы в которое Временное правительство назначило на 17 сентября 1917 г. Первая часть статьи была напечатана в «Правде» № 99. 5 июля 1917 г. Но так как после июльских дней «Правда» была закрыта, печатание статьи прервалось. Только 27 июля 1917 г. в газете «Рабочий и солдат» № 4 статья была напечатана полностью (прим. изд. 1946 г.).

² Всероссийский крестьянский союз – мелкобуржуазная организация, возникшая в 1905 г. Союз выдвигал требование политической свободы, созыва Учредительного собрания и отмены частной собственности на землю. В 1906 г. Крестьянский союз распался. В 1917 г. Союз возобновил свою деятельность и 31 июля собрал Всероссийский съезд в Москве. Съезд высказался за полную поддержку Временного правительства, за продолжение империалистической войны, против захвата крестьянами помещичьих земель (прим. изд. 1946 г.).

полупролетарские элементы деревни, подчиняя их влиянию соглашательских партий трудовиков и соц[иалистов]-революционеров. Недостаточное развитие сельскохозяйственного капитализма и классовой борьбы в деревне представляет благоприятные условия для такого рода соглашательской политики.

Очередная задача нашей партии – высвободить беднейшие слои крестьянства из-под влияния трудовиков и соц[иалистов]-революционеров и сплотить их в одну братскую семью с городскими рабочими.

Сама жизнь работает в этом направлении, шаг за шагом разоблачая негодность политики соглашений. Задача партийных работников – всемерно вмешаться в выборы в Учредительное собрание для того, чтобы раскрыть всю пагубность такой политики и тем облегчить беднейшим слоям крестьянства дело сплочения их вокруг городского пролетариата. Для этого необходимо сейчас же создать в деревнях наши партийные ядра, тесно связывая их с партийными комитетами в городах. В каждой волости, в каждом уезде, в каждом избирательном округе должны быть организованы наши партийные группы из беднейших крестьян и крестьянок. Группы эти должны быть связаны с нашими комитетами в промышленных центрах губернии. Обязанность комитетов – снабжать группы необходимыми материалами о выборах, литературой, людьми.

Только таким путем и в ходе самой кампании можно будет создать действительное единство пролетариев города и деревни.

Мы против соглашения с капиталистами и помещиками, ибо знаем, что от такого соглашения пострадают лишь интересы рабочих и крестьян.

Но это еще не значит, что мы вообще против всяких соглашений.

Мы за соглашение с теми беспартийными группами неимущих крестьян, которых сама жизнь толкает на путь революционной борьбы с помещиком и капиталистом.

Мы за соглашение с теми беспартийными организациями солдат и матросов, которые проникнуты доверием не к богачам, а к беднякам, не к правительству буржуазии, а к народу и, прежде всего, к рабочему классу. Отталкивать от себя такие группы и организации из-за того, что они не могут или не хотят слиться с нашей партией, – было бы неразумно и вредно.

Поэтому найти общий язык с такими группами и организациями, выработать общую революционную платформу, составить общие с ними списки кандидатов по всем избирательным округам, включив туда не «профессоров» и «ученых», а крестьян, солдат и матросов, готовых грудью отстаивать требования народа, – вот в каком направлении должна протекать наша избирательная кампания в деревне.

Только таким образом можно будет сплотить широкие слои трудящегося населения деревни вокруг вождя нашей революции, вокруг пролетариата.

Искать долго такие беспартийные группы не придется, ибо они нарождаются повсюду, с каждым днем. И они будут возникать на почве растущего недоверия к Временному правительству, мешающему крестьянским комитетам распоряжаться помещичьими землями. Они растут и будут расти на почве недовольства политикой Всероссийского исполнительного комитета крестьянских депутатов,

плетущегося в хвосте у Временного правительства. Примером может послужить хотя бы образовавшийся недавно Совет крестьянских депутатов Петрограда¹, объединяющий весь гарнизон города и при первых же шагах своей деятельности столкнувшийся с Временным правительством и Всероссийским исполнительным комитетом крестьянских депутатов.

А вот и примерная платформа, могущая послужить почвой для соглашения с подобными крестьянско-солдатскими беспартийными организациями.

1. Мы против помещиков и капиталистов с их «партией народной свободы», ибо они, и только они, являются главными врагами русского народа. Никакого доверия, никакой поддержки богачам и их правительству!

2. Мы за доверие и поддержку рабочего класса, беззаветного борца за социализм, мы за союз и соглашение крестьян, солдат и матросов с рабочими против помещиков и капиталистов.

3. Мы против войны, ибо она есть война захватническая. Разговоры о мире без аннексий остаются пустыми разговорами, пока война ведется на основании тайных договоров царя с англо-французскими капиталистами.

4. Мы за скорейшее прекращение войны путем решительной борьбы народов со своими империалистическими правительствами.

5. Мы против анархии в промышленности, обостряемой капиталистами. Мы за рабочий контроль над промышленностью, мы за организацию промышленности на демократических началах, путем вмешательства самих рабочих и признанной ими власти.

6. Мы за организацию правильного обмена продуктов между городом и деревней, с тем чтобы город снабжался достаточным количеством припасов, а деревня – сахаром, керосином, обувью, тканями, железными изделиями и прочим необходимым товаром.

7. Мы за то, чтобы вся земля – удельная, казенная, кабинетская, помещичья, монастырско-церковная – без выкупа перешла в руки всего народа.

8. Мы за то, чтобы вся свободная помещичья земля, пахотная и пастбищная, *немедленно* перешла в распоряжение демократически избранных крестьянских Комитетов.

9. Мы за то, чтобы весь свободный живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь, имеющийся у помещиков и в складах, был *немедленно* передан в распоряжение крестьянских комитетов для обработки полей, покосных угодий, уборки хлеба и пр.

10. Мы за то, чтобы всем инвалидам, потерявшим на войне трудоспособность, а также вдовам и сиротам выдавались пособия в размере, обеспечивающем человеческое существование.

¹ Совет крестьянских депутатов Петроградского гарнизона, впоследствии переименованный в Петроградский Совет крестьянских депутатов, был создан 14 апреля 1917 г. из представителей воинских частей и некоторых предприятий Петрограда. Совет ставил своей основной задачей борьбу за передачу всей земли в пользование крестьян, без выкупа. Петроградский Совет крестьянских депутатов вел борьбу против соглашательской политики Всероссийского Совета крестьянских депутатов, находившегося под руководством правых эсеров. После октябрьской социалистической революции Совет принял активное участие в организации советской власти в деревне и проведении в жизнь декрета о земле. В феврале 1918 г., в связи с демобилизацией старой армии, Совет прекратил свою деятельность (*прим. изд. 1946 г.*).

11. Мы за народную республику без постоянной армии, без бюрократии, без полиции.

12. Вместо постоянной армии мы требуем всенародного ополчения с выборностью начальников.

13. Вместо безответственных чиновников-бюрократов мы требуем выборности и сменяемости служащих.

14. Вместо опекающей народ полиции мы требуем выборной и сменяемой милиции.

15. Мы за отмену «приказов», направленных против солдат и матросов.

16. Мы против расформирования полков и натравливания солдат друг на друга.

17. Мы против гонений на рабочую и солдатскую печать; мы против стеснения свободы слова и собраний как в тылу, так и на фронте; мы против арестов без суда и следствия, против разоружения рабочих.

18. Мы против восстановления смертной казни.

19. Мы за то, чтобы всем народам России было дано право свободного устройства своей жизни, чтобы народы эти не угнетались.

20. Наконец, мы за то, чтобы вся власть в стране была передана в руки революционных Советов рабочих и крестьян, ибо только такая власть способна вывести страну из тупика, куда ее загнали война, разруха, дороговизна и наживающиеся на народной нужде капиталисты и помещики.

Такова, в общем, платформа, могущая создать почву для соглашения наших партийных организаций с беспартийными революционными группами крестьян и солдат.

Товарищи! Ближится время выборов. Вмешайтесь в дело, пока не поздно, и организуйте выборную кампанию. Создавайте летучие группы агитаторов из рабочих и работниц, солдат и матросов и устраивайте краткие лекции о платформе. Снабжайте эти группы литературой и рассылайте их во все углы России. Пусть их голос разбудит деревню к предстоящим выборам в Учредительное собрание. Создавайте партийные группы в волостях и уездах и сплывайте вокруг них широкие слои крестьянской бедноты. Организуйте совещания по волостям, уездам, губерниям для укрепления революционно-партийных связей, для намечения кандидатов в Учредительное собрание. Велико значение Учредительного собрания. Но неизмеримо больше значение тех масс, которые остаются вне Учредительного собрания. Сила не в самом Учредительном собрании, а в тех рабочих и крестьянах, которые, творя своей борьбой новое революционное право, будут двигать вперед Учредительное собрание. Знайте, что чем организованнее будут революционные массы, тем внимательнее будет прислушиваться к их голосу Учредительное собрание, тем обеспеченнее будет судьба русской революции. Поэтому главная задача на выборах – сплочение широких масс крестьянства вокруг нашей партии.

За дело же, товарищи!

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ ЧЕРНОВ

ОХЛОС И ДЕМОС

«Народ не велено пущать к Таврическому... Осади назад!».

Так говорили демонстрантам 5 января красногвардейцы. В Российской демократической республике правящий демос, народ, держали на почтительном расстоянии от его Учредительного собрания...

Однако в зале Таврического дворца присутствовали не одни депутаты. Во-первых, на хорах была «публика». Во-вторых, в дверях, в проходах толпился тоже какой-то люд – в солдатских шинелях, в матросских форменках. Ведь все это тоже был «народ»! И не только потому, что весь этот люд должен был в глазах «хозяев», имевших ключи от Таврического дворца, специально изображать из себя «разгневанный народ», чьему голосу «Совет народных комиссаров» уступает, разгоняя Учредительное собрание, но и потому, что на каком же основании можно этих рядовых простолюдинов в рабочих блузах, в солдатских шинелях и матросских форменках исключить из «народа»? Чем они отличаются от таких же рабочих, солдат и матросов, шедших, например, в рядах демонстрантов в честь Учредительного собрания, а несколько дней позже – провожавших печальный кортеж гробов на Преображенское кладбище?

И все же разница между двумя этими сортами «народа», несомненно, имеется. Разница не по социальному составу, разница не по имущественному достатку, не по происхождению. Но огромная разница в психологии, огромная разница во всем поведении.

И это прежде всего бросается в глаза, когда мы посмотрим на огромную выдержку и самодисциплину демонстрантов 5 января. Демонстрация должна была быть мирной. И несмотря на то, что из-за угла, из дворов, с крыш расстреливали – часто без предупреждения – толпу, расстреливали повторно, в одних и тех же местах, расстреливали злобно, низко и подлю – расстреливали, целясь в подставленные под дула винтовок открытые груди рабочих и солдат, – им в ответ не раздалось ни единого выстрела.

И еще одна, поражающая всех наблюдателей особенность: несколько раз, встречаемая залпами волна демонстрантов взмывалась после залпов вперед, заглушая пенем революционных гимнов стукотню выстрелов; несколько раз с потрясающим энтузиазмом сплывались вокруг красных знамен, принимая их из рук падающих на землю раненых или убитых. И когда под выстрелами иные

ложились в снег, находились целые группы людей, которые предпочитали пасть жертвой и, невооруженные, стояли с гордо поднятыми вверх головами... Какая потрясающая картина!

Или эта траурная демонстрация: десятки, сотни тысяч людей. Стройные колонны. Густые ряды шпалерами. Ни одного «охранителя общественного порядка». Их не нужно. Порядок поддерживается сам собою. Ни давки, ни тесноты. На кладбище все убрано, все расчищено стараниями самих рабочих соседнего Обуховского завода. Во время речей ораторов – мертвая тишина. Вся программа шествия и торжественного чествования памяти павших выполнена точно, как будто тщательно спететированная заранее под руководством опытного режиссера. И между тем все это достигнуто именно «само собою», здоровым чутьем, инстинктивным тактом и самодисциплиной рабочих мест. Здесь действовал организованный, сознательный «демос».

А кто был на хорах и в проходах Таврического дворца? Тоже народ? Нет – шумная, пестрая, беспорядочная «улица». Более резкого контраста с тем, что происходило на демонстрации 5 и 9 января, нельзя себе и представить. Да, в здание Таврического дворца ворвалась с гамом и шумом улица – об этом свидетельствовал каждый звук и каждый жест. Нестройные выкрики, пронзительный свист каждого специалиста этого дела, вкладывавшего в рот два пальца и наполнявшего зал оглушительным посвистом, способным затмить былинный посвист Соловья-разбойника; стража, наряженная якобы для соблюдения порядка и напрягающая все силы для произведения наибольшего беспорядка; винтовки и револьверы, направляемые время от времени с хор и из проходов по направлению к неугодным ораторам; хулиганские выходки людей, набранных в Таврический дворец, чтобы инсценировать «народное сочувствие» большевикам, и потому чувствующих себя вправе «располагаться как дома» и класть ноги на стол; не «народ», а толпа, как будто не знающая, где она находится – в здании Учредительного собрания или в чайной Союза русского народа, где каждый может свистеть, горланить и вообще выражаться больше нечленораздельными, чем членораздельными звуками, – такова была эта, единственная в своем роде, картина, этот беспрецедентный скандал в летописях народного представительства; скандал, в котором дирижирующая роль принадлежала людям, носившим иногда высокое звание членов Учредительного собрания, иногда – «высокое» звание членов Совета народных комиссаров. И, чтобы еще более подчеркнуть всю стадность, всю элементарную стихийность этой «толпы», она, вместе со своими «верхами», дебютировала в Учредительном собрании дикой сценой – колотя кулаками по пюпитрам, топая ногами по полу, крича, жестикулируя, словно толпа буйных умалишенных, – при таком обычном, таком естественном событии, как попытка старейшего по возрасту члена Учредительного собрания формально объявить его заседание открытым и предложить выбрать из своей среды председателя!

Из этого простого сопоставления внешнего поведения уже намечается первое, глазомерное, грубое различие. С одной стороны – демос, народ, как стройное единство, проникнутое единым сознанием, единой волей и высоко развитой самодисциплиной. С другой – охлос – толпа, улица, чернь, разнуздавшая свои ин-

стинкты, давшая волю своим страстям, бушующая грубо и дико, как элементарная, слепая стихия.

Красногвардейцам и матросам было поручено занять помещение редакции и конторы газеты «Дело народа». Они «заняли». И прежде всего – произвели форменный погром. Рвали в клочки рукописи, переплетенные экземпляры разных газет, счета, конторские книги – все, все. Пишущий эти строки помнит, как в 1906 году, перед стольпинским разгоном первой Государственной думы, газета Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] – она тоже называлась «Дело народа» – подверглась налету царских опричников. Ее окружили вооруженными до зубов городовыми, конной и пешей полицией; арестовали всех, кто был в здании; тщательным образом обыскали всех и все. Картина была отвратительная – недаром предприятием руководил бывший провокатор, а тогда уже чиновник особых поручений Статковский. Но и тогда «налет» не носил такого дикого, огромного характера, как налет смольной опричнины в эти дни. Тогдашние городовые и жандармы хранили какую-то, хотя бы внешнюю, дисциплинированность. Они не впадали в безобразное, стихийно-злобное исступление, не срывали своей злобы на печатной бумаге газет и конторских книгах. Они помнили, что выполняют в качестве служебного орудия какой-то правительственный акт и что хоть со внешней-то стороны правительство не должно выглядеть в их лице как правительство погромщиков. Элементарное приличие тогда считали необходимым соблюдать. Внешняя корректность была чем-то обязательным. Произвол заворачивался в фиговые листья. Показываться всенародно «в чем мать родила» казалось зазорным...

Красногвардейцам и матросам поручено было произвести обыск в помещении Вольно-Экономического общества. Обыск производился тем упрощенным способом, каким это принято теперь. Столы взламывались штыками, больше разрушали и громили, чем обыскивали. В число обнаруженных при обыске улики хотели во что бы то ни стало втиснуть какую-то пулеметную ленту, о которой даже не смогли дать точных указаний, где именно она обнаружена.

После обыска в помещении Украинского клуба портрет Шевченки оказался проткнутым в нескольких местах штыком и повешенным головой вниз.

При обстреле отступавших с Литейного проспекта демонстрантов их преследовали выстрелами в спину. Затем, догнав их и вырвав красное знамя, его ломали в куски, рвали в лохмотья, топтали сапогами. Когда-то Милюков вызвал всеобщее негодование социалистов без различия фракций, обнаружив словесное неуважение к этой эмблеме социализма, которую он обозвал «красной тряпкой». Теперь никого не удивляет, если эту святую для социалистов эмблему топчет тяжелый и грязный сапог красногвардейца. Ему «все позволено».

На улице отбирают у газетчиков все газеты. Еще иногда дают пощаду газетам буржуазным или просто бульварным. Но газеты социалистические, являющиеся среди рабочих масс противовесом «Правде», уничтожаются самым беспощадным образом. Потом они сваливаются огромными горами на улице, и вот уже горит веселый костер. Огненным языком слизывает огонь дочиста строки, вышедшие из-под пера Гурького, Церетели, Чернова. Фамусов и Скалозуб, воскресни они в наши дни, были бы приятно изумлены. Не они ли мечтали: «Чтоб зло пресечь, со-

брать бы книги все, да сжечь!». И разве не порадовало бы их взоры, что хоть часть социалистической литературы торжественно предается на улице всесожжению? Да какой же лучшей подготовки к будущему торжеству полковника Скалозуба можно желать, чем это вандализмское обращение с печатным словом со стороны людей, претендующих на звание социалистов!

Арестуют людей... Обыскивают на улице... В ответ на требование показать ордер получается ответ: «Ну, ты еще поговори у меня!», «Штыком под ребро хочешь?», «Без пули не обойтись тебе!», «Ну, ничего, ничего, проходи, пока шкура цела!». Простой смертный, делегат Всероссийского крестьянского съезда, избранник народный, член Учредительного собрания – все равны перед этим грубым солдафонством, достойным худших времен самодержавного произвола.

В больнице, тяжело больные, лежат два «министра-капиталиста». Правда, никаких ни капиталов, ни фабрик за ними не числится, но... они смеют не верить в социализм! Этого достаточно. На их головы направляется озлобление самых темных элементов народа. «Министры-капиталисты!». Эта упрощенная формула вполне достаточна. «Довольно они попили нашей кровушки!» – родится при этих словах темная, озлобленная мысль. И, разжигаемая этими мыслями, толпа немедленно выдвинет «передовых баранов», у которых среди общей темноты сознания красным туманом забродит жгучая стихия злости и мести. Генерал Духонин, Коровиченко, Шингарев, Кокошкин. Стреляют в едущего по улице Церетели, «случайным выстрелом» на улице оцарапана шея едущего на извозчике Горького. Чья очередь дальше?

При арестах и обысках пропадают ценные вещи. После взятия Зимнего дворца «советскими» солдатами долго на улицах идет торг похищенными оттуда вещами. Красногвардейство идет рука об руку с «красным» хулиганством и «красным» мародерством...

Торжество «советской власти» ознаменовывается нескончаемым рядом разгромов винных погребов. Вокруг места грабежа затевается перестрелка, порою идет правильная осада. И чувствуется, что распределение мест едва ли не случайно и что разгоняющие могли бы быть на месте разгоняемых и наоборот. Ибо в атмосфере грубого произвола, отсутствия всякой дисциплины, царства всеобщей распущенности не громит, не бегают, не захватывает, не «пользуется» в той или иной форме только ленивый.

Личная безопасность исчезает. Каждый извозчик на собственном горьком опыте знает, в какой степени не обеспечена личность человеческая теперь на улицах столицы, и, выезжая ночью, пугливо озирается по сторонам, словно он – в дремучем лесу, где «пошаливают» и лихие люди, и дикие звери.

Все это – подвиги охлоса.

Что такое народ? Народ есть совокупность трудящихся классов.

Таков был один из элементарнейших пунктов старого народнического катехизиса.

Но это народ – «демос». А народ – «охлос»? О, этот вид «народа» гораздо пестрее...

И прежде всего все те подонки, все отребье населения – то, что немцы на-

зывают «Lumpenproletariat»¹, весь этот «воздушный народ», без определенных занятий, без правильных средств к существованию, выбитый из жизненной колеи, временами впадающий почти в бродяжничество и «босячество», временами какими-то неисповедимыми судьбами преуспевающий, не очень разборчивый на способы, какими можно преуспеть, – занимает в «охлосе», в «черни», в «улице», выступающей как особая сила, – не последнее место. Так в котле, в спокойном состоянии вся муть оседает на дно, но поставьте его на огонь, заставьте klokотать и кипеть – и все эти осадки, все эти «подночные» элементы, вся муть подымается наверх и собирается в грязно-бурую накипь.

Но ряды этих «выбитых из колеи общественности» состояний, этих деклассированных, «declasses», как выражаются французы, неизмеримо растут в эпоху общественного кризиса и разрухи. Безработные, бездомные, обнищавшие, лишившиеся занятий, – эти выкидыши всех классов образуют беспокойную озлобленную пеструю массу. Их озлобленность беспредметна, их настроение случайно, ибо какая же прочная равнодействующая общественного недовольства может быть среди людей, в которых подобрались кто с бору, кто с сосенки, в которых господствует, в конце концов, причудливая смесь «одежд и лиц, племен, партий, наречий, состояний». Ведь поистине, «из хат, из келий, из темниц сюда сошлись для стяжаний». Почва из-под ног выхвачена, а между тем «стяжать» средства существования необходимо. Создалась уже привычка к неопределенному, непрочности существования, отвычка от правильной работы, от трудовой дисциплины. Наряду с люмпен-пролетариями, духовно сродни им, заводятся люмпен-торговцы, люмпен-ремесленники, люмпен-спекулянты. Все они живут кое-как, то выносимые на гребне жизненной волны – если «пофартило», то сбрасываемые вниз. Подвижные, прошедшие огонь, воду и медные трубы, «тертые калачи», они всюду в момент народного брожения могут выдвинуться в первые ряды, кричать бойче всех, приспособляться к кому угодно и выть по-волчьи с волками любой породы. Они сами как социальное перекаати-поле: их может легко подхватить и понести любой ветер. Легко возбудимые, нервные, в состоянии возбуждения безудержные и бесшабашные, они легко могут явиться увесистым тараном в руках умелого человека или умелой котерии и «вышибать» самые прочные и наглухо запертые ворота...

В эпоху самодержавия эти элементы давали богатый материал для черносотенной демагогии. Надо ли громить евреев, надо ли громить интеллигенцию, надо ли «коренному» крестьянину противопоставить буйную деревенскую вольницу, хотя бы купленную или подпоенную кулаком; надо ли в рабочих кварталах против «омещанившегося» квалифицированного рабочего двинуть фабричную «чернь», набивающую чайные Союзы русского народа, – среди этих неудачников, непристроенных в жизни, отброшенных и озлобленных «вандалов» современного города можно всегда произвести успешный набор. В эпоху революции, наоборот, эти элементы сравнительно быстро и легко переходят в самый крайний лагерь, перенимая внешне его лозунги, без милосердия их упрощая, утрируя и коверкая. Социализм, конечно, у этих вчерашних адептов черносотенства немедленно вы-

¹ Люмпен-пролетариат (нем.).

рождается в какое-то плоское, нестерпимо вульгарное красносотенство с анархическим пошибом и наклонностями. Этот переход с одного крайнего полюса на другой совершается с такой быстротою, что уже одна эта легкость заставляет задуматься даже самого легкомысленного человека. Вотчина бесшабашного Илиодора¹ – Царицын – после революции со сногшибательною быстротою превратился в одну из первых цитаделей истинно русского «ультрафиолетового» большевизма. Верный признак, что столь же неожиданно и быстро при ином повороте колеса истории мы увидим «возвратное течение»...

Во времена итальянской революции «лаццарони»² южных городов быстро обнаружили, рядом с полной беззаботностью в политическом отношении, еще и продажность. Контрреволюция быстро научилась орудовать в этой среде, вербуя своих наймитов. Вести классовую борьбу даже неимущие из этой среды неспособны. Они способны лишь громить. Вот почему, когда к ней обращаются социалисты, они вынуждены давать ей вместо классовых лозунгов – лозунги социал-погромные.

В Италии тех времен число этих «лаццарони», этих бездельников было огромно, в связи с тем, что вся хозяйственная эволюция Италии характеризовалась преобладанием разрушительных процессов над созидательными. В этом она походила на Россию. Этому сходству в исходных точках чисто экономического характера соответствовало и сходство в социально-психологических последствиях. Так, например, эпидемия холеры в Италии сопровождалась такими же холерными бунтами, избиениями докторов, их обвинениями в систематическом отравлении простого люда, как это было и в России.

Погромные настроения – основная черта «охлоса» вместе с его легковерием, – легковерием в дурную сторону, т.е. восприимчивую ко всякому натравливанию. Хорошо вспаханной психологической почвой для этого является органическая отчужденность и недоверчивое отношение к интеллигенции. Охлос и интеллигенция – два противоположных полюса. Если народ, демос тянется к интеллигенции и ценит ее, то чернь, охлос ей завидует, ей недоброжелательствует, и одновременно – обычное душевное противоречие – ее глубоко презирает за «чистоплюйство». Черты душевной утонченности, неразлучные с интеллигенцией, внутренне противны охлосу: он их психологически не переваривает. Прimitивизм и глубокая стихийность – вот его интимнейшая сердцевина. Это – две силы непримиримые.

В моменты острого кризиса, постигающего народное хозяйство страны, количество «деклассированных» элементов возрастает внезапно с необыкновенной быстротой и в колоссальных размерах.

Возьмем современный петроградский пролетариат. При остановке работ на массе крупнейших фабрик и заводов фактически рабочие этих заводов – полудеклассированные. За время войны их состав лишился ценнейших элементов – постоянных, старых, опытных рабочих, неведомо зачем утнанных на фронт, и с той

¹ Илиодор (Труфанов Сергей Михайлович) (1880–1956) – иеромонах-проповедник, член Союза русского народа. С 1914 г. – в эмиграции.

² Бедняки, босяки (*итал.*).

же бессмысленностью, характерной для старого режима, эта убыль была пополнена как попало и кем попало – пришлыми крестьянами, мелким мещанством, прислугой, бывшими дворниками, штат которых сократился, и, наконец, просто дезертирами. И вот – вся эта масса перешла на положение временно незанятых, как бы отпускных на какой-то неопределенный, вилами на воде писанный срок, правда, на неполном жалованье, но все же на жалованье. В других местах было и еще того хуже: на заводах водворился какой-то промежуточный режим «накануне демобилизации», когда не то работают, не то не работают, являются на завод, не зная, что на нем делать, и либо больше слоняясь, чем работая, либо работая без малейшей веры, что эта работа есть действительно нужная работа, а не порча материала. И, конечно, такое положение может только деморализовать, а порою даже развращать рабочих, чувствующих, что они находятся на положении пансионеров государства, ни к чему настоящим образом «не прикаянных»...

И нет ничего удивительного, что при такой непрочности положения для многих таким благодатным выходом явилось пресловутое «красногвардейство». Наши «комиссародрынцы» прекрасно поняли эту слабую сторону нынешнего пролетариата и предложили ему блестящий выход из безработицы: хорошо оплачиваемые места, с громким и почетным именем «красной гвардии» и фактическим положением какой-то иррегулярной, не знающей никакой настоящей дисциплины полуполиции, полувойска для служения на «внутреннем фронте», и вот сюда прежде всего хлынула неокрепшая, неперебесившаяся, не прошедшая трудовой школы рабочая молодежь – иногда почти подростки, – сразу получившие винтовку и револьвер в руки и занявшие в рабочих кварталах то самое положение, которое их хозяева – в России: положение победителей, почти завоевателей, у которых во всем – своя рука владыка. Трудно переоценить все значение внесенного таким образом в сознание рабочей молодежи соблазна. Еще не разобравшиеся толком в вопросах социализма, полуробята сразу стали орудием чисто партийной власти, вооруженной опорой и основанием этой власти. В стране, где произвол и взяточничество долгое время были прочною частью быта, в стране, где кроме них не оказалось никакой охраны общественного порядка и личной безопасности, этот «взлет» кверху элементов, которые досель в рабочих кварталах рассматривались как подчиненные, несамостоятельные, как «пятые спицы в колеснице», не мог психологически и морально пройти безнаказанно для них. Охлократическое вырождение рабочей молодежи началось, можно сказать, по сигналу, данному сверху. Наверху нуждались в слугах нерассуждающих, покорных, усердных до буйства, до способности перестараться. И за деньги их получили.

Другим поставщиком явился наш флот. Без преувеличений можно сказать, что у власти, именующей себя «советской», есть целая особая категория слуг с ярко выраженными видовыми особенностями: это «сухопутные матросы». Они превращены в каких-то специалистов по всем областям. Надо ли Петербургу зерна? снаряжаются в разные места России добывательные экспедиции из матросов. Нужно ли проводить на местах какой-нибудь не замеченный тугою на ухо Россию ленинский декрет? Матросы тут как тут! Карательная экспедиция против какого-нибудь «контрреволюционного» города? Матросам, конечно, отводит-

ся видное место. Нужно во избежание винных погромов уничтожить источники соблазна, т.е. именем Советов обойти винные погреба и перебить в них бутылки? И здесь матросы выручат. Надо разогнать городскую думу? Надо, наконец, создать для Учредительного собрания унизительную картину «парламент в участке»? Надо «твердокаменно» загородить дорогу рабочей манифестации, объявленной «калединской»? Паки и паки – матросы!

И вот движутся туда и сюда сухопутные «команды дальнего плавания»... Не беда, что Гебен и Бреслау держат в страхе все русское побережье Черного моря. Они будут делать свое дело, пока не переменят фронта и не нарвутся на англичан. Черноморским матросам некогда: они десятками расстреливают флотских офицеров в Севастополе, они умирляют крымских татар, они заняты на Ростовском фронте. Суша – вот отныне истинная стихия матроса... И нечего удивиться при виде того, как собственными руками матросы Балтийского флота готовят конечную гибель всего своего флота. Они поддерживают власть, разлагающую и оголяющую фронт и своей азартной внешней и внутренней политикой подготовляющую оккупацию немцами Прибалтийского края. Они по сигналу из Смольного вмешиваются в гражданскую войну, вспыхнувшую в Финляндии, вызывая риск такого же – только в пользу другой стороны – вмешательства шведов и немцев, вмешательства, результатом которого была бы оккупация Финляндии. И тогда – конец Петрограду, угрожаемому с двух сторон. И тогда – конец всему Балтийскому флоту, замкнутому стальным кольцом вражеских сил... Широкое участие матросов в октябрьском перевороте и в дальнейшей поддержке Смольного правительства исторически тяготеет к трагическому акту самоубийства Балтийского флота. Это самоубийство может быть избегнуто лишь одним путем: позорным склонением революционных знамен перед Вильгельмом и постыднейшей капитуляцией, с согласием на любые условия мира, которые только ему заблагорассудится поставить. Но если даже оно и не будет избегнуто – что из того? Все матросы Балтийского флота – я имею в виду оставшихся в живых – радикально «деклассируются». А оклократия и есть господство деклассированной «красной улицы».

В психологии матроса, живущего в объятиях самой непостоянной и переменчивой из стихий – моря – с его капризами погоды, которых не предусмотреть, с его внезапными бурями и шквалами, есть что-то, отражающее это буйное стихийное непостоянство. И другая особенность – жизнь на самодовлеющих «плавающих крепостях» – тоже наложила на матросскую среду свой отпечаток. Эти черты матросской психологии особенно умело использовали вчера – большевики, а сегодня не менее умело их начинают использовать анархисты. Буйная удаль, с примесью непостоянства, беззаботная подвижность и неприкованность ни к каким прочным «устоям» и, наконец, самодовлеющее противопоставление остальному миру, при крепкой товарищеской спайке в собственном узком кругу – это ли не черты, наиболее пригодные для формирования подвижных авангардных отрядов, способных стать во главе мятущегося «охлоса»?

Третьим устоем ныне правящей партии явилось солдатство – точнее, определенная часть солдатства. Какая же именно часть?

Статистика выборов в Учредительное собрание дает на это совершенно недвусмысленный ответ: тыловые гарнизоны. Партию большевиков после этих выборов многие так и звали – партией тыловых гарнизонов.

История перехода в руки большевиков Петроградского гарнизона была проста, ясна и фатально неизбежна. Все время лстить Петроградскому гарнизону, как единственно надежному оплоту революции, и препятствовать выводу каких бы то ни было частей его на фронт, всякому требованию от него пополнений, маршевых рот, пулеметов, выдавая эти требования за коварный план разоружить революцию и подготовить реакцию, – такова была эта нескрываемо демагогическая линия поведения. Меньшевики и эсеры, поскольку они пользовались влиянием, преодолевали исходящее отсюда сопротивление и одерживали победы, которые могли быть только пирровыми, таким путем они вербовали и выводили из гарнизона элементы, находившиеся под их влиянием. Оставались лентяи, бросившие всякое солдатское обучение и занимавшиеся лишь картежной игрой да лущением подсолнухов; оставались шкурники, естественно предпочитавшие тыл – окопам, оставались «мешочники», мелкие маклаки, спекулянты и мародеры, занявшиеся торговлей табаком, папиросами, семечками, сбытом казенного добра да пользовавшиеся бесплатным проездом по железным дорогам, чтобы исполнять миссию самовольных миссионеров продовольственного дела, клавших целиком в карман всю весьма солидную разницу между местными и питерскими ценами на предметы продовольствия... Небольшая примесь оставшихся более идейных элементов – преимущественно большевиков, принципиально уклонявшихся от составления маршевых рот, – давала всем этим элементам весьма удобную «вывеску», ширму для своего эгоизма, лени и трусости.

Петроградская тактика послужила образцом для тактики во всех других городах. Россия дореволюционная, Россия мудрого управления Протопопова была вся наводнена непомерно разросшимися тыловыми гарнизонами. Частью для того, чтобы слабость русской армии в военно-техническом оборудовании возместить изобилием «пушечного мяса», частью для того, чтобы по всей России иметь под рукой достаточную военную силу для подавления революционного движения, старый порядок мобилизовал, мобилизовал и мобилизовал, возраст за возрастом, категорию за категорией.

Огромное количество людей было оторвано от производительного труда на сроки столь длинные, как не предполагал никто. Между тем война затягивалась до бесконечности. Они отвыкали от своего профессионального труда и быстро подвергались неизбежной деморализации. В известном рассказе «Мишаньки» Глеб Успенский нарисовал яркую картину того, как примитивные типы здоровых, отличных деревенских парней, в привычной колее трудовой жизни представлявшие образец твердых жизненных правил и превосходного поведения, выскочив из этой привычной колеи и очутившись в водовороте незнакомой им городской жизни, быстро растерялись, потеряли почву под ногами и в слишком сложной для их грубых мозгов обстановке потеряли способность различать, где зло, где добро. Тыловые гарнизоны явились самой настоящей лабораторией таких деклассированных солдатчиной, деморализуемых бездельем тылового казарменного

прозябания, бессмысленно ожесточенных безудержной демагогией «Мишаней».

На фронте тот же процесс нашел других, несколько неожиданных агентов своего ускорения. Это были массами двинутые на фронт жандармы и городовые старого режима. Для того ли, чтобы «загладить» свои старые грехи перед народом, или для того, чтобы «саботировать» войну, на которую погнали их, побежденных, революционеры-победители, – но только по прибытии на фронт, распределенные по разным воинским частям (свести в особые отряды их боялись, чтобы эти отряды не послужили легким орудием контрреволюционных военных заговорщиков), они заняли там самую крайнюю позицию. Эти сверхбольшевики, с идейным большевизмом ничего не имевшие общего, нашли себе податливую аудиторию в темной, усталой, еще при старом режиме отвыкшей побеждать и утратившей веру в себя массе. Тяга домой, усиленная летаргическим замиранием фронта в каком-то состоянии неписаного, молчаливого сепаратного перемирия, при котором приходилось бессмысленно прозябать в грязных окопах, все увеличивала и увеличивала число этих мнимых «большевиков», которым правильнее было бы дать имя «домовиков».

Таким образом, неработающие рабочие, сухопутные матросы и невоюющие солдаты – вот те «три кита», на которых держится наш нынешний охлократический образ правления...

<...>

Когда (еще до падения самодержавия) мне приходилось задумываться над характеристикой особенностей всего социально-экономического развития России, постоянно мысли мои возвращались к одной, чреватой величайшими историческими последствиями черте.

Эту черту я определял как крайне неблагоприятное соотношение между положительными и отрицательными сторонами русского капитализма.

Капитализм всякой страны в эпохи кризисов развертывает в наибольшей мере свои разрушительные, человекоубийственные черты; в эпохи промышленного процветания, наоборот, свои творческие, культуuroобразующие. Но смены кризисов периодами процветания – только периодические приливы и отливы капиталистического океана, только зигзаги его хода. Капитализм каждой страны, независимо от этой «качки», от этого крена то в сторону минусов, то в сторону плюсов, знает свою «среднюю пропорцию»; и эта пропорция, конечно, неодинакова в разных странах. Можно даже сказать, что проложить наиболее существенную классификацию капиталистических стран – это значит расположить их в порядке убывания положительных и нарастания отрицательных сторон капитализма. При этом окажется, что страны привилегированные, в смысле чрезмерного перевеса творческих сторон капитализма над разрушающими, таят в себе максимальную опасность буржуазного вырождения пролетариата. Наоборот, страны наиболее обделенные, где капиталистическое хищничество наиболее затемняет, сдавливает и уродует капиталистическое строительство, чреваты в наибольшей мере прямо противоположной опасностью – охлократического вырождения про-

летариата. Здесь, как и во всех областях, есть какая-то норма капиталистической погоды, наиболее благоприятная росту на почве буржуазных отношений социалистической силы, достаточно сплоченной и культурно воспитанной процессами капиталистической жизнедеятельности и в то же время достаточно гарантированной от мещански-примиренческого к ней отношения. Между пролетарским мещанством и пролетарской чернью, как между Сциллой и Харибдой, лежит средний путь пролетариата, как социалистического демоса.

Если дальше Англии и Германии не выходила ни одна из европейских стран на те вершины капиталистического развития, где свирепствует эпидемия омещанения пролетариата, то глубже России, кажется, ни одна не спускалась в те болотистые низины этого развития, где изобилуют миазмы обособления его. Нигде, быть может, в такой мере не свирепствовало капиталистическое накопление, в союзе с бюрократическим хищничеством и дворянско-крепостнической эксплуатацией, нарушая все старые «устои», выводя из жизненной колеи, переворачивая вверх дном, создавая брожение, развал и распад, как в России. И нигде не вознаграждало оно так мало, как в России, за эту свою негативную работу – работой позитивной, творящей новые устои общественного бытия. В связи с этим ненадежность, неустроенность, «ненаезженность» русской жизни, создававшая атмосферу вечного «переходного времени», вечной жизни «накануне» чего-то, вечного перемирания с ноги на ногу на каком-то историческом распутье, среди политической распутицы везде и морального распутинства наверху. «Мятущийся» русский интеллигент, «здесь града не имущий, но грядущего взыскующий», в то же время сам не знающий, на что опереться, и попадающий то и дело в положение «лишнего человека», русский интеллигент – этот вечный идейный бродяга и отщепенец, и своими сильными, и своими слабыми сторонами отражает на себе, как самый чуткий термометр, лишь это «бродильное» состояние всей русской жизни. Разве случайно, что первый, по всему духу своему истинно пролетарский писатель России Максим Горький в своих произведениях гораздо ярче и всесторонне изобразил быт людей «деклассированных», выбитых из всякой жизненной колеи, босяков, чем классово устойчивых пролетариев нового капиталистического стиля? Разве случайно еще в первой половине девяностых годов, когда после долгого политического маразма предшествующего реакционного лихолетия стала возрождаться и искать своих путей революция, то одним из самых первых заметных новообразований было течение – ныне полузабытое, – программу которого в шутку окрестили «босяцкой программой»? Течение это видело наиболее горячий и годный к революции элемент в пролетаризированных, но не нашедших своей жизненной «полочки» под ферулой фабриканта элементах города и деревни – в «резервной рабочей армии» совершенно особого рода, так сказать, некапиталистической или «капиталистически-излишней» рабочей армии, непомерное разрастание которой есть следствие того, что процессы разложения всех старых устоев жизни у нас далеко опережают процессы складывания новых устоев. Это течение искало в пестрой массе «разночинцев» другой элемент революционного брожения, полагая, что «разночинец» стоит в таком же приблизительно отношении к заправской интеллигенции, как и «босяк» – к пролетарию. Это течение не

предполагало, что интеллигентное «босячество» и пролетарски-солдатское «босячество» сыграют минимальную роль в деле приготовления и победы революции, придут на готовое сейчас же, на второй день после революции, и своим грязным мутным потоком наводнят и затопят все. Это течение не предвидело также, что универсальное «босячество» нежданно блеснет перед нами еще одною своею гранью: ужасающим моральным босячеством, доходящим до красного иезуитизма, и таким же идейным босячеством, превращающим социализм в какое-то уравнилельно-коммунистическое «опрощение» всей страны, а марксовский лозунг «эксплуатация эксплуататоров» в ленинский лозунг «грабеж награбленного», в какой-то универсальный захватнический лозунг – «на шарап!».

Превалирование в капитализме разрушительных сторон над созидательными означает перевес в классах эксплуатируемых – стихийной ненависти и жажды мести над рассчитанным стремлением к реорганизации строя, с устранением ответственности персонального состава привилегированных классов за их исторически сложившееся классовое положение. Эта мстительно-погромная и самосудная стихия всегда притягивала к себе демагогию. В революции 1905 года она «обрабатывалась» преимущественно максималистами и анархистами. В Прибалтийском крае она впервые создала «лесных братьев». На Урале она против партийных организаций выдвинула Лбова и лбовцев. По всей России она расплылась в «экспроприаторство», с его подвигами разных, ни к какой дисциплине не способных «удалых добрых молодцев», новоявленных ушкуйничков, «красносотенцев» революции.

В нынешней революции «большевизм», оттертый от «демоса» союзом социалистов-революционеров и меньшевиков, апеллировал к «охлосу», перехватив его у максималистов и анархистов ценою собственного анархо-максималистского перерождения. А так как война страшно обострила все пертурбационные процессы, так как великая внутренняя всероссийская разруха усиливала все время центробежные силы за счет центростремительных, то в один прекрасный момент «охлос» сломал все тормоза, опрокинул все рогатки, сбросил все организационные недоуздки – и «демос» беспомощно расплылся и потонул в «охлосе»...

<...>

Когда приходится задаваться вопросом: готова ли Россия к социализму? – то обычно взвинчивают, во-первых, степень развития производительных сил страны, – ибо свести «социализм» ко всеобщему равенству на нищенском уровне значит только дискредитировать идею социализма. Затем обращаются к вопросу о степени организованности рабочего класса – и прежде всего к степени его экономической организованности. Среди социалистических мыслителей более или менее общепризнанно, что хозяйственная структура будущего общества будет вовсе не «создана из ничего» росчерком пера на социалистическом декрете. Нет, эмбрион этой структуры должен созреть уже в материнском лоне буржуазного общества, – и тот факт, что буржуазное общество, как *mère dénaturé*¹, стремится

¹ Мать-извращенка (франц.).

ся к вытравлению этого плода, ничего не меняет. Кооперативная и профессиональная организация рабочего класса, со всею совокупностью группирующихся вокруг них учреждений, – вот этот зародыш. Будущий социалистический строй должен представлять собою, во-первых, огромную, обязательно включающую всех граждан, общенациональную «потребилку», учитывающую все потребности страны и ставящую, на основании этого учета, свой «заказ» всему национальному производству. Во-вторых, социалистический строй будет таким же публично-правовым союзом всех граждан, поделенных по родам занятий, – и эти могучие самоуправляющиеся трудовые корпорации будут автономно управлять соответственными ветвями национального производства. Гармония производства и потребления предполагает, таким образом, общенациональную организованность: во-первых, всех граждан как потребителей – зародышем чего являются нынешние частнопровые союзы, кооперативы; во-вторых, всех граждан как производителей – зародышем чего являются нынешние частнопровые профессиональные союзы.

Совершенно ясно, что момент превращения зародышей будущего строя, частнопровых организаций в публично-правовые соединения, в органы трудового государства, будет колоссальным экзаменом зрелости. И не выдержать этого экзамена будет значить надолго похоронить собственное дело. Прежде чем практически попытаться совершенно отстранить буржуазию от кормила во всем народном хозяйстве и встать на ее место, рабочему классу необходимо пройти школу хозяйственного самоуправления в кооперативах и синдикатах, не говоря уже о городских муниципалитетах и сельских самоуправлениях. Не тот рабочий класс, который громче всех аплодирует самым крайним социалистическим требованиям на митингах, более всего готов для социализма, – а тот, который сумел создать наиболее внушительную профессиональную и кооперативную организацию, в то же время не разменявшись на мелочи повседневной деловой работы и не забыв за практической деловитостью великого общего идейного социалистического дела.

И профессиональные союзы, и кооперативы вначале бывают лишь организацией передовых кучек рабочих. Таким частнопровым соединениям вдруг превратиться в государственные общегражданские органы нового, социалистического строя – было бы таким головоломным *salto mortale*, от которого делу социализма не поздоровилось бы. Социализм и социалистическая тактика – не акробатическое искусство. Рождение нового общества будет тем легче, безболезненнее и успешнее, чем меньше окажется фактическое различие между принципиально различными частнопровыми кооперативами, синдикатами современности – и публично-правовым соединением граждан нового трудового общества в территориально-потребительные союзы, с одной стороны, в производительно-трудовые корпорации – с другой. Иными словами, уже на началах добровольного соединения кооперативы и синдикаты должны охватить как можно полнее рабочий класс – это раз; уже на началах частной инициативы они должны приобрести практику успешного разрешения самых многосложных хозяйственных заданий – это два.

Социализм в экономической области есть не что иное, как переход от старой системы, самодержавия капиталиста на «его» фабрике, через промежуточную систему «фабричного конституционализма» (к этому тяготеет все рабочее законодательство, все содержание социалистической программы-минимум в рабочем вопросе), к конечной стадии полной фабричной демократии, т.е. трудовой индустриальной республике. Но фабричная демократия требует, чтобы был налицо фабричный демос. Старое общество, беременное новым, боится своего дитяти: ведь оно, как в мифе о Зевсе, убившем своего отца Сатурна, несет ему гибель. Старое общество заинтересовано, чтобы исторические роды закончились нежизнеспособным выкидышем.

Вот почему процесс самоорганизации рабочего класса, процесс выработки из аморфной рабочей «массы» выкристаллизованного демоса усердно минируется и подрывается наиболее предусмотрительными и злостными сторонниками старого строя. Пока масса находится в состоянии распыленности, пока она организована лишь поверхностно и на бумаге, до тех пор она, быть может, способна делать чудеса в области борьбы и разрушения, но она является беспомощной в деле творчества. Людская пыль может вздыматься ветром, крутиться грандиозным смерчем, засыпая и погребая под своей стихийной тяжестью то, что встает ей поперек дороги. Но самые бурные движения «людской пыли», при всей своей мощи, не гарантируют никаких прочных и осязательных результатов. Все это – лишь метания охлоса. Охлос – это улица, это – толпа, это – чернь, это – людская пыль, соединения которой стадны и движения которой – капризны, неустойчивы и случайны. Строить на них – значит, поистине, строить «на песке».

Создание из аморфных «масс» настоящего «демоса», превращение неустойчивой «толпы» в «народ» – означает параллельный процесс: выработки рабочей личности.

Толпа, масса – безлична. В ней личность обезличивается. Личностью, отдельным индивидом в ней управляет по преимуществу стихия массовой заразы. Разные направления этой массовой заразы обладают силою и неотвратимостью настоящих психических эпидемий. В толпе личность нивелируется. В «демосе», наоборот, личность бережно охраняется, все самобытное, оригинальное в ней выявляется и находит арену для своего обнаружения. «Безличная личность» толпы создает как свое необходимое дополнение «вожака стада», движения которого имитируются всеми. Толпа, охлос есть необходимое и естественное «подножие ног» какого-нибудь самодержца. Свергнув наследственного самодержца, она охотно поставит на его место демагога. И чем усерднее будет этот демагог твердить, что он – всем слуга, тем легче он обеспечит за собою совершенно тираническую власть и выработается в маленького деспота. Без демоса не может быть и демократии. Ее место занимает охлократия, с ног до головы опутанная ловкой и беззастенчивой демагогией. За иллюстрациями ходить недалеко: ими пестрит до ряби в глазах вся деятельность Совета народных комиссаров.

Новый строй нуждается в новом человеке. Пути его трудны. Его не может быть без перевоспитания личности рабочего человека. Без такого перевоспитания «демос» будет вечно скользить по наклонной плоскости назад, ко впадению в

охлосо-образное существование. Об этом не думают иные «ура-социалисты», полагающие, что отваги и натиска вполне достаточно, ибо с ними штурмом можно взять все препятствия – интеллектуальные, моральные, психологические – на пути к социализму, ибо ими можно с успехом заполнить все пробелы и прорехи в подготовке рабочего класса к социализму.

Выработка новой личности... Но кому же не ясно, каким колоссальным препятствием для этого служит психологический след, врезанный в души тремя годами войны? Одичание, ожесточение, озверение – медленно и постепенно вели они «тихую сапу» под самые основы душевной устойчивости масс и, наконец, привели к чудовищному взрыву. Когда, после убийства Шингарева и Кокошкина, двое матросов поссорились из-за кожаной куртки одного из них – «делили ризы его между собою и об одежде его метали жребий» – какого еще более яркого примера омертвления духовного, затемнения совести, обрастания сердца заскорузлой корою можно было желать? И когда на таких людях держится «социалистическая власть» – разве здесь, в немногом, красноречиво не выражается многое? Для социализма нет ценности выше, чем жизнь человеческая. Социалистический демон живо чувствует это. Но псевдосоциалистический охлос совершенно чужд «этих глупых нежностей». Для него жизнь – копейка, в особенности чужая; да и своя подчас не дороже. Это не препятствует патриотическому разгулу шкурных инстинктов: толпа, чернь соткана из противоречий. На фоне охлократического выражения нашей революции после октябрьского переворота странным отголоском, словно из какого-то другого мира, было чествование годовщины памяти Каляева¹. Чуткая, глубокая, вдумчивая совесть, остановившая его вооруженную бомбою руку, как только он увидел, что эта бомба поразит сидящих рядом в карете великокняжеских детей... Как это дико в наши дни, когда из тяжелых орудий «во имя социализма» громят целые города, когда случайные жители набиваются в страхе за жизнь в подвалы домов и нередко задыхаются там в ужасных муках, под обвалившимся от бомбардировки зданием! В наши дни, когда свирепый самодур сделался «бытовым явлением», когда, в панике от немецкого нашествия, солдаты, вооруженные «защитники отечества» первые захватывают вагоны, выбрасывают из них всех пассажиров – стариков, женщин и детей; когда с поезда на всем ходу сбрасывают человека, осмелившегося «поперек слово молвить» озлобленным людям, не терпящим никакого противоречия; когда «защитники родины и революции», бегущие от немцев, готовы вести между собою кровопролитные бои вокруг винных погребов; когда разорвать в куски, растерзать, поднять на штыки готовы походя – согласитесь, нежный образ Каляева является как бы выходцем с другой планеты. Еще так недавно этот акт Каляева казался нам моральным символом всей революции. А теперь?

Но кто думает теперь о воспитании моральной личности рабочего, о том, что новое вино не вливают в старые меха, о том, что для преобразенного строя нужен и новый, преобразенный человек? Мы теперь через все перескакиваем декретами, все устраним, черкнув пером по бумаге: «по ленинскому прошенью, по шу-

¹ Каляев Иван Платонович (1877–1905) – революционер, член партии эсеров и ее боевой организации. 4 февраля 1905 г. убил бомбой московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича.

чьему велению – быть по сему!». Перескочим и через «нового человека». Вот только через одичание и озверение перескочим, а запнемся и сами, сломя голову, окунемся в него. В гражданской войне, которую охлос теперь порою ведет с демосом, за отсутствием, после поражения контрреволюции, других врагов, охлос сплошь и рядом побеждает по очень простой причине: охлос ни на секунду не задумывается перед такими действиями, от которых демос не может не отпрянуть в ужасе. Белинский когда-то сказал: негодяи потому в жизни всегда побеждают честных людей, что честные люди обращаются с негодьями, как с честными людьми, а негодяи – с честными людьми, как с негодьями. Охлос состоит не из негодяев, но он – законная добыча авантюристов и негодяев. Боясь ослабить демократию междоусобием, демос позволяет себя скрутить демагогам, идущим во главе охлоса. Ослабление демократии получается сугубое: но вожди демоса утешают себя сознанием, что в этом их вины нет, и в спокойствии индивидуальной совести находят тихое пристанище от вида всеобщего развала демократии...

<...>

Перевоспитание личности... Социалистическая культура... Кто думает о ней сейчас, когда какое-то «опрощение» – финансовое, государственное, экономическое, культурное – сделалось законом жизни?

Правда, у нас был когда-то патентованный проповедник создания особой «пролетарской культуры», Луначарский¹, который ныне ведает «народным просвещением». Не опровергает ли это наши речи об охлократическом вырождении нашей духовной культуры в той фазе революции, в которую мы вступили после октябрьского переворота?

В эти грозные дни, когда волны немецкого нашествия – в разгаре нашей демобилизации и самодемобилизации армии – начали катиться через Прибалтийский край и Псковскую губернию к самому Петрограду, – я, не веря глазам своим, читал объявление о том, что в здании Армии и Флота, управляемом гражданкой Луначарской, объявляется «веселая танцулька» со «всеобщей мобилизацией всех танцевальных сил», куда зовут всех «молодушек и красных девушек» получить свое полное удовольствие по дешевой цене: «за вход пять рублей»... Балами и танцульками полно все... Серпантин, бой конфетти, все приманки, вплоть до какой-то «социальной любви» в заключение вечера, пестрят на всех афишах, все «социализировано»... Вся мещанско-обывательская пошлость хлынула волной вниз, в демократию под флагом социализации культуры, с претензиями на революционные новшества. Уродуют немилосердно авторов, «революционируя» их, всякий на свой салтык. В театре Московского Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] дают Евгения Онегина, где – согласно ленинскому декрету о браке, Татьяну заставляют не говорить «я другому отдана и буду век ему верна», но бросаться в объятия Онегина; гоголевскую «Женитьбу» ставят не иначе, как переделав ее заглавие в «Женихи старого режима», и т.д. и т.п. Всех больше танцует

¹ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – политический деятель. В 1917–1929 гг. народный комиссар просвещения.

«Красный Кронштадт»: там какая-то эпидемия балов и плясов, там целую ночь пускают ради этого электричество, из-за недостатка которого порой у нас оставались заводы и сидят вечерами в полутьме обыватели. Вопиющее опшление вкусов, победоносно спускающееся с «верхов» стеной обывательщины в низы, идет рука об руку с «демократизацией» легкости нравов. В связи с заповнением городов солдатчиной – здоровенными малыми, поставленными на бессемейное положение, – летучие браки делаются законом жизни, и это тоже сходит чуть ли не за социалистическое отрицание нынешнего брака и семьи. Охлократия заражает молодую демократию всей поверхностностью, несерьезностью, мелочной, некрасивой и грязной развращенностью мещанства. Социализму грозит самая подлинная, самая серьезная опасность от этого прикрытия его именем вещей, органически чуждых и противоположных малейшему намеку на социализм. Все, что есть стихийно-здорового, примитивно-девственного и неиспорченного в психологии и быте рабочего человека, – заражается болезнями перезрелой мнимой культуры...

А между тем немногие попытки понести к народу истинное искусство уже не раз свидетельствовали о том, что народная душа способна тянуться к нему и благоуханно раскрываться навстречу его теплу и свету, как полевой цветок навстречу солнцу. Сколько трогательных сцен, сколько потрясающих излияний сохранили в своей памяти пионеры, приносившие в «низы» образцы настоящей, высокой и одухотворенной, утонченной красоты! Но это стремление «демоса» к действительному эстетическому и интеллектуальному развитию – оно слабым ручейком пробивается в сыпучих песках, то и дело пропадая в них; русло его засорено всяким мусором, всякими «танцульками» и «Женихами старого режима». Жизнь вопиет о том, что необходима особая культурная организация, развивающая вкусы народа, озаряющая часть его веселий радостным светом подлинной, возвышающей красоты, спасающей от впадения в пошлость. А у нас всеразрешающие Советы в погоне за вкусами улицы копируют худшие зазывания модного кафешантанного жанра. У нас задача – поднятие умственного уровня масс, серьезного самообразования и ученья, а у нас пичкают его упрощенной пищей дешевых популярных брошюрок, с элементарной жвачкой, да насвистывают рабочих, как скворцов, на поверхностно-фразистых митингах, да в погоне за популярностью создают социалистические газеты уличного, немного не подзаборного жанра, вроде пресловутой, неподражаемой «Красной газеты». Везде, везде наглый охлос наводняет арену, и беспомощно тонет в нем неокрепший демос...

Культурная организация... Организация образовательная... Что говорить о них, когда лозунг охлократии – вообще уничтожение прочных организаций и замена их поверхностными, летучими псевдоорганизациями. Наш демос в области государственного строительства только что получил было свои опорные пункты: волостные земства, земельные комитеты, муниципалитеты, уездные, губернские, областные земские учреждения, увенчанием которых должно было явиться Учредительное собрание. Но «увенчание здания» было обречено на однодневное существование. Муниципалитеты, земства, земельные комитеты разгоняются. Довольно с нас и «Советов»! Это – какие-то универсальные организации. Они ор-

ганизуют и эстетическое воспитание народа, они и образованием его займутся, они и общественное хозяйство поведут – все они! У нас кооперативы, которым, казалось бы, и книги в руки по части продовольственного дела. Объявим кооператоров «сеledочниками», отстраним их, а продовольствие организуем посылкой вооруженных красногвардейских и матросских отрядов, которые все реквизируют, доставят, распределят, и ладно! У нас были зародыши профессиональной организации? Потопим эти кристаллы объединения в аморфной массе, решив, что мы уже вполне созрели для социализма и что потому добровольные профессиональные союзы должны уступить свое место принудительному соединению всех рабочих профессий в публично-правовую организацию, служащую исполнительным органом новому, социалистическому государству!

Вот именно: мы до всего дозрели. Отличительная особенность «охлоса» сравнительно с «демосом» в том и состоит, что охлос считает себя готовым для всего. Так, льстя ему, говорят те, кто управляет им, как стадом, при помощи этой лести. Только демос понимает, какая великая лестница развития, какие горизонты восхождений простираются перед ним. Только демос отдает себе отчет в собственных силах и способен к самоограничению в своих достижениях и планах. Только демос при этом трезво взвешивает свои недостатки и вооружается для борьбы с ними. Охлос этого чужд. Он привык к угодничеству. Истинные друзья, считающие себя вправе говорить ему в лицо хотя бы горькую и суровую правду, не золотящие пилюль и желающие ему «служить, но не прислуживаться», его раздражают и досадуют. Он предпочитает поддакивающих и поддельвающих. Подбадриваемый ими, он будет скользить весело «по тропинке бедствий, не предвидя от сего гибельных последствий». Это легче и, на первый взгляд, приятнее, чем омрачать свой путь взвешиванием препятствий, предостережением против промахов, подчеркиванием пробелов и недобора в силах.

Если в царстве демоса, готовясь и взвешивая шансы, работают в сложном деле общественного строительства, то в царстве охлоса – «распоряжаются». Особенно в царстве охлоса, взбудораженного войной. Незаметно и невидно, своими «нежалящими когтями» бытовая обстановка военного времени цепко впивается в психологию и уже не выпускает ее. Посмотрите на всю работу «октябрьской» власти. Вглядитесь хотя бы в самый текст, в самый язык ее законодательства. По содержанию, по стилю – по всему ее «декреты» суть настоящие «приказы по социальной армии». По способам проведения их в жизнь деятельность новой власти дает нам опять какую-то картину своеобразного «штык-социализма». Давно уже было отмечено, что законодательство новой власти совершенно не обнаруживает не только деятельности, но даже и сколько-нибудь серьезных намерений и планов организационного характера в области производства. «Взять» и «раздать» – в этом альфа и омега экономической мудрости. Она живет на готовом, распоряжаясь этим готовым – и проживая его – совершенно «по-военному». Она не задумывается даже перед тем, чтобы жить за счет полуизношенного основного капитала страны. Социализм в охлократическом его издании – словно армия, совершившая оккупацию чужой территории и накладывающая руку на ее запасы. Самая «экспроприация экспроприаторов» у них принимает примитивный характер кон-

трибунций, накладываемых на буржуазию покоряемых контрреволюционных городов. Псевдосоциализм охлократии насковозь пропах казармой. Нужды нет, что этот социализм провозглашает себя непримиримым врагом войны и милитаризма. Он сам духовно подвергся казарменному перерождению, стал своеобразным милитарным социализмом.

И охлократия шагает тяжелым солдатским сапогом, топча молодые всходы демократии, – грубая, топорная, жестокая. Самодовольством она потягается с самодержавием. Охлократия есть не царство восставших граждан, а царство взбунтовавшихся рабов. Но раб, не отделавшийся от рабьей психологии, привык к деспотизму и мыслит себе день освобождения лишь как право перевернуть острие деспотизма в противоположную сторону, взяв его рукоятку в собственные руки. А что затем он острием деспотизма начинает сослепу тыкать и зря, по сторонам в своих собственных братьев, – так ведь это так понятно, так естественно... Особенно приняв во внимание, что демагоги, накаляющие и разжигающие его самые элементарные страсти, для поддержания своего господства должны вечно натравливать его на «чужих», на возможных конкурентов по влиянию. Одна из особенностей охлоса, рядом со слепым повинованием пресмыкающимся перед ним по видимости демагогам, болезненная недоверчивость и подозрительность, воспитанная науськиванием, клеветой и всеобвинительным жаром фанатиков. Психологию охлоса ничего не стоит отравить. И отравленные семена дают ядовитые всходы злобы, ненависти и мести. Охлос живет пережевыванием собственной отрыжки – воспоминаний о былых обидах, гнете и унижениях, и жаждой заплатить оком за око и зубом за зуб. Ему чуждо желание демоса – быть великодушным в своей победе. Только демос, дойдя до освобождения, хочет глядеть вперед, а не назад, хочет оставить открытыми ворота в новую жизнь даже тем, кто был жертвой своего привилегированного классового положения и, пробуя противиться победному ходу вперед колесницы истории, угодил было под ее колеса...

<...>

Борьба охлоса с демосом... Это – не надо забывать – вовсе не есть борьба двух внешне разграниченных коллективных сил. Это – борьба двух начал в душах народных. Подлинно «две души живут в его груди, и одна хочет разлучиться с другой»...

В «охлосе» есть, конечно, элементы чужеродные, пристроившиеся сбоку и способные лишь грязнить все, в чем принимают участие. Какой-нибудь «Ионкакторжник», уголовный, опоясывающий рукав красной лентой, чтобы на основании «ленинского декрета» повести деревенскую гольтьбу на разгром и расхищение образцового имения, взятого в свое заведование земельным комитетом, и разгоняющий, для большей свободы действий, и этот земельный комитет, и волостное земство, якобы «продавшееся буржуазии», какой-нибудь бывший жандарм, большевистствующий ради своей шкуры против наступления на фронте; мартовский революционер, затыкающий за пояс всех в неистовстве самой красной демагогии, – все это просто клещи, впивающиеся в тело народной революции. Но

они – меньшинство. Они только способствуют заведомо своекорыстно развращению «охлоса». Большинство же – это серая масса «Мишанек» и «Кудингчей», поверхностно сагитированных наиболее крикливыми и фразистыми демагогами, – состоит из обыкновенных русских людей, по существу не злых, а лишь обозленных, по существу не хищников, а лишь разгильдяйски неряшливых к общественному добру, по существу не продажных и не бесчестных, а лишь страдающих болезнью истинно русской распущенности, по существу не насильников, а лишь грубых и привыкших к «своим средствам», по существу не равнодушных к судьбам страны, а лишь по-детски и по-дикарски легкомысленных.

Это – лишь сырой материал для будущего «народа», но еще не «народ» в том истинном смысле этого слова, который делает огромночисленный, большой народ *eo ipse*¹ великим народом.

В каждом отдельном человеческом экземпляре этого народа происходит психологическая борьба охлократического начала с демократическим. Торжество первого начала лежит по линии наименьшего сопротивления. Здесь – разнуздывание страстей, здесь – самонадеянное развязывание себе рук, здесь – предъявление требований от жизни, освобожденное от «бремен неудобноносимых» признания своих обязанностей перед жизнью. Торжество второго начала может последовать лишь в результате великих жизненных испытаний и тяжелых исторических родов.

При великой темноте, великой неопытности и духовной первобытности масс может создаться положение, когда путь охлократического вырождения народного движения должен – хотим мы этого или не хотим – должен быть пройден до конца. Пусть он поставит под величайшую угрозу все завоевания революции, весь народ, всю страну, пусть самое бытие ее будет поставлено на карту – ничего не поделаешь. Урок самой жизни, горький урок опыта должен быть дан, ничем не возмущенный, в чистом виде. Иначе опять и опять будет повторяться падение, и его удастся внешней силою лишь прервать – и тем самым процесс его лишь затянуть. Порою приходится быть недовольным зрителем того, как свернувшие, несмотря на все окрики и предостережения, на ложный путь должны пройти его до конца. Вино откупорено – его надо выпить. И что значит при этом знание стороннего зрителя, что это вино пьющему – отравя!

Но, наконец, должен наступить и наступает поворотный момент.

Народ должен испугаться самого себя – и от этого проникнуться мужеством.

Путем тяжкого похмелья, горьких разочарований и душевных утрат, порою после обусловленного ими духовного столбняка наступает кризис. Он может и должен быть смертельным для охлоса. Он может и должен быть рождением демоса.

Не отчаивайтесь в народе, не ставьте над ним крест, когда он, как взрослый ребенок, играет с огнем, рискуя поджечь – и даже поджигая – собственную хату. Это не безнадежный больной и не испорченный от природы, а лишь стихийный человек. Умейте продолжать любить его и жалеть его. Не любя, нельзя ему помочь выздороветь духовно. Не веря в запас его неисчерпаемых сил, нельзя развернуть

¹ В силу этого (*лат.*).

всю полноту собственных сил ему в помощь.

Любите его «черненьким». Любите не слащавой, сентиментальной любовью прекраснодушных народопоклонников, а «ненавидящей любовью» друга, истинного друга, не боящегося бичевать во имя любви в предмете любви все, недостойное любви.

И тогда вы сделаете все, что в силах человеческих, для подготовки великого исторического события: рождения из хаоса, из человеческой пыли, способной к вырождению в охлос, – рождения из него великого демоса – этого будущего демиурга истории...

*Публикуется по изданию:
Чернов В.М. Охлос и демос // Мысль. [Вып. 1].
Пг., 1918. С. 199–225.*